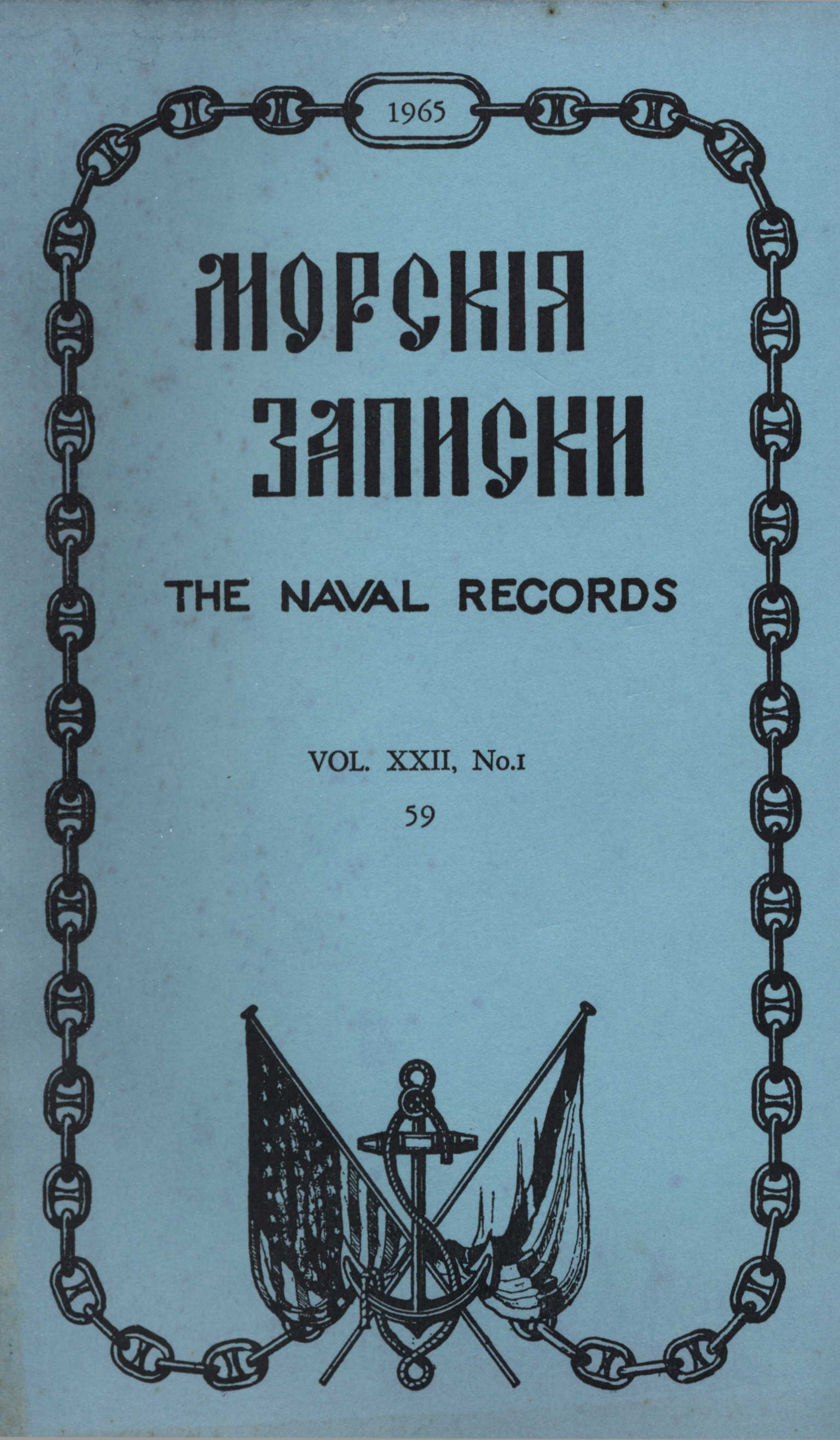

1965
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XXII, No.1
59

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ

подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ

465, Лексингтонъ авеню Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XXII, No. 1 (59) **Price $3.00** June 1965

СОДЕРЖАНІЕ:

CONTENTS:

ALL RIGHTS RESERVED
by
The Association of Russian Imperial Naval Officers
in America, Inc.
New York, N. Y.

ВНИМАНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ ВО ФРАНЦІИ

Представителемъ «Морскихъ Записокъ» во Франціи любезно согласился быть

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ

Mr. Vladimir Yacovleff. "Kismet", 23 Chemin de la Colle
Antibes, (A. M.), France

Просьба обращаться къ нему по всѣмъ вопросамъ касающимся «МОРСКИХЪ ЗАПИСОКЪ»

На складѣ, въ ограниченномъ количествѣ, для продажи имѣются:

Отдѣльные номера предыдущихъ выпусковъ

«МОРСКИХЪ ЗАПИСОКЪ»

и годовые комплекты 1956-1963 годовъ

Томы: I/1943, IV/1946, VI/1948, VII/1949, IX/1951, XI/1953 — разошлись полностью.

КНИГИ:

Контръ-адмиралъ **С. Н. Тимиревъ**
«Воспоминанія Морского Офицера»
Балтійскій флотъ въ войну и революцію 1914-1918
Цѣна съ пересылкой $3.00

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Инж.-Мех. Лейтенантъ **Н. З. Кадесниковъ**
«Краткій очеркъ бѣлой борьбы подъ Андреевскимъ флагомъ на сушѣ, моряхъ, озерахъ и рѣкахъ Россіи въ 1917-1922 г.г.»

Цѣна съ пересылкой $1.75

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Вдобавокъ ко всѣмъ затрудненіямъ по изданію «Морскихъ Записокъ» перечисленнымъ въ № 57 Томъ XX, № 3/4 — 1962 и № 58 Томъ XXI, № 1 — 1963 послужившими причиной задержки выхода дальнѣйшихъ номеровъ журнала, рядъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ въ 1964 году принудилъ редакцію измѣнить выполненіе задуманныхъ плановъ и разсчетовъ.

Переработка полученнаго матеріала для заключительнаго Обзора была пріостановлена, отчасти изъ-за недостатка времени и невозможности дѣлать эту работу урывками, отчасти изъ-за того, что послѣдніе годы дѣятельность морской эмиграціи подверглась значительнымъ перемѣнамъ, потребовавшимъ измѣненія уже написаннаго.

Одновременно съ этимъ, нѣкоторыя статьи написанныя по просьбѣ редакціи для помѣщенія въ Обзорѣ не могли, по своему объему, быть использованы въ немъ полностью. Въ то же время, онѣ настолько интересны, что редакція рѣшила выпустить настоящій номеръ, чтобы ознакомить съ ними своихъ читателей.

Работа по составленію Обзора продолжается, и если не появится новыхъ проблемъ, то заключительный номеръ выйдетъ въ 1966 году.

Кропотливая работа по составленію Алфавитнаго и Систематическаго Указателя статей за 20 лѣтъ была закончена въ началѣ 1964 года и сдана въ типографію, но работа эта до сихъ поръ не закончена.

РЕДАКЦІЯ

НЕ ИМѢЯ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗСЫЛАТЬ НАПОМИНАНІЯ, ПРОСИТЪ НЕ ЗАДЕРЖИВАТЬ ПРИСЫЛКУ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ.

Изданія Обще-Кадетскаго Объединенія

подъ редакціей А. А. Геринга

61, rue Chardon-Lagache, Paris 16, 647 72-55

«ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

14-й годъ изданія

Подписная цѣна на 1965 г.

6 номеровъ — 5.00

«ВѢСТНИКЪ»

15-й годъ изданія

Подписная цѣна

3.00 въ годъ

Представители въ С.Ш.А.:

Г. А. Куторга — 272, Second Ave, San Francisco 18

С. А. Кашкин — P. O. Box 68, Bellrose, N. Y. 11426

КАПИТАНЪ 1-го РАНГА ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ

Въ четвергъ 18-го февраля с. г. въ Парижѣ около пяти часовъ по полудни, на 86 году жизни тихо отошелъ въ вѣчность всѣми чтимый и уважаемый капитанъ I-го ранга Владиміръ Ивановичъ Дмитріевъ.

Покойный былъ послѣднимъ Военно-Морскимъ Агентомъ Россійскаго Императорскаго Флота во Франціи, Бельгіи, Испаніи, и Португаліи, назначенный на эту должность Высочайшимъ приказомъ по Морскому Вѣдомству отъ 1-го апрѣля 1913 года.

В. И. Дмитріевъ окончилъ Морской Кадетскій Корпусъ въ С.-Петербургѣ 4-мъ по старшинству своего выпуска въ званіи фельдфебеля и былъ 14-го сентября 1899 года произведенъ въ чинъ мичмана. По производствѣ въ офицерскій чинъ былъ назначенъ для плаванія на судахъ Тихоокеанской эскадры. Плавалъ въ Тихомъ океанѣ послѣдовательно на канонерской лодкѣ «Кореецъ» и на эск. броненосцѣ «Наваринъ». Въ 1900-1901 г.г., состоя на крейсерѣ I-го ранга «Дмитрій Донской», совершилъ плаваніе въ составѣ отряда, состоявшаго изъ эск. броненосцевъ «Сисой Великій» и «Наваринъ», крейсеровъ I-го ранга «Владиміръ Мономахъ» «Дмитрій Донской» и «Адмиралъ Корниловъ» подъ флагомъ контръ-адмирала Г. П. Чухнина. Отрядъ возвратился изъ Тихаго океана въ отечественныя воды, въ Балтійское море осенью 1901 года.

Затѣмъ В. И. Дмитріевъ плавалъ на транспортѣ «Ермакъ», на минномъ крейсерѣ «Всадникъ» и на крейсерѣ I-го ранга «Владиміръ Мономахъ». Въ 1902 году онъ поступилъ въ Николаевскую Морскую Академію на Гидрографическій отдѣлъ. Въ 1903 году онъ былъ произведенъ въ чинъ лейтенанта и въ 1904 году, окончивъ курсъ наукъ въ Академіи былъ осенью 1904 года назначенъ на должность старшаго штурманскаго офицера на крейсеръ «Жемчугъ», состоявшiй подъ командованіемъ кап. 2-го ранга Левицкаго. Крейсеръ совершилъ походъ на Дальній Востокъ въ составѣ 2-ой Тихоокеанской эскадры подъ флагомъ генералъ-адъютанта вице-адмирала З. П. Рожественскаго.

Послѣ боя въ Цусимскомъ проливѣ, крейсеръ «Жемчугъ» въ составѣ крейсеровъ отряда «Олегъ», «Аврора» и «Жемчугъ», подъ флагомъ контръ-адмирала Энквистъ былъ интернированъ въ Манилѣ на Филиппинскихъ островахъ. Покойный В. И. Дмитріевъ былъ назначенъ на должность старшаго штурманскаго офицера крейсера 1-го ранга «Діана», находившагося въ Сайгонѣ. Подъ командованіемъ капитана 1-го ранга Н. А. Петрова-Чернышина, крейсеръ совершилъ осенью 1905 года походъ изъ Сайгона въ отечественныя воды, въ Балтійское море.

Въ 1906 году В. И. Дмитріевъ былъ назначенъ на должность старшаго штурманскаго офицера лин. корабля «Слава», состоявшаго въ составѣ отдѣльнаго отряда судовъ наназначенныхъ для плаванія съ корабельными гардемаринами. Въ 1907 году онъ былъ произведенъ въ чинъ старшаго лейтенанта.

Съ 1907 по 1909 годъ онъ былъ въ должности флагманскаго штурманскаго офицера Штаба Командующаго отдѣльнымъ отрядомъ судовъ, назначенныхъ для плаванія съ корабельными гардемаринами. Въ декабрѣ 1908 года отрядъ принималъ дѣятельное участіе въ оказаніи помощи пострадавшимъ во время бывшаго въ Сициліи и Калабріи сильнаго землетрясенія.

Съ 1909 по 1911 годъ В. И. Дмитріевъ состоялъ въ должности старшаго офицера крейсера 1-го ранга «Адмиралъ Макаровъ». Въ 1911 году онъ былъ прикомандированъ къ

Морскому Генеральному Штабу для занятій и работалъ во 2-мъ Оперативномъ Отдѣлѣ этого Штаба. Одновременно онъ преподавалъ науки кораблевожденія (лоціи и морскія карты) въ штурманскомъ офицерскомъ классѣ при Главномъ Гидрографическомъ Управленіи. 25-го марта 1912 года В. И. Дмитріевъ былъ произведенъ въ чинъ капитана 2-го ранга.

Въ 1913 году стало ясно, что угрожающее поведеніе Центральныхъ европейскихъ державъ Тройственнаго Союза можетъ привести къ всеобщему европейскому вооруженному столкновенію. За годъ до наступленія войны 1914-1918 года, для участія въ подготовкѣ къ ней, Высочайшимъ приказомъ Государя Императора отъ 1-го апрѣля 1913 года, В. И. Дмитріевъ былъ назначенъ на чрезвычайно отвѣтственную должность Военно-Морского Агента при Россійскомъ Императорскомъ Посольствѣ въ Парижѣ, — этомъ главнѣйшемъ европейскомъ политическомъ центрѣ, гдѣ въ ту пору разрѣшались вопросы міроваго, историческаго значенія.

На этой должности требовался энергичный, дѣятельный, одаренный большимъ тактомъ и дипломатическими способностями морской офицеръ. Всѣми этими качествами обладалъ въ полной мѣрѣ покойный В. И. Дмитріевъ. Поэтому выборъ Государя Императора остановился на немъ.

Черезъ Морское Агентство въ Парижѣ проходили многочисленные военные заказы русскаго Морского Министерства, съ началомъ войны еще болѣе увеличившіеся въ своемъ количествѣ. Покойный В. И. Дмитріевъ за время своей службы при Императорскомъ Россійскомъ Посольствѣ во Франціи пріобрѣлъ значительное число знакомствъ среди вліятельныхъ французскихъ правящихъ круговъ и лицъ служившихъ во французскомъ Морскомъ Министерствѣ. Онъ неизмѣнно пользовался ихъ большимъ уваженіемъ и внимательнымъ съ ихъ стороны отношеніемъ. Въ 1915 году онъ былъ произведенъ въ чинъ капитана 1-го ранга.

Въ 1917 году, послѣ отреченія Государя Императора, первые мѣсяцы работа Морского Агентства въ Парижѣ продолжалась обычнымъ порядкомъ. Въ іюлѣ 1917 года помощникомъ В. И. Дмитріева былъ назначенъ капитанъ 2-го

ранга В. В. Яковлевъ и вскорѣ послѣ его прiѣзда начали появляться отдѣльные, вышедшiе въ отставку старые морскiе офицеры, которымъ пересылалась из Россiи ихъ пенсiя. Послѣ Октябрьской революцiи, передъ началомъ которой прибылъ во Францiю назначенный посломъ Временнаго Правительства В. А. Маклаковъ, не успѣвшiй вручить своихъ вѣрительныхъ грамотъ, но вступившiй фактически въ исполненiе сбоихъ обязанностей. Вскорѣ послѣ этого французское Правительство закрыло свои кредиты русскимъ представителямъ во Францiи и назначило особаго ликвидатора русскихъ имуществъ во Францiи. Всѣ русскiя организацiи оказались безъ притока средствъ, а между тѣмъ въ каждой изъ нихъ находился весьма большой личный составъ, въ частности у Морского Агентства были на иждивенiи личный составъ посыльнаго судна «Злата», находившагося въ ремонтѣ въ Сенъ-Назеръ и команда и офицеры лин. корабля «Пересвѣтъ», погибшаго возлѣ Портъ-Саида на минахъ и переведенные въ Брестъ во Францiи. При Морскомъ Агентѣ состояло около десяти человѣкъ офицеровъ, присланныхъ въ распоряженiе Военно-Морского Агента В. И. Дмитрiева, въ томъ числѣ трое въ санаторiяхъ въ Швейцарiи, присланныхъ еще до революцiи.

Французскiй Морской Министръ Леигъ, которому В. И. Дмитриевъ разсказалъ о создавшемся положенiи, предложилъ принять русскихъ морскихъ офицеровъ, желающихъ продолжать борьбу съ противникомъ, офицерами въ французскiй флотъ на время войны и обѣщалъ провести законъ объ этомъ черезъ Палаты. Это потребовало нѣкоторое время и декретъ появился въ серединѣ 1918 года.

Вскорѣ декретъ былъ распространенъ и на русскихъ летчиковъ оказавшихся заграницей, которые были приняты во французскую морскую авiацiю. Морскiе офицеры были назначены для службы на берегу, строевые на приморскiя батареи и въ Штабы префектовъ, а инженеръ-механики въ портовыя мастерскiя. Послѣ капитуляцiи Турцiи, многiе офицеры были назначены на французскiе корабли, посылаемые въ Константинополь и Черное море.

Послѣ первой эвакуаціи Крыма, во время которой британцами было вывезено нѣсколько сотъ человѣкъ въ числѣ которыхъ было нѣсколько морскихъ семей, на попеченіи Морского Агентства оказалось уже значительное количество лицъ, которымъ нужно было оказывать помощь. По счастью къ этому времени британская компанія Гудзонова залива (прообразъ когда-то существовавшей Русско-Американской Компаніи на Аляскѣ), черезъ которую В. И. Дмитріевъ производилъ заказы въ Англіи и которая принимала дѣятельное участіе въ перевозкѣ грузовъ изъ Франціи на сѣверъ Россіи, получила страховыя преміи за погибшіе подъемные краны, купленные за счетъ русскаго Морского Министерства для Архангельска, а также плату за фрахтъ нѣсколькихъ русскихъ пароходовъ, взятыхъ во время паденія Временнаго Правительства для эксплуатаціи британскимъ адмиралтействомъ. Эти деньги позволили В. И. Дмитріеву начать оказывать помощь нуждающимся морскимъ эмигрантамъ.

Послѣ оставленія Крыма армія генерала Врангеля, въ концѣ 1920 года, и остатки Черноморскаго флота пришли въ Бизерту, гдѣ были интернированы. Въ началѣ 1921 года въ Бизертѣ и ея окрестностяхъ оказалось большое количество русскихъ бѣженцевъ (болѣе шести тысячъ), въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей. Не входившіе въ составъ эскадры были размѣщены въ нѣсколькихъ лагеряхъ въ Тунисѣ. На судахъ былъ оставленъ необходимый для сохраненія кораблей въ порядкѣ личный составъ офицеровъ и команды. Семьи офицеровъ и команды эскадры были помѣщены на старомъ броненосцѣ «Георгій Побѣдоносецъ», поставленномъ около города въ каналѣ. По соглашенію достигнутому В. И. Дмитріевымъ съ Французскимъ Морскимъ Министерствомъ, послѣднее обязалось выдавать паекъ офицерамъ, командѣ и ихъ семьямъ оставшимся жить на корабляхъ эскадры. Этотъ же договоръ распространялся и на весь личный составъ Морского Корпуса, эвакуированнаго съ эскадрой въ Бизерту. Лицамъ, находившимся въ лагеряхъ было предложено пріискивать себѣ работу въ Тунисѣ, и для этого было образовано особое отдѣленіе при французскомъ

консульствѣ въ Бизертѣ. Для дѣтей находившихся въ лагеряхъ и на «Георгіи Побѣдоносцѣ», въ Парижѣ былъ образованъ епископомъ Шапталь специальный отдѣлъ для ихъ помѣщенія въ различныя школы во Франціи на полный пансіонъ. Въ теченіе перваго года было устроено болѣе ста дѣтей, часть которыхъ бельгійскимъ кардиналомъ Мерсье были устроены въ учебныхъ заведеніяхъ въ Бельгіи. Постепенно, жившіе въ лагеряхъ поступали на работы или получали разрѣшеніе на выѣздъ во Францію и, такимъ образомъ, количество людей поступавшихъ на попеченіе Морского Агента въ Парижѣ все увеличивалось.

Въ 1924 году числилось, по спискамъ Агентства, 575 офицеровъ проживающихъ въ различныхъ городахъ Франціи, въ томъ числѣ около 70-ти офицеровъ подпоручиковъ по Адмиралтейству, Корпуса Корабельныхъ офицеровъ и нѣсколькихъ гардемаринъ, пришедшихъ подъ командой кап. 1-го ранга М. А. Китицына изъ Владивостока и оставшихся въ Югославіи. Корабельные гардемарины бизертскихъ выпусковъ въ это число не входили, потому-что въ большинствѣ они были размѣщены по разнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ во Франціи, Чехословакіи и Югославіи. Слѣдуетъ упомянуть о содѣйствіи при этомъ Предсѣдателя Русскаго Національнаго Комитета М. М. Федорова, коему въ 1922 году В. И. Дмитріевъ, М. А. Китицынъ и В. В. Яковлевъ указали на желательность устройства этихъ молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія. М. М. Федоровъ горячо принялъ это къ сердцу и фактически Національный Комитетъ превратился въ Комитетъ Помощи Русскимъ Студентамъ. Большинство этихъ молодыхъ людей окончило высшія школы и дало много выдающихся инженеровъ.

Морской Корпусъ въ Бизертѣ былъ помѣщенъ на фортѣ Эль Кебиръ, а обслуживавшіе его офицеры и преподаватели съ ихъ семьями были размѣщены въ лагерѣ Сфаятъ, находившемся около этого форта. Для всѣхъ отпускался тотъ же паекъ, какъ и для личнаго состава эскадры. Гардемаринъ и кадетъ въ Корпусѣ находилось около 320-ти.

По требованію французскихъ властей, гардемарины должны были срочно закончить свое образованіе и быть вы-

пущены въ теченіе 1922 года. Первый выпускъ былъ весной 1922 года, второй — 5-го іюля и третій 6 ноября того же года. Большинство бывшихъ воспитанниковъ продолжало во Франціи и въ другихъ странахъ учиться въ высшихъ школахъ при помощи Комитета М. М. Федорова. Бѣжескіе лагери разсосались раньше и прекратили свое существованіе к 1923 году.

В. В. Орѣховъ, издающій въ Бельгіи журналъ «Часовой», в № 465 отъ марта 1965 года пишет: «...Покойный В. И. Дмитріевъ представлялъ собой законченный образъ морского офицера. Исключительно образованый, утонченно корректный, онъ былъ человѣкомъ рѣдкаго благородства и отзывчивости.

Когда произошелъ большевистскій переворотъ и Военный Агентъ въ Парижѣ генералъ графъ Игнатьевъ въ первые же дни занялъ, двухсмысленную въ отношеніи большевиковъ, позицію, В. И. Дмитріевъ рѣзко порвалъ съ нимъ и немедленно вошелъ въ связь съ командованіемъ Добровольческой Арміи. Послѣ окончанія гражданской войны, В. И. долго и широко оказывалъ помощь морскимъ офицерамъ, и не только имъ однимъ. Открывши въ Парижѣ свое предпріятіе, онъ предоставилъ въ немъ работу большому числу нашихъ офицеровъ. Пока имѣлась возможность, онъ оказывалъ большую помощь ряду нашихъ воинскихъ организацій... Многіе наши соратники, и мы въ томъ числѣ, въ его лицѣ лишились прекраснаго друга и на рѣдкость благороднаго человѣка».

Въ надгробномъ словѣ сказанномъ контръ-адмираломъ Н. Н. Машуковымъ при погребеніи покойнаго В. И. Дмитріева въ понедѣльникъ 22 февраля с. г., Н. Н. Машуковъ отметилъ заслуги покойнаго слѣдующими словами: «...Несмѣтные военные и государственные заказы протекли черезъ руки покойнаго, а послѣ окончанія войны, онъ, кажется единственный, который всѣ оставшіеся у него многомилліонные рессурсы отдалъ въ помощь своимъ нуждающимся соотечественникамъ, не задержавъ для себя ни единой доли. Для пережитой нами эпохи — случай рѣдкій. Въ отличіе

отъ многихъ, всю свою жизнь покойный работалъ только безкорыстно.

Въ долгій же періодъ эмиграціи, кажется нѣтъ ни одной благотворительной организаціи, въ которую бы онъ не былъ приглашенъ или не принялъ бы въ которой своего посильнаго участія. Посему, дѣятельность покойнаго вылилась далеко, далеко за предѣлы только его корпораціи и трудно перечесть всѣхъ соотечественниковъ, которыхъ бы въ какой-то мѣрѣ не коснулись доброжелательство и помощь покойнаго.

Итакъ, земля, которую сейчасъ бросятъ присутствующіе на гробъ покойнаго, пусть будетъ отъ чистаго сердца символической вашей благодарностью и за себя и «за всѣхъ и за вся», кто лишенъ былъ возможности придти отдать послѣдній долгъ «признательности», при прощаніи съ покойнымъ. Съ жизненной сцены сошелъ одинъ изъ крупныхъ дѣятелей нашей Родины, Великой Императорской Россіи. Миръ праху его, увы... въ чужой землѣ. Душѣ его — не забывайте просить «Милость Божію». И о немъ храните «вѣчную, добрую память».

Покойный В. И. Дмитріевъ былъ Предсѣдателемъ Всезарубежнаго Объединенія Морскихъ Организацій, Почетнымъ Председателемъ Морского Собранія въ Парижѣ, Вице-Предсѣдателемъ Союза Ревнителей Священной памяти Государя Императора Николая II-го и Поченымъ членомъ Общества Офицеровъ Императорскаго Флота въ С. Ш. Америки. За свою многолѣтнюю, выдающуюся, многополезную службу въ Императорскомъ Флотѣ былъ награжденъ многочисленными орденами, какъ русскими, такъ и иностранными.

Парижъ, 28 апрѣля 1965 г.

Составилъ **Н. Чириковъ.**

Мичманъ Н. А. Боголюбовъ

«КИТОБОЙ»

На стражѣ чести Андреевскаго флага

Переходъ на Бѣлую сторону и незаконный захватъ англичанами

Сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ сторожевое судно «Китобой», одинъ изъ самыхъ маленькихъ кораблей Балтійскаго Флота, подъ командой мичмана В. И. Сперанскаго, нашелъ достаточно мужества для того чтобы спустить красный флагъ, поднять Андреевскій флагъ и перейти на сторону наступающихъ частей Сѣверо-Западной Арміи генерала Юденича.

Случилось это 13-го іюня 1919 года во время боевъ подъ Красной Горкой на южномъ берегу Финскаго залива у подступовъ къ Кронштадту и устью Невы. Во время перехода на Бѣлую сторону, «Китобой» былъ обстрѣлянъ береговыми батареями Красной Горки и Сѣрой Лошади, незадолго передъ этимъ перешедшими на сторону Сѣверо-Западной Арміи, а съ Красной стороны — тральщикомъ «Якорь», кораблемъ того же дивизіона, къ которому «Китобой» тогда принадлежалъ. Несмотря на перекрестный огонь и два 12'' снаряда упавшихъ, согласно записямъ въ Вахтенномъ Журналѣ, одинъ — у лѣваго борта и другой справа отъ кормы, «Китобой» получилъ только одну маленькую пробоину въ вентиляторъ машиннаго люка.

На слѣдующее утро «Китобой», избѣжавъ преслѣдованія красныхъ миноносцевъ, отогнанныхъ огнемъ Сѣрой

Лошади, несмотря на поднятый Андреевскій флагъ былъ окруженъ и захваченъ у мыса Дубовскаго судами нашихъ «союзниковъ» англичанъ (двѣ подводныя лодки и одинъ миноносецъ) и уведенъ съ англійской командой въ Біоркэ.

Послѣ переговоровъ съ британскимъ командованіемъ и подписанія спеціальнаго акта «передачи», онъ былъ возвращенъ Русскому Сѣверо-Западному Правительству. Такъ какъ этотъ «актъ» послужилъ причиной многихъ будущихъ злоключеній «Китобоя» и является не только интереснымъ историческимъ документомъ, но и хорошимъ примѣромъ обычной англійской безцеремонности и русскаго неумѣнія защитить свои національные интересы передъ иностранцами, мы приводимъ его цѣликомъ:
«Актъ возвращенія сторожевого судна «Китобой» русскому командованію.

№ М 02847

Сэръ Волтеръ Генри Кованъ.

«Поскольку вооруженное сторожевое судно «Китобой» сдалось моимъ силамъ, я готовъ предоставить его услуги въ вѣдѣніе и распоряженіе Русскаго Морского Штаба при Русскомъ Сѣверномъ Корпусѣ. Корабль можетъ поднять Андреевскій флагъ съ тѣмъ, что всѣ распоряженія о его передвиженіяхъ производятся съ разрѣшенія и одобренія моего или моего представителя въ Ревелѣ.

«Эта передача, будучи временной, можетъ быть въ любое время прекращена по моему усмотрѣнію и безъ предварительнаго рѣшенія Британскаго Правительства о будущей судьбѣ корабля».

Дано на борту Е. Б. В. крейсера «Клеопатра» въ Біоркъ Зундѣ, 17-го іюня 1919 .

Подписалъ: Волтеръ Кованъ, адмиралъ.

Скрѣпляется: Признаніе передачи корабля, согласіе съ вышеизложенными условіями и принятіе всѣхъ заботъ о кораблѣ на отвѣтственность Русскаго Морского Штаба.

Подписалъ: Кнюпферъ, капитанъ I ранга Россійскаго Императорскаго флота и Начальникъ Морского Штаба Русскаго Сѣвернаго Корпуса, 19-го іюня, Ревель.

Съ подлиннымъ вѣрно: Мичманъ Катковъ.

Послѣ возвращенія изъ Біоркэ, послѣ переименованія въ посыльное судно и торжественнаго поднятія Андреевскаго флага адмираломъ Римскимъ-Корсаковымъ, «Китобой», подъ командой лейтенанта Г. Штернбергъ, принялъ дѣятельное участіе въ боевыхъ операціяхъ на лѣвомъ флангѣ Сѣверо-Западной Арміи. Неудача второго наступленія на Петроградъ и послѣдовавшее крушеніе Сѣверо-Западнаго фронта застали его зимой 1919-1920 года въ Ревелѣ, столицѣ тогдашней Эстоніи.

Уходъ изъ Эстоніи

Несмотря на вооруженную помощь въ изгнаніи большевиковъ оказанную Эстоніи Русскимъ Сѣвернымъ Корпусомъ до 1 іюня 1919 г.(предшественникомъ Сѣверо-Западной Арміи) и несмотря на защиту ея восточныхъ границъ Сѣверо-Западной Арміей генерала Юденича, эстонцы, какъ только выяснился неудачный исходъ второго Петроградскаго похода, рѣшили заключить миръ съ Совѣтской Россіей и 3-го января 1920 года подписали съ ней договоръ о перемиріи. Прижатая къ границѣ Эстоніи, доблестная Сѣверо-Западная Армія, ослабленная потерями на фронтѣ и эпидеміей тифа въ тылу, какъ никогда нуждалась въ помощи своей бывшей союзницы, но, вмѣсто этого, вмѣсто сочувствія и помощи, встрѣтила лишь враждебность, а иногда и прямое предательство. Эстонцы начали захватывать русскіе интендантскіе склады и другое государственное имущество, разоружать и интернировать русскія части находившіяся на территоріи Эстоніи и, зачастую, арестовывать и предавать большевикамъ бѣлыхъ офицеровъ и солдатъ.

8-го февраля, всего лишь десять дней послѣ заключенія такъ называемаго «Юрьевскаго» мира съ Советской Россіей, эстонскія власти отдали приказъ о сдачѣ офицерамъ и солдатамъ Сѣверо-Западной Арміи въ трехдневный срокъ

имѣющагося у нихъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, подъ страхомъ ареста и строжайшаго взысканія. Согласно тому же приказу, всѣ граждане Эстонской Республики были обязаны донести властямъ о всѣхъ случаяхъ неисполненія русскими этого постановленія, подъ страхомъ денежнаго штрафа до 25.000 марокъ и ареста до трехъ мѣсяцевъ.

Послѣ изданія этого приказа участились случаи нападенія эстонскими солдатами на русскихъ офицеровъ и ихъ избіенія и ограбленія. Появленіе въ русской офицерской формѣ даже на улицахъ Ревеля сдѣлалось опаснымъ.

Хотя въ военномъ отношеніи маленькій «Китобой» не представлялъ изъ себя большой добычи, Эстонія, весь флотъ которой въ то время состоялъ изъ двухъ бывшихъ русскихъ миноносцевъ («Автроилъ» и «Миклуха-Маклай»), одной канонерской лодки («Бобръ») и двухъ небольшихъ ледоколовъ, рѣшила захватить его при первомъ удобномъ случаѣ, а пока-что отказалась снабжать его углемъ.

Во время зимней стоянки въ Ревелѣ командиръ «Китобоя» лейтенантъ Г. В. Штернбергъ заболѣлъ и слегъ въ госпиталь и мичманъ Д. И. Ососовъ, исполнявшій обязанности вахтеннаго начальника, временно занялъ его постъ. Въ январѣ 1920 года команда «Китобоя», обезкураженная крушеніемъ Сѣверо-Западнаго фронта и неопредѣленностью положенія, дезертировала. Мичманъ Ососовъ вспоминаетъ объ этомъ такъ:

«Въ 20-хъ числахъ января я проснулся въ одно морозное утро отъ холода: отопленіе не дѣйствовало. Вскочивъ и обойдя корабль я выяснилъ, что кромѣ меня на «Китобоѣ» никого нѣтъ, но котелъ еще теплый. Въ командномъ кубрикѣ я нашелъ записку, приколотую кнопкой къ линолеуму подвѣсного стола, на которой былъ перечисленъ полный инвентарь имущества находившагося въ вѣдѣніи боцмана, съ припиской приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Ваше Благородіе: Вы, офицеры, сможете устроиться и прожить заграницей, а мы, матросы, тамъ пропадемъ, а поэтому рѣшили скопомъ возвращаться на родину. Будетъ

что будетъ... не поминайте лихомъ. Прилагаю инвентарь ввѣреннаго мнѣ имущества».

Выйдя на пристань, я первымъ дѣломъ завербовалъ двухъ кочегаровъ-эстонцевъ искавшихъ работу, чтобы развести пары и предотвратить поврежденія отъ мороза трубокъ котла и парового отопленія. Какъ только пары были подняты, я отправился въ городъ и доложилъ о случившемся адмиралу Пилкину».

Для того чтобы сохранить честь Андреевскаго флага и спасти корабль для Россіи и дальнѣйшей борьбы противъ большевиковъ Морской Министръ и Командующій Морскими Силами Сѣверо-Западнаго Правительства контръ-адміралъ В. К. Пилкинъ отдалъ приказъ объ укомплектованіи «Китобоя» холостыми морскими офицерами. Эти офицеры, находившіеся въ районахъ Ревеля, Балтійскаго Порта и Нарвы, на Отрядѣ Сторожевыхъ Катеровъ, такъ и въ Танковомъ батальонѣ и бронепоѣздахъ, стали прибывать на «Китобой» въ концѣ января и началѣ февраля 1920 года. Приказомъ Военно-Морского Управленія отъ 25 января 1920 г., командиромъ «Китобоя» былъ назначенъ лейтенантъ Оскаръ Оскаровичъ Ферсманъ, выпуска 1910 года изъ Морского Корпуса, съ предписаніемъ приготовить корабль къ походу на Мурманскъ, гдѣ борьба противъ большевиковъ еще продолжалась.

Съ этого момента, по ироніи судьбы, на долю 230-тоннаго «Китобоя», вооруженного всего двумя 75 м/м. орудіями, выпала честь защиты Русскаго имени, Андреевскаго Флага и старыхъ традицій Россійскаго Императорскаго Флота.

Добавочныя свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ кораблѣ подъ Андреевскимъ флагомъ въ Балтійскомъ морѣ таковы: построенъ въ Норвегіи для ловли рыбы траломъ въ 1912 году и названъ «Gama». Проданъ англичанамъ для той же цѣли и переименованъ въ «Erris». Въ 1915 году, во время Великой Войны, черезъ подставное лицо пріобрѣтенъ Россійскимъ Императорскимъ Правительствомъ вмѣстѣ съ четырьмя норвежскими судами того же типа, для усиленія Дивизіи Траленія Балтійскаго моря. Въ іюлѣ 1915 года отправ-

ленъ въ Балтійское море подъ норвежскимъ флагомъ съ норвежской командой, включающей одного русскаго морского офицера съ подложными бумагами норвежскаго кочегара и съ грузомъ селедокъ, якобы предназначенныхъ для Швеціи. При проходѣ Зунда остановленъ нѣмецкимъ дозорнымъ судномъ и отведенъ для осмотра и провѣрки бумагъ въ Германію (Свинемюнде). Послѣ протеста Норвежскаго правительства — освобожденъ и приведенъ въ Финляндію. Изъ-за своей большой осадки не могъ быть использованъ для траленія нѣмецкихъ минныхъ загражденій (поставленныхъ, главнымъ образомъ, на глубинѣ 4-8-12 футовъ) и былъ превращенъ въ сторожевое судно съ зачисленіемъ въ составъ 3-го дивизіона Сторожевыхъ судовъ Балтійскаго флота. Длина корабля — 105 футовъ, ширина — 20 футовъ. Одна машина въ 550 л. с. тройного расширенія. Наибольшій ходъ на заводскомъ испытаніи — 11 узловъ. Полный запасъ угля — 60 тоннъ Электрическое освѣщеніе, паровое отопленіе, безпроволочный телеграфъ. Жилое помѣщеніе небольшое, низкое, съ трудомъ вмѣщающее 25 человѣкъ.

Согласно сохранившемуся корабельному расписанію, новую команду «Китобоя» къ 14 февраля 1920 года, включая командира, составляли: 23 морскихъ и 3 армейскихъ офицеровъ, 1 морской кадетъ и 11 нижнихъ чиновъ, а всего 38 человѣкъ.

Такъ какъ эстонцы продолжали отказывать въ выдачѣ угля, выставили къ «Китобою» караулъ и, по неофиціальнымъ свѣдѣніямъ, уже назначили своего собственнаго командира, было рѣшено, несмотря на замерзшій Ревельскій рейдъ, ускорить уходъ и погрузить какъ топливо дрова. Эти дрова, купленныя на частномъ рынкѣ на средства отпущенныя адмираломъ Пилкинымъ мокрыя и неровнаго размѣра, были подвезены на грузовикахъ въ ночь на 12-е февраля и къ утру всѣ свободныя мѣста, какъ на верхней палубѣ, такъ и въ кубрикахъ, были загружены до отказа. Съ 30-ю оставшимися снарядами и скуднымъ запасомъ воды и провіанта, состоявшаго главнымъ образомъ изъ «корн-бифа», сала и мерзлаго картофеля, «Китобой» былъ готовъ къ выходу въ море.

15-е февраля было воскресенье и, зная, что по праздникамъ большинство командъ эстонскихъ судовъ увольняются на берегъ, адмиралъ Пилкинъ избралъ этотъ день для ухода «Китобоя».

«Адмиралъ предупредилъ меня», пишетъ въ своемъ дневникѣ лейтенантъ Ферсманъ, «что возможно преслѣдованіе и обстрѣлъ береговыми батареями, но приказалъ въ гавани не стрѣлять. По выходу же изъ гавани, на рейдѣ совѣтовалъ не отвѣчать батареямъ на ихъ обстрѣлъ. Съ преслѣдующими кораблями дѣйствовать сообразно съ обстановкой, рекомендуя вести бои на малыхъ дистанціяхъ».

Отдавъ приказаніе лейтенанту Ферсману выйти въ полдень 15-го февраля, адмиралъ, ввиду ухудшающейся обстановки на берегу и возможныхъ осложненій, рѣшилъ ускорить уходъ и къ 10 часамъ утра уже былъ на борту «Китобоя». Къ собранной командѣ адмиралъ Пилкинъ обратился съ напутственнымъ словомъ, приблизительно такого содержанія:

«Походъ трудный... Изъ-за отсутствія былой могучей Россіи, много незаслуженной обиды придется наглотаться... Силъ и средствъ защитить честь Андреевскаго Флага почти нѣтъ... Только неукоснительное исполненіе долга, вѣру въ правоту нашего дѣла и чувство собственнаго достоинства смогут сохранить наше лицо... Надо вести себя особенно осторожно и скромно въ иностранныхъ портахъ, дабы поддержать честь русскаго имени и ввѣреннаго вамъ флага, а также и свою собственную... На кораблѣ живите дружно, безъ личныхъ ссоръ и дрязгъ, только тогда походъ может быть успѣшенъ... Помогайте командиру, не отвлекайте его пустяками отъ большого дѣла, которое ему поручено... Мы съ завистью смотримъ на васъ. Вы вылетаете изъ клѣтки на свободу. Мы будемъ слѣдить за вами и молиться за васъ Богу...»

Пожавъ всѣмъ руку, адмиралъ сошелъ на набережную, приказавъ сниматься черезъ пять минутъ, предупредивъ объ уходѣ таможеннаго.

Прошло пять минутъ, прошло пятнадцать, а «Китобой» все еще у пристани. Обезпокоенный адмиралъ направился

назадъ къ «Китобою». Оказалось, что таможенный, бѣгло осмотрѣвъ судно, посовѣтовалъ сообщить объ уходѣ капитану надъ портомъ. Командиръ «Китобоя» послѣдовалъ совѣту. Капитанъ надъ портомъ, въ свою очередь, посовѣтовалъ предупредить Начальника пограничной стражи, а тотъ отвѣтилъ, что безъ письменнаго разрѣшенія Эстонскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, «Китобой» оставить порта не можетъ и отдалъ соотвѣтствующее приказаніе караулу на пристани.

Создалось положеніе требовавшее немедленнаго рѣшенія. Встрѣтившему его на пристани лейтенанту Ферсману адмиралъ приказалъ: «Идите на корабль и немедленно снимайтесь не обращая вниманія на часовыхъ. Въ морѣ не позволяйте никому къ вамъ приближаться, а если батареи будутъ стрѣлять, не обращайте вниманія... не попадутъ. Море большое — корабликъ маленькій. Идите снимайтесь!»

Въ этотъ моментъ къ «Китобою» подъѣхалъ автомобиль съ двумя англійскими офицерами. По чьему приказанію они пріѣхали — неизвѣстно, но пріѣхали больше чѣмъ кстати, такъ какъ англійская форма въ тѣ времена пользовалась у эстонцевъ почти магическимъ престижемъ.

Адмиралъ объяснилъ положеніе англичанамъ и по ихъ просьбѣ попросилъ по-русски ближайшаго эстонскаго часового вызвать по телефону начальника караула. Часовой побѣжалъ къ телефонной будкѣ, шагахъ въ тридцати отъ «Китобоя», и какъ только онъ скрылся въ ней, адмиралъ крикнулъ на «Китобой»: «Отдавайте швартовы! впередъ! Уберите лишнихъ людей съ палубы!..»

Казалось страшно долго не забирала машина, но вотъ «Китобой» отдѣлился отъ пристани и, забирая ходъ и сопровождаемый бѣгущими по стѣнкѣ часовыми, пошелъ къ выходу изъ внутренней гавани. Какъ выяснилось позже, разсерженныя эстонскія власти хотѣли послать погоню, но не было командъ, да и турбины двухъ миноносцевъ оказались разобранными въ связи съ зимнимъ ремонтомъ.

Такъ, въ полдень 15-го февраля, начался знаменитый походъ послѣдняго судна Балтійскаго Флота подъ Андреевскимъ флагомъ.

Выйдя благополучно на внѣшній рейдъ, пробили боевую тревогу, подавъ къ орудіямъ весь остававшійся боевой запасъ, состоявшій изъ 30 снарядовъ. Не видя погони, командиръ рѣшилъ провѣрить девіацію компаса хотя бы на главныхъ румбахъ, такъ какъ «Китобою» предстояло проходить черезъ непротраленныя минныя загражденія поставленныя еще въ Великую войну, а другихъ навигаціонныхъ инструментовъ не имѣлось. Около часа «Китобой» занимался вывѣркой компаса и уже въ это время выяснилось, что неопытные кочегары, состоявшіе главнымъ образомъ, изъ молодыхъ офицеровъ, не въ состояніи держать нужное давленіе пара въ котлѣ на мокрыхъ дровахъ и ходъ упалъ до трехъ узловъ. Ввиду возможности преслѣдованія, лейтенантъ Ферсманъ рѣшилъ идти открытымъ моремъ, въ обходъ острововъ Даго и Эзель, держась какъ можно дальше отъ эстонскихъ береговъ.

На Суропскомъ створѣ нашла мгла и ходъ тѣмъ временемъ упалъ до полутора узловъ. Учитывая положеніе, командиръ рѣшилъ стать на якорь у Оденсхольма, и, несмотря на отсутствіе прикрытія отъ свѣжаго вѣтра и немилосердную качку, провести тамъ ночь. Въ 6 час. утра, 16-го февраля, снялись съ якоря и съ трудомъ развивая ходъ въ 4 узла счастливо прошли первое минное загражденіе и къ вечеру подошли къ Дагерорту и стали тамъ на якорь до разсвѣта.

Ввиду почти полнаго отсутствія маяковъ, разрушенныхъ во время войны и присутствія большого количества плавучихъ минъ, было рѣшено до прибытія въ Либаву отказаться отъ ночныхъ переходовъ. Къ тому же, ночныя стоянки на якорѣ оказались болѣе удобными для производства почти-что ежедневныхъ переборокъ и починокъ въ машинномъ отдѣленіи.

17-го февраля перемѣнными ходами отъ трехъ до четырехъ узловъ подошли ко второму минному загражденію. Несмотря на легкій туманъ, счастье улыбнулось «Китобою» и впередъ-смотрящимъ удалось найти поворотную вѣху, но дальше пришлось опять идти на «авось» безъ опредѣленія. 18-го около 15.00 часовъ прошли Стейортъ и около

10 час. вечера дошли черепашьимъ ходомъ до Либавы, ставъ во внутреннемъ бассейнѣ у стѣнки, недалеко отъ трехъ англійскихъ миноносцевъ и французскаго авизо «L'Ancre».

Либавскія приключенія

Стоянка въ Либавѣ затянулась до 24-го февраля и была полна непредвиденныхъ событій.

19-го февраля лейтенантъ Ферсманъ началъ свои офиціальные визиты съ посѣщенія латвійскаго командира порта, который принялъ его очень любезно. Имѣя распоряженіе адмирала Пилкина обратиться за углемъ къ французамъ, онъ затѣмъ отправился на авизо «L'Ancre», командиръ котораго сообщилъ ему что у французовъ угля въ Либавѣ нѣтъ, но что, если это окажется необходимымъ, онъ имѣетъ распоряженія буксировать «Китобоя» въ Копенгагенъ. Онъ также посовѣтовалъ перемѣнить место у стѣнки и стать за кормой его корабля. Лейтенантъ Ферсманъ затѣмъ рѣшилъ попробовать получить уголь отъ англичанъ, для чего онъ отправился къ командиру старшаго англійскаго миноносца «Tenedos». Англичане охотно соглашались дать ему уголь, но требовали немедленной уплаты, что изъ-за ограниченности денежныхъ средствъ — было невозможно. Присутствовавшій во время этой бесѣды англійскій консулъ, который прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ, шепнулъ Ферсману по-русски: «не соглашайтесь платить, дадутъ и безъ денегъ». Разговоръ кончился тѣмъ, что командиръ «Tenedos'а» обѣщалъ послать по безпроволочному телеграфу запросъ въ Лондонъ.

Во время отсутствія лейтенанта Ферсмана, латыши поставили своего часового на стѣнку у «Китобоя». Когда, слѣдуя совѣту французовъ, «Китобой» сталъ перетягиваться подъ корму «L'Ancre», этотъ часовой попробовалъ вскочить на бортъ, но былъ немедленно препровожденъ обратно на стѣнку. Послѣ протеста командиру порта, часовой былъ убранъ и команда «Китобоя» получила разрѣшеніе имѣть сообщеніе съ берегомъ.

20-го февраля лейтенантъ Ферсманъ былъ увѣдомленъ командиромъ «Tenedos'а» о томъ, что нужныя ему 40 тоннъ угля будутъ выданы подъ расписку. Въ этотъ же день Ферсманъ былъ приглашенъ къ латвійскому командиру порта и происшедшее настолько интересно, что мы приведемъ описаніе его дословно изъ дневника командира «Китобоя».

«Прійдя туда получилъ предложеніе продать «Китобой» Латвійскому Правительству, деньги обѣщали уплатить въ любой валютѣ, не стѣсняясь размѣромъ суммы. Личный составъ предложили доставить туда — куда угодно, или предоставить мѣста на правительственной службѣ въ самой Латвіи. Не желая пока портить отношеній, отвѣтилъ уклончиво...»

Въ этотъ же день вечеромъ французское авизо «L'Ancre» покинуло Либаву и на смѣну ему пришло авизо «Meuse» съ приказомъ оказать «Китобою» всяческое содѣйствіе.

Какъ выяснилось позже, пока «Китобой» стоялъ въ Либавѣ, Британская Миссія въ Ревелѣ потребовала отъ адмирала Пилкина немедленнаго его возвращенія. Никакіе уговоры какъ со стороны нашего, такъ и французскаго командованія не помогали. Тогда адмиралъ заявилъ, что посылаетъ командиру «Китобоя» телеграмму съ приказаніемъ немедленно затопить корабль, а личному составу перебираться на ближайшій бѣлый фронтъ. Это сразу подѣйствовало и англичане замолчали.

Съ ранняго утра 21-го февраля «Китобой» перешелъ къ угольной пристани и сталъ принимать уголь, съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ съ «Meuse» выйти до 15:00 часовъ въ Копенгагенъ. Дальнѣйшее передаемъ опять по дневнику лейтенанта Ферсмана:

«Окончивъ погрузку въ 15 часовъ стали отдавать швартовы; вдругъ неожиданно появился часовой и заявилъ, что ему приказано стрѣлять по людямъ въ случаѣ нашей съемки. Пошелъ къ командиру порта, объявившему мнѣ, что Главнокомандующій войсками приказалъ арестовать «Китобой» и снова предложилъ продать его. Я тут же на отрѣзъ отказался и предложилъ имъ вести со мною переговоры че-

резъ ихъ консула въ Копенгагенѣ, по моемъ приходѣ туда, до тѣхъ же поръ никакихъ переговоровъ о продажѣ вести не желаю. Затѣмъ отправился на «Tenedos», откуда послалъ радіо командиру «Meuse» съ объясненіемъ причинъ задержавшихъ мой выходъ на условленное рандеву. Командира «Tenedos» не засталъ на миноносцѣ и бросился въ Англійскую Миссію. Послѣ долгихъ поисковъ, съ помощью того же англійскаго консула, пытавшагося помочь во время переговоровъ объ углѣ, удалось найти Начальника Миссіи, которому я предъявилъ бумагу данную адмираломъ Кованъ при передачѣ «Китобоя» Сѣверо-Западному Правительству. На основаніи этой бумаги требовалъ защиты здѣшней миссіи. Послѣ долгихъ переговоровъ съ начальникомъ миссіи Кэптэномъ Браунъ, послѣдній поѣхалъ къ Главнокомандующему, оказавшемуся случайно въ Либавѣ. Было уже около 18 часовъ, когда онъ привезъ мнѣ разрѣшеніе на свободный выходъ изъ гавани. Возвращаясь на корабль, увидѣлъ «Meuse» ошвартовавшійся рядомъ со мною въ каналѣ. Оказалось, что получивъ мою радіо-телеграмму, онъ рѣшилъ защищать наши интересы и немедленно вошелъ въ гавань, чтобы помочь мнѣ... Выходъ рѣшили отложить до утра, т. к. трудно заводить буксиры въ темнотѣ (буде такіе понадобятся). Возвращаясь на «Китобой» встрѣтилъ командира порта, который извинился за происшедшее «недоразумѣніе». Повидимому они не ожидали, что подымется такой скандалъ и расчитывали просто прибрать къ себѣ «Китобой»...»

22-го и 23-го февраля дулъ очень свѣжій южный вѣтеръ, который развелъ большое волненіе, заставивъ «Китобой» и «Meuse» отказаться отъ немедленаго выхода въ море. Пользуясь тѣмъ, что французскій капитанъ имѣлъ опредѣленный приказъ быть въ Копенгагенѣ не позже 25-го, и предпочитая идти самостоятельно, лейтенантъ Ферсманъ отговорилъ его отъ плана буксировки. «Meuse» ушелъ изъ Либавы 24-го въ 10:00 утра, а «Китобой» вышелъ въ 11:00 часовъ того же дня.

Вскорѣ послѣ выхода въ море, взявъ курсъ на Готландъ, попали въ густой туманъ. Въ теченіе 25-го и 26-го февраля

шли перемѣннымъ малымъ ходомъ безъ какой-либо обсерваціи. Въ Борнгольскій проливъ вошли по счисленію и встрѣтивъ нѣсколько пароходовъ получили нѣкоторую увѣренность. Съ разсвѣтомъ на 27-ое, не имѣя из-за тумана ни одного опредѣленія въ теченіе трехъ сутокъ, лейтенантъ Ферсманъ прибѣгъ къ старому способу нащупать берегъ и повернулъ прямо къ шведскимъ берегамъ. Бросая все время лотъ, около 11:00 часовъ утра, держась на глубинѣ трехъ сажень, по туманнымъ сигналамъ и опросу рыбаковъ мѣсто было опредѣлено достаточно точно, чтобы дать полный ходъ впередъ.

Дѣлая восемь узловъ, въ 21:00 часъ «Китобой» вошелъ въ Копенгагенъ и, не встрѣтивъ лоцмана, несмотря на темноту, самостоятельно подошелъ къ Lange Linie и ошвартовался у портовой стѣнки, между французскими и англійскими военными судами, выставивъ на берегъ вооруженный караулъ.*

Неожиданный приходъ «Китобоя» въ Копенгагенъ, не видевшій Андреевскаго флага съ 1914 года, произвелъ большую сенсацію и вызвалъ различную реакцію какъ среди датчанъ и мѣстной русской колоніи, такъ и среди нашихъ бывшихъ союзниковъ, французовъ и англичанъ.

Данія не могла забыть того, что Вдовствующая Государыня Императрица Марія Феодоровна, проживавшая въ это время въ Копенгагенѣ, была по рожденію датчанка и принадлежала къ Датскому Королевскому Дому Глюксбурговъ. Не могла она забыть и тѣхъ всегда хорошихъ отношеній, существовавшихъ какъ между правительствами Императорской Россіи и Королевской Даніи, такъ и между торговыми и промышленными фирмами обеихъ странъ. Одна изъ немногихъ европейскихъ странъ не принявшихъ уча-

---

* Интересно отмѣтить, что на слѣдующее утро командиры англійскихъ и французскихъ судовъ, замѣтя у «Китобоя» вооруженный винтовками караулъ, немедленно выставили такіе-же караулы на набережной у своихъ кораблей. Черезъ нѣсколько дней, обезпокоенныя датскія власти прислали на всѣ иностранные суда флагъ-офицера съ просьбой убрать вооруженныхъ часовыхъ ввиду того, что Данія является мирной страной, непривыкшей къ такому показу вооруженной силы на берегу.

стія въ Великой войнѣ, Данія сохранила не только свой старый внѣшній обликъ и традиціи до-военной Европы, но и всѣ свои старыя симпатіи того далекаго времени. Какъ результатъ, датчане встрѣтили «Китобой» и его команду болѣе чѣмъ любезно. Личный составъ «Китобоя» былъ засыпанъ подарками, визитами, приглашеніями на обѣды, экскурсіи и спектакли и даже предложеніями матеріальной помощи. Корреспонденты мѣстныхъ газетъ и журналовъ въ своихъ статьяхъ и замѣткахъ не оставили никакихъ сомнѣній въ томъ, что датское общественное мнѣніе, за очень малыми исключеніями, было всецѣло на сторонѣ Бѣлой Россіи и «Китобоя».

Для небольшой русской колоніи, сконцентрированной вокругъ Вдовствующей Государыни Императрицы и состоящей главнымъ образомъ изъ дипломатическихъ представителей бывшей Императорской Россіи и небольшой группы, которой удалось вырваться изъ Россіи немедленно послѣ революціи, приходъ «Китобоя» подъ Андреевскимъ флагомъ былъ предметомъ національной гордости. Чины личнаго состава «Китобоя» были приняты какъ борцы противъ красной напасти и защитники чести Россіи и какъ родные члены одной общей русской семьи. Государыня Императрица Марія Феодоровна соизволила принять всѣхъ чиновъ «Китобоя» на аудіенціи въ королевскомъ дворцѣ и, въ послѣдующемъ столкновеніи съ Британскимъ Морскимъ Командованіемъ употребила всѣ свои усилія и всѣ свои связи съ англійской королевской семьей, для того чтобъ помочь «Китобою» и предотвратить его насильственный захватъ.

Для нашихъ бывшихъ союзниковъ Копенгагенъ въ это время служилъ главной стоянкой военныхъ кораблей предназначенныхъ для операцій въ Балтійскомъ морѣ. Силы французовъ, симпатіи которыхъ были всецѣло на сторонѣ Императорской и Бѣлой Россіи, къ сожалѣнію были немногочисленны, состоя всего лишь изъ нѣсколькихъ посыльныхъ судовъ (aviso) и миноносцевъ. Несмотря на это, какъ выше описанныя событія въ Либавѣ показали, они всегда были готовы прійти на помощь бѣлымъ русскимъ и, въ частности, «Китобою». Англійскія морскія силы въ Ко-

пенгагенѣ были гораздо болѣе многочисленны, состоя изъ ряда крейсеровъ, миноносцевъ, подводныхъ лодокъ и вооруженныхъ транспортовъ. Какъ событія на сѣверо-западѣ Россіи показали, главной задачей англичанъ была не помощь когда-то «союзной» Россіи, а наоборотъ расчлененіе ея, и поскольку возможно ослабленіе ея былого военнаго могущества и, особенно, ея военнаго флота.

Весной 1920 года англичане начали мирные переговоры съ большевиками и ихъ представителемъ, комиссаромъ иностранныхъ дѣлъ Литвиновымъ, который для этой цѣли прибылъ въ нейтральную Данію почти-что въ то же время, когда туда пришелъ «Китобой». Хотя въ боевомъ отношеніи маленькій «Китобой» не представлялъ для англичанъ ничего цѣннаго, появленіе его въ европейскихъ водахъ подъ Андреевскимъ флагомъ, символомъ Великой Россіи, было для нихъ въ этотъ моментъ болѣе чѣмъ нежелательно. Пользуясь оплошностью Русскаго Морского Командованія въ Ревелѣ, согласившагося подписать незаконный актъ «передачи» «Китобоя» Сѣверо-Западному Правительству, составленный въ непріемлемой для русскихъ интересовъ формѣ, Британское Правительство, какъ это скоро выяснилось, рѣшило захватить «Китобой» и, такимъ образомъ, предотвратить его дальнѣйшій походъ на соединеніе съ еще борющимися Бѣлыми Арміями.

По приходѣ въ Копенгагенъ «Китобой» узналъ о паденіи Сѣвернаго Фронта и эвакуаціи остатковъ вооруженныхъ силъ генерала Миллера въ Норвегію. Первоначальный планъ похода на Мурманскъ такимъ образомъ автоматически отпадалъ. Точное положеніе на Югѣ Россіи, послѣ отступленія арміи генерала Деникина было тоже неопредѣленно и рѣшеніе вопроса о томъ, что дѣлать и куда идти сдѣлалось главной задачей командира «Китобоя». Положеніе осложнялось почти-что полнымъ отсутствіемъ денежныхъ средствъ, не только на дальнѣйшій походъ, но и на ежедневное содержаніе «Китобоя». Время шло и имѣвшіяся небольшія деньги, выданныя еще въ Ревелѣ адмираломъ Пилкинымъ въ шведскихъ кронахъ, быстро таяли, уходя на

пищевое довольствіе стоившее въ Копенгагенѣ довольно дорого.

Въ поискахъ выхода и преслѣдуя цѣль соединенія съ еще сражающейся за Родину Южной Арміей, лейтенантъ Ферсманъ, для того чтобы добыть средства на походъ, сталъ письменно «обивать пороги» разныхъ русскихъ зарубежныхъ учрежденій, сконцентрированныхъ главнымъ образомъ въ Парижѣ. Въ это время онъ еще не зналъ о томъ, что уже въ двадцатыхъ числахъ марта, контръ-адмиралъ Волковъ, русскій морской агентъ въ Англіи, имѣлъ разговоръ съ Первымъ Лордомъ Британскаго Адмиралтейства относительно похода «Китобоя» на югъ Россіи и получилъ извѣщеніе Адмиралтейства о томъ, что походъ «Китобоя» на югъ при существующемъ положеніи считается Британскимъ Правительствомъ — неподходящимъ. Эти детали выяснились только много позже изъ документовъ переданныхъ адмираломъ Волковымъ адмиралу Пилкину.

«Порывъ не терпитъ перерыва», говоритъ старая русская поговорка и справедливость этого подтвердилась и въ данномъ случаѣ. Неопредѣленность положенія и вынужденное бездѣйствіе стали сказываться на духѣ личнаго состава «Китобоя» и ряды «китобойцев» стали рѣдѣть. Не видя просвѣта, лейтенантъ Ферсманъ считалъ, что онъ не имѣетъ права никого удерживать, гарантируя что-нибудь въ будущемъ, и потому не чинилъ препятствій когда кто-нибудь просилъ разрѣшенія устраиваться по способности. Какъ результатъ, девять офицеровъ покинуло «Китобой» около 1-го мая нанявшись матросами на американскій пароходъ, а двое — устроились на службу бельгійскаго правительства въ Конго и нѣсколько человѣкъ, включая старшаго инженеръ-механика, рѣшили перейти на частную службу въ Даніи.

Тѣмъ временемъ адмиралъ Пилкинъ, находившійся въ Парижѣ, но все еще продолжавшій заботиться о «Китобоѣ», послалъ телеграмму Командующему Черноморскимъ Флотомъ съ объясненіемъ положенія, результатомъ чего было полученіе телеграммы отъ нашего Морского Агента въ Турціи отъ 24-го апрѣля слѣдующаго содержанія:

«Командующій флотомъ передаетъ — Главнокомандующій считаетъ приходъ «Китобоя» желательнымъ. Щербачевъ, № 255».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, а именно 30-го апрѣля, лейтенантомъ Ферсманъ былъ полученъ запросъ отъ Россійскаго Представителя во Франціи господина Маклакова, съ просьбой увѣдомить его о размѣрѣ суммы необходимой для перехода «Китобоя» въ Константинополь.

Въ то время какъ затребованная смѣта находилась на пути въ Парижъ, англичане наконецъ рѣшили привести въ исполненіе свои планы о захватѣ «Китобоя».

«4-го мая», пишетъ въ своемъ дневникѣ лейтенантъ Ферсманъ, «около 9 часовъ утра ко мнѣ прибылъ англійскій офицеръ въ парадной формѣ съ приглашеніемъ отъ старшаго командира на рейдѣ, капитана англійскаго транспорта «Сандхорстъ», прибыть къ нему по срочному дѣлу. По прибытіи на транспортъ меня принялъ старшій офицеръ, т. к. командиръ былъ боленъ, и показалъ мнѣ слѣдующую телеграмму Британскаго Адмиралтейства:

«Китобой долженъ быть посланъ въ Розайтъ съ англійской командой и русской командой въ качествѣ пассажировъ. Послѣднимъ должно быть ясно сообщено, что они должны сами себя содержать, если имъ будетъ дано временное убѣжище въ Соединенномъ Королевствѣ. Сообщите предполагаемое время прибытія».

Не рѣшаясь протестовать тутъ же... просилъ разрѣшенія снять копію телеграммы. Когда же меня спросили, когда я могу выйти, отвѣтилъ уклончиво, ссылаясь на производимый на кораблѣ ремонт. Отъ предложенныхъ мнѣ матеріаловъ и продовольствія я отказался наотрѣзъ, равно какъ и отъ присылки англійской команды для производства ремонта.

Вернувшись на «Китобой» я предупредилъ оставшихся офицеровъ о серьезности положенія и приказалъ готовиться къ выходу въ море и взрыву судна. По смыслу полученной мною еще въ Ревелѣ инструкціи, передача «Китобоя» англичанамъ признавалась недопустимой и въ случаѣ

ихъ требованія предполагалось поступить въ согласіи съ понятіемъ о чести и долгѣ службы».

Однако, топить корабль не прибѣгнувъ къ протесту казалось преждевременнымъ и командиръ «Китобоя», обсудивъ этотъ вопросъ съ нашимъ морскимъ агентомъ въ Копенгагенѣ, просилъ его отправить въ Лондонъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Русское Посольство. Адмиралу Волкову.

«Старшій на рейде англичанин передалъ командиру «Китобоя» телеграмму Адмиралтейства (смотри выше). Не откажите срочно выяснить чѣмъ вызвано желаніе англичанъ захватить союзный имъ корабль и настоять на отмѣнѣ приказанія во избѣжаніе непріятнаго для англичанъ инцидента, такъ какъ командиръ безъ боя «Китобой» не сдастъ. Мейндорфъ* передаетъ сегодня протестъ командира Англійскому Посланнику. Если возможно окажите содѣйствіе путемъ личныхъ связей. Моргантъ №110».

Одновременно съ посылкой вышеприведенной телеграммы въ Лондонъ, былъ составленъ и врученъ англійскому посланнику въ Копенгагенѣ протестъ, въ которомъ указывалось, что какъ командиръ корабля подъ русскимъ флагомъ и какъ офицеръ, командиръ «Китобоя» не считаетъ возможнымъ присутствіе на русскомъ военномъ кораблѣ какой-бы то ни было иностранной команды, хотя бы даже и союзной державы, и поэтому проситъ указать командиру «Сандхорстъ», во избѣжаніе непріятныхъ недоразумѣній, нецѣлесообразность посылки англійской команды.

Подавъ этотъ протестъ, командиръ направился на судно съ намѣреніемъ немедленно же выставить усиленный караулъ, а также приготовить для защиты корабля имѣющіеся на борту пулеметы. Къ своему удивленію, лейтенантъ Ферсманъ засталъ на стѣнкѣ у «Китобоя» и частью на суднѣ около 15 англійскихъ матросовъ съ офицеромъ, ожидавшихъ его возвращеніе. Приказавъ немедленно закрыть на замокъ входы въ машинное отдѣленіе и кочегарку, Ферсманъ обратился къ англійскому офицеру съ вопросомъ, что

---

* Баронъ Мейндорфъ — Русскій Посланникъ въ Даніи.

ему угодно, на что послѣдовалъ отвѣтъ, что онъ присланъ для производства необходимаго ремонта для перехода въ Англію.

Лейтенантъ Ферсманъ попросилъ англійскаго офицера убрать его людей съ палубы, что сейчасъ же было исполнено. Англійскій офицеръ немедленно перешелъ на учтивый тонъ и вскорѣ отбылъ на свое судно со всѣми своими людьми.

Минутъ черезъ двадцать къ «Китобою» подошелъ катеръ на которомъ находился старшій офицеръ «Сандхорста». Лейтенантъ Ферсманъ передалъ старшему офицеру о поданномъ протестѣ Англійскому Посланнику и его содержаніи и указалъ тѣ мотивы, которыми онъ руководствовался подавая протестъ.

Происшедшій разговоръ передаемъ по памяти командира «Китобоя».

— «Но вѣдь, вы знаете, что это приказаніе Британскаго Адмиралтейства».

— «Да, я знаю, но оно является приказаніемъ для васъ, а не для русскаго офицера...»

— «Я послалъ телеграмму что «Китобой» черезъ двѣ недѣли прійдетъ въ Зозайтъ...»

— «Вамъ придется послать другую, отмѣнительную...»

— «Вы будете отвѣчать передъ Британскимъ Правительствомъ за это...»

— «Сомнѣваюсь», отвѣтилъ Ферсманъ и указалъ рукой на развѣвающійся на гафелѣ «Китобоя» Андреевскій флагъ.

На этомъ разговоръ закончился и англичанинъ отбылъ ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ событія продолжали развиваться слѣдующимъ образомъ: Адмиралъ Волковъ, Русскій Морской Агентъ въ Англіи, счелъ нужнымъ переслать копію протеста командира «Китобоя» въ Парижъ, Министру Иностранныхъ Дѣлъ Зарубежнаго Русскаго Правительства, отъ котораго была получена характерная для нашихъ дипломатовъ шифрованная телеграмма отъ 9 мая за № 631:

«Благоволите преподать командиру судна «Китобой» настоятельный совѣтъ воздержаться отъ оказанія вооруженнаго сопротивленія англичанамъ, ограничившись заявленіемъ протеста. Прошу отвѣта по телефону. Сазоновъ».

На эту телеграмму послѣдовалъ нижеслѣдующій отвѣтъ:

«На 8 631. Командиръ военнаго судна сдавшій таковое безъ боя по законамъ Россійскаго Государства подлежитъ смертной казни. Подробное обоснованіе незаконныхъ требованій англичанъ высылается почтой».

Въ согласіи съ этой телеграммой командиромъ было послано подробное донесеніе, излагающее обстоятельства перехода «Китобоя» отъ красныхъ, поднятіе на немъ Андреевскаго флага и послѣдовавшій незаконный захватъ его англичанами.

Острота создавшагося положенія требовала рѣшительныхъ мѣръ и, въ ожиданіи новыхъ попытокъ англичанъ захватить «Китобой», лейтенантъ Ферсманъ пришелъ къ рѣшенію вывести корабль на внѣшній рейдъ и взорвать его тамъ, но не въ коемъ случаѣ не сдавать его англичанамъ. Для этой цѣли онъ избралъ пять офицеровъ, приказавъ приготовить подрывные патроны; о судьбѣ же остальныхъ, а также о свезенномъ на берегъ личномъ багажѣ и бумагахъ, попросилъ озаботиться нашего Морского Агента въ Даніи. Приготовленія были быстро закончены, но слѣдующая недѣля не принесла ничего новаго.

Черезъ нѣсколько дней «Сандхорстъ» ушелъ въ Англію и на смѣну ему пришелъ транспортъ-база «Гринвичъ». Лейтенантъ Ферсманъ не сдѣлалъ ему обычнаго визита, но тѣмъ не менѣе въ день рожденія англійскаго короля командиръ «Гринвича» прислалъ къ Ферсману офицера съ приглашеніемъ на корабль наравнѣ съ приглашеніями командирамъ военныхъ судовъ другихъ національностей.

5-го іюня адмиралъ Пилкинъ получилъ наконецъ изъ Лондона отъ контръ-адмирала Волкова телеграмму о томъ, что Британское Адмиралтейство отказывается отъ своихъ

притязаній на «Китобой» и согласно оставить его въ распоряженіи русскихъ властей.

Такъ закончился Копенгагенскій инцидентъ, доказавшій еще разъ, что исполненіе долга и твердость, основанная на вѣрѣ въ правоту своего дѣла могутъ преодолѣть самыя сильныя препятствія. Командиръ и порѣдѣвшіе ряды «китобойцевъ», согласно старымъ традиціямъ Россійскаго Императорскаго Флота и Русскаго Имени, и неожиданно даже для самихъ себя, побѣдили своего, въ тѣ времена всесильнаго, противника.

Описаніе Копенгагенскаго эпизода не будетъ полнымъ, если мы не укажемъ на помощь, оказанную или предложенную «Китобою» представителями другихъ иностранныхъ державъ. Какъ уже было упомянуто раньше, симпатіи и моральная поддержка датчанъ и французовъ съ самаго начала были всецѣло на сторонѣ «Китобоя». Также были на нашей сторонѣ и симпатіи Американскихъ дипломатическихъ представителей. Черезъ ихъ содѣйствіе и, особенно, хлопоты полковника Холидей, Военнаго Атташэ Американскаго Посольства, весь личный составъ «Китобоя» получитъ визы для въѣзда въ Соединенные Штаты, если они этого пожелаютъ. Въ періодъ Копенгагенскаго «сидѣнія», лейтенантъ Ферсманъ обратился также за помощью и къ дипломатическимъ представителямъ двухъ братскихъ, славянскихъ странъ, — Королевства Сербовъ, Хорватовъ и Словенъ (нынѣшняя Югославія) и Чехо-Словацкой Республики. Сербы въ отвѣтъ не только выдали визы личному составу «Китобоя», но и предложили «Китобою» отправиться въ Адріатическое море (Рагузу или Катаро), причемъ Королевское Правительство предлагало лейтенанту Ферсману: или принять «Китобой» со всей командой къ себѣ на службу, или взять его на сохраненіе, предоставивъ командѣ средства для отправленія на Южный фронтъ. Чехо-Словацкое Правительство предложило «Китобою» воспользоваться его гостепріимствомъ и для этого отправиться въ Гамбургъ, гдѣ часть порта по Версальскому Мирному Договору была передана въ распоряженіе Чехо-Словакіи.

Дальнѣйшія событія,
приготовленія къ походу на югъ

Въ началѣ іюня, лейтенантъ Ферсманъ, сдавъ временно команду ст. лейтенанту Дурову, отправился въ Парижъ для личнаго доклада адмиралу Пилкину и выясненія дальнѣйшей судьбы «Китобоя». Считая что будущее можетъ потребовать на посту командира человѣка более опытнаго въ дипломатическихъ дѣлахъ, онъ также захватилъ съ собой рапортъ съ просьбой о замѣнѣ себя офицеромъ болѣе опытнымъ и болѣе старшимъ какъ по чину, такъ и по возрасту. Адмиралъ Пилкинъ одобрилъ всѣ предыдущія дѣйствія лейтенанта Ферсмана и обѣщалъ помочь ему въ переговорахъ съ представителями Зарубежнаго Русскаго Правительства находившимся въ Парижѣ. Съ большой неохотой онъ также согласился найти ему замѣстителя и обѣщалъ запросить на этотъ предметъ находившихся въ наличіи капитановъ I-го ранга.

Къ этому времени положеніе на Югѣ Россіи опять укрѣпилось. Бѣлая Армія отступившая въ Крымъ была реорганизована и генералъ Врангель былъ признанъ главой новаго правительства. Смѣта похода «Китобоя» въ Черное море была утверждена и опредѣлена въ 4.500 фунтовъ стерлинговъ, которые должны были быть выданы Россійскимъ Повѣреннымъ въ Дѣлахъ изъ Лондона. Кромѣ этого изъ Лондона же должны были быть отпущены средства на необходимый ремонтъ «Китобоя» въ Копенгагенѣ.

По возвращеніи въ Копенгагенъ, лейтенантъ Ферсманъ былъ увѣдомленъ адмираломъ Пилкинымъ о томъ, что всѣ запрошенные капитаны I-го ранга отказались отъ назначенія на постъ командира «Китобоя», и что поэтому онъ проситъ Ферсмана остаться въ занимаемой имъ должности.

Время продолжало идти, но, повидимому благодаря обычной бюрократической волокитѣ, деньги на необходимый ремонтъ и походъ не получались. Тогда Ферсманъ рѣшилъ примѣнить на дѣлѣ свой практически пріобрѣтенный дипломатическій опытъ. Не приступая еще къ ремонту, онъ телеграфировалъ въ Русское Посольство въ Лондонѣ, что

таковой кончаетъ и боится ареста, не имѣя возможности произвести расплату. «Дипломатія» подѣйствовала и деньги были переведены на слѣдующій день.

Благодаря любезности директора судостроительнаго за-завода, господина Мункъ, женатаго на русской, ремонтъ былъ произведенъ въ кратчайшій срокъ и по очень сходной цѣнѣ. Ремонтъ «Китобоя» былъ законченъ 6-го іюля и походъ назначенъ на 7-ое.

Переходъ Копенгагенъ — Киль

Желая соблюсти экономію угля, командиръ рѣшилъ попытаться пройти Кильскимъ каналомъ и обратился въ Германскую Миссію въ Копенгагенѣ съ просьбой о пропускѣ. Миссія послала телеграфный запросъ въ Берлинъ, въ частномъ же разговорѣ отвѣтило, что нынѣшнее соціалистическое правительство слишкомъ измѣнчиво и, что поэтому гарантіи на пропускъ миссія дать не можетъ. — «Думаемъ что затрудненій не будетъ, попробуйте; больше шансовъ что пройдете благополучно. Лучше не указывать назначенія».

Наканунѣ похода командиръ былъ принятъ Вдовствующей Государыней Императрицей Маріей Феодоровной, передавшей ему образъ Св. Великомученицы Варвары — благословеніе Ея Величества. Почти вся русская колонія и многочисленные друзья датчане собрались проводить «Китобой», простоявшій въ Копенгагенѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Проводы носили сердечный и трогательный характеръ.

Въ 13:05 дали ходъ, и подъ общія пожеланія счастливаго плаванія пошли на рейдъ и, закончивъ тамъ провѣрку компаса, вышли въ море и взяли курсъ на Киль.

Копенгагенское «сидѣніе» кончилось, но изъ-за сознанія трудностей похода на маленькомъ «Китобоѣ», безъ достаточныхъ средствъ и безъ защиты когда-то могучей Россіи, лейтенантъ Ферсманъ не строилъ никакихъ иллюзій на будущее. Отраженіемъ этого настроенія мы находимъ въ короткой замѣткѣ въ его дневникѣ, гдѣ онъ пишетъ:

«Вообще наши старые флотскіе офицеры, повидимому, очень скептически относятся къ этому походу. Согласенъ вполнѣ, что надо почти чудо, чтобы дойти до Севастополя, но вѣдь это единственный способъ выйти съ честью изъ положенія и спасти ввѣренный мнѣ Андреевскій Флагъ...»

Около 11:00 часовъ, 8-го іюля, пройдя Большимъ Бельтомъ, «Китобой» подошелъ къ Кильскому каналу и ошвартовался у входа въ шлюзы. Обычный опросъ властей: кто, откуда и куда? Отвѣтили что «Китобой» идетъ въ Сербію. Телеграфный запросъ въ Берлинъ и отвѣтная телеграмма нѣмецкаго правительства, гдѣ было сказано что ему, правительству, извѣстна цѣль похода, а такъ какъ, по договору съ Советской Россіей, Германія обязалась не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, то пропускъ черезъ каналъ «вооруженнаго бѣлаго судна», идущаго на соединеніе съ генераломъ Врангелемъ, является нарушеніемъ договора и пропускъ данъ быть не можетъ.

Въ 12:40 вышли изъ Киля и легли на курсъ въ обходъ Ютландскаго полуострова.

Какъ выяснилось позже, сообщеніе о появленіи русскаго военнаго корабля въ Кильскомъ каналѣ опять обезпокоило англичанъ и вызвало запросъ въ Британскомъ Парламентѣ, на который Первый Лордъ Адмиралтейства отвѣтилъ, что корабль подъ вопросомъ, все тотъ же пресловутый «Китобой», еще недавно стоявшій въ Копенгагенѣ.

Изъ Балтійскаго моря въ Средиземное

11 іюля, пройдя безъ приключеній Категатъ и Скагеракъ, «Китобой» вышелъ изъ Балтійскаго моря въ Сѣверное, взявъ курсъ на Эсбьергъ, послѣдній датскій портъ на юго-западномъ берегу Ютландіи. Въ Эсбьергѣ «Китобой» засталъ дивизіонъ нѣмецкихъ тральщиковъ, занятыхъ согласно Версальскому Мирному Договору очищеніемъ юго-восточной части Сѣвернаго моря отъ плавучихъ минъ. Несмотря на полтора года прошедшихъ со дня окончанія войны, такихъ минъ вокругъ было еще очень много и на пути въ Эсбьергъ «Китобой» встрѣтилъ и обошелъ двѣ плавучія

мины неизвѣстнаго происхожденія. Духъ командъ нѣмецкихъ судовъ, базировавшихся на Эсбьергъ былъ, повидимому, не высокъ, т. к. во время стоянки «Китобоя» нѣсколько нѣмецкихъ матросовъ посѣтили его, упрашивая взять ихъ съ собой.

15 іюля, переждавъ штормъ и закончивъ погрузку угля, «Китобой» вышелъ изъ Эсбьерга въ Шербургъ. Маленькая гостепріимная Данія осталась позади и впереди лежалъ долгій и медленный путь вокругъ Европы, сначала въ Средиземное, а затѣмъ — Мраморное и Черное моря. Несмотря на ремонтъ произведенный въ Копенгагенѣ, плаваніе въ открытомъ морѣ выявило цѣлый рядъ дефектовъ какъ въ машинномъ отдѣленіи, такъ и въ кочегаркѣ. Изъ-за этихъ дефектовъ и неопытности новой машинной команды, всевозможныя починки, часто съ остановкой корабля въ морѣ, сдѣлались почти-что ежедневнымъ занятіемъ. Съ уходомъ еще четырехъ офицеровъ и двухъ матросовъ, только девять офицеровъ и одинъ унтеръ-офицеръ электрикъ, бывшій матросъ Гвардейскаго Экипажа, остались на кораблѣ изъ 37 человѣкъ вышедшихъ на немъ изъ Ревеля. Единственный оставшійся инженеръ-механикъ, несмотря на все свое желаніе и энергію, не могъ замѣнить опытъ двухъ старшихъ инженеръ-механиковъ покинувшихъ «Китобой» въ Копенгагенѣ.

При содѣйствіи адмирала Хоменко, возглавлявшаго въ то время въ Парижѣ Управленіе Россійскаго Торговаго Флота, лейтенанту Ферсманъ удалось получить нѣсколько опытныхъ кочегаровъ. Къ сожалѣнію, эти кочегары за исключеніемъ одного русскаго румына и одного русскаго финна покинули «Китобой» при первомъ удобномъ случаѣ, повидимому боясь скомпрометировать себя службой на «бѣлогвардейскомъ» кораблѣ.

Деньги, ассигнованныя на походъ «Китобоя» выдавались частями и съ большой волокитой, временами ставя командира «Китобоя» изъ-за отсутствія средствъ для покупки угля, воды и провизіи, въ очень неудобное положеніе и, такимъ образомъ, замедляя движеніе корабля. Хотя смѣта, составленная въ Копенгагенѣ, включала небольшое жалова-

ніе личному составу «Китобоя», лейтенантъ Ферсманъ, въ цѣляхъ экономіи, и съ согласія строевого состава корабля, выдавалъ регулярное мѣсячное жалованіе только кочегарамъ и коку.

18 іюля, по приходѣ въ Шербургъ встрѣтили первые американскіе военные корабли, а также два русскихъ вооруженныхъ ледокола — «Илья Муромецъ» и «Микула Селяниновичъ», попавшіе въ Шербургъ послѣ эвакуаціи Мурманска. Стоянка въ Шербургѣ затянулась до 12 августа изъ-за промедленій французскаго морского арсенала съ ремонтомъ и серьезной болѣзни командира «Китобоя». Передъ уходомъ получили нѣкоторое количество сухой провизіи съ «Ильи Муромца», которую ему удалось вывезти изъ складовъ Мурманска болѣе чѣмъ въ изобиліи. Въ полдень, 12 августа, снялись со швартововъ и, подъ крики «ура» съ ледоколовъ, вышли въ море повернувъ на Брестъ.

Стоянка въ Брестѣ, изъ-за промедленія съ полученіемъ денегъ изъ Парижа затянулась съ 14-го по 20-ое августа. Этимъ временемъ воспользовались для продуванія котла, переборки машины и очередной погрузки угля. 20 августа снялись съ бочки и вышли наконецъ въ открытый океанъ съ тѣмъ чтобы пересѣчь Бискайскій заливъ и, если окажется возможнымъ, дойти до Лиссабона.

При подходѣ къ Бискайскому заливу попали въ сильный, но къ счастью попутный штормъ. Въ ночь на 22-ое заклинило руль и стало класть на-бортъ такъ сильно, что временами казалось, что маленькій «Китобой» захлебнется и не сможетъ встать. Съ трудомъ перевели руль на ручной приводъ, одновременно обнаруживъ, что двѣ изъ пяти прядей штуртроса лопнули. Приближаясь къ берегамъ Испаніи вѣтеръ сталъ стихать, но поднялся густой туманъ. Ввиду ненадежности штуртроса, командиръ рѣшилъ измѣнить свои планы и зайти для починокъ въ Виго. Изъ-за тумана пошли самымъ малымъ ходомъ, подавая установленныя туманные сигналы и дѣлая частыя опредѣленія глубины. 23-го около полудня неожиданно, прямо по носу увидѣли во мглѣ громадную скалу и бѣлую линію прибоя и дали полный ходъ назадъ. Изъ опросовъ рыбаковъ узнали, что «Китобой»

находится въ заливѣ южнѣе Виго. Туманъ сталъ разсѣиваться и, принявъ лоцмана, благополучно подошли къ Виго и стали на якорь.

Починка штуртроса задержала «Китобой» въ Виго на 2 1/2 дня. Испанскія власти и въ особенности поставщики, вспоминая частыя до-военныя посѣщенія русскихъ военныхъ кораблей, приняли «Китобой» и его команду болѣе чѣмъ привѣтливо. Обмѣнялись дружескими визитами и съ судами испанской эскадры стоявшей въ Виго.

Такъ какъ командиръ «Китобоя» хотѣлъ избѣжать заходъ въ англійскій Гибралтаръ, слѣдующимъ портомъ былъ выбранъ испанскій Кадиксъ. По приходѣ туда выяснилось, что изъ-за общей забастовки и рабочихъ волненій въ городѣ, необходимый уголь получить нельзя. Не желая терять время, командиръ рѣшилъ идти въ Гибралтаръ.

Ночью, за день до ухода, на рейдѣ загорѣлся большой американскій четырехмачтовый парусникъ и, изъ-за свѣжаго вѣтра, появилась опасность, что его сорветъ съ якоря и нанесетъ на одинъ изъ сосѣднихъ кораблей. Пріѣхавшій капитанъ порта попросилъ лейтенанта Ферсманъ, какъ командира единственнаго военнаго корабля находившагося въ гавани, потопить горящій парусникъ, такъ какъ оказалось, что испанцы не имѣли никакихъ плавучихъ пожарныхъ средствъ. Потопленіе артиллерійскимъ огнемъ въ гавани полной судовъ было болѣе чѣмъ рискованнымъ, къ тому же «Китобой» стоялъ безъ паровъ. Шлюпка съ подрывными средствами, посланная съ «Китобоя», не могла подойти близко къ горящему кораблю, и къ утру парусникъ такъ и догорѣлъ на мѣстѣ.

5 сентября, несмотря на штормовую погоду, вышли изъ Кадикса. Подходя къ Трафальгарскому мысу вырвало прокладку воздушнаго насоса. Повернувъ за Трафальгарскій мысъ стали брать воду всѣмъ носомъ и ходъ упалъ до 3-хъ узловъ. Такъ какъ стало сильно заливать всѣ помѣщенія, а отливныхъ средствъ не было, легли на обратный курсъ и 6 сентября утромъ стали опять на якорь у Кадикса для того чтобъ перебрать насосъ. 8 сентября, пройдя Гибралтарскій проливъ, пришли наконецъ въ Гибралтаръ, гдѣ, несмотря

на опасенія, англичане приняли очень любезно, показали знаменитыя туннельныя батареи крѣпости и даже снабдили «Китобой», хотя и за порядочныя деньги, картами Средиземнаго моря. Погрузившись углемъ, 10 сентября «Китобой» вышелъ въ Средиземное море.

На пути въ Константинополь

Переходъ черезъ Средиземное море, изъ-за частыхъ поломокъ и затрудненій съ переводомъ денежныхъ средствъ изъ Парижа, затянулся на полтора мѣсяца. По выходѣ изъ Гибралтара повернули на Оранъ, но изъ-за сильнаго встрѣчнаго вѣтра, ходъ «Китобоя» упалъ до 4-хъ узловъ и стало заливать кубрики и канатные ящики. Лейтенантъ Ферсманъ рѣшилъ укрыться подъ защиту испанскихъ береговъ и измѣнилъ курсъ на Альмерію, небольшой портъ на юго-восточномъ берегу Испаніи, куда «Китобой» и пришелъ утромъ 11 сентября. Капитанъ порта, познанія котораго въ иностранныхъ языкахъ были невелики, повидимому никогда не видѣлъ Андреевскаго флага и долго не могъ понять, какую національность онъ представляетъ. Лейтенантъ Ферсманъ, который сдѣлалъ ему по приходѣ визитъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ что, когда онъ объяснилъ что «Китобой» — русскій корабль, онъ безусловно думалъ что мы большевики и просилъ даже офицеровъ отпускать на берегъ или въ формѣ или съ спеціальными нарукавниками». Какъ и въ Кадиксѣ, въ городѣ были рабочія волненія и по улицамъ ходили патрули полиціи и солдаты вооруженные винтовками. Когда нѣсколько офицеровъ съ «Китобоя» зашли въ городѣ въ небольшое кафе, сидѣвшіе за столикомъ испанскіе сухопутные офицеры немедленно отдали честь, представились на ломанномъ англійскомъ языкѣ и попросили разрѣшенія присоединиться. Узнавъ что они говорятъ съ русскими, они засыпали вопросами о гражданской войнѣ и политическомъ положеніи въ Россіи, разсказавъ въ свою очередь о войнѣ съ риффами въ Африкѣ. Изъ многихъ иностранныхъ офицеровъ которыхъ «китобойцамъ» пришлось встрѣтить на своемъ пути, они произвели одно изъ наилучшихъ впе-

чатлѣній, какъ своей выправкой, такъ и своей привѣтливостью.

15 сентября, послѣ спокойнаго перехода вдоль сѣвернаго побережья Африки, «Китобой» пришелъ въ Алжиръ. Здѣсь пришлось простоять до 29-го изъ-за ремонта и неполученія денегъ изъ Парижа. Въ порту стояло нѣсколько итальянскихъ крейсеровъ съ морскими кадетами и, рядомъ съ «Китобоемъ», голландская подводная лодка, идущая на о-въ Яву. Послѣ обмѣна официальными визитами, на «Китобой» пріѣхалъ адмиралъ командующій итальянской эскадрой. Оказалось что его жена — русская и что онъ очень гордится своимъ, правда не очень большимъ, знаніемъ русскаго языка. Во время стоянки было получено приглашеніе французскаго адмирала-префекта присутствовать на гребныхъ состязаніяхъ, а также приглашеніе посѣтить Сиди-бель-Аббесъ — главную квартиру Иностраннаго легіона.

29 сентября, послѣ полученія денегъ, наконецъ снялись съ якоря и взяли курсъ на Бизерту. 30 сентября попали въ серію шкваловъ такой силы, что казалось что снесетъ рубку. Сломался машинный телеграфъ, который въ морѣ починить оказалось невозможнымъ. 1 октября вошли въ Бизерту и ошвартовались въ каналѣ. Въ то время какъ мастерская чинила на берегу телеграфъ, командиръ «Китобоя» поѣхалъ съ визитами къ командиру порта и мѣстному губернатору. Узнавъ о томъ, что «Китобой» укомплектованъ въ значительномъ числѣ морскими офицерами, оба вернули визиты лично и вечеромъ въ офицерском собраніи на берегу состоялось чествованіе офицеровъ «Китобоя» съ шампанскимъ и рѣчами. 5 октября, принявъ уголь и сдѣлавъ прощальные визиты, отдали швартовы и вышли въ море. Кто могъ знать въ этотъ моментъ, что меньше чѣмъ черезъ три мѣсяца «Китобой», уже въ составѣ Русской Эскадры, вернется въ Бизерту и останется тамъ до конца своей жизни подъ Андреевскимъ флагомъ.

7 октября, изъ-за поломки главной донки пришлось зайти на о-въ Мальту, гдѣ англичане опять приняли очень любезно. Осмотръ донки выяснилъ, что у нея треснула крышка. Не желая задерживаться на Мальтѣ, поставили

временную мѣдную прокладку и поздно вечеромъ того же дня снялись съ якоря, взявъ курсъ на Патрасъ. 9 октября, недалеко отъ мыса Папасъ сломался клапанъ автоматическаго питанія, а въ ночь на 10-е, всего въ 15 миляхъ отъ Патраса, сломалась окончательно главная донка. Попытки починить ее собственными средствами оказались неуспѣшными и стало ясно, что придется заказывать новую крышку въ ближайшемъ порту. Держа небольшое давленіе и питая котелъ вспомогательной донкой, дали самый малый ходъ и, откачивая воду изъ трюма ведрами, вошли наконецъ въ Патрасъ. 11 октября работа была закончена и «Китобой» вышелъ изъ Патраса и прошелъ черезъ Коринфскій каналъ въ Пирей, гдѣ пришлось задержаться до 21 октября какъ изъ-за починокъ, такъ и для того, чтобы войти въ связь съ нашимъ Морскимъ Агентомъ въ Константинополѣ и уладить черезъ него вопросъ о пропускѣ «Китобоя» черезъ Дарданеллы. 21 октября, все еще не получая отвѣта изъ Константинополя вышли въ Эггейское море и 22-го поздно вечеромъ подошли къ Дарданелламъ и, т. к. ночью проходить было запрещено, стали на якорь въ Монтэ-бей. 23-го съ разсвѣтомъ снялись съ якоря и вошли въ Дарданеллы. Прошли Чанакъ-Кале не обращая вниманія ни на французскій, ни на итальянскій стаціонеры, хотя тѣ и пытались сигналами остановить «Китобой». Какъ выяснилось позже, при возвращеніи Южному Русскому Правительству миноносцевъ уведенныхъ въ 1919 году изъ Чернаго моря на Мальту, англичане отказались пропустить ихъ черезъ Дарданеллы подъ Андреевскимъ флагомъ и затѣмъ распространили это недопустимое требованіе на всѣ русскія военныя суда. Къ сожалѣнію, русскія власти того времени не нашли достаточной твердости для того чтобы отстоять наши законныя національныя права. Уже по приходѣ въ Константинополь командиръ «Китобоя» нашелъ телеграмму генерала Лукомскаго, представителя Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи, съ приказаніемъ спустить Андреевскій флагъ при проходѣ Дарданеллъ. Эта телеграмма, адресованная въ Пирей, разошлась съ «Китобоемъ» въ пути, предотвративъ, такимъ образомъ, непріятное недоразуменіе съ

нашимъ высшимъ начальствомъ, т. к. согласно записямъ въ дневникѣ лейтенанта Ферсмана, онъ Андреевскаго флага ни въ коемъ случаѣ не спустилъ бы.

Выйдя изъ Дарданеллъ, «Китобой» попалъ въ сильный штормъ въ Мраморномъ морѣ. Стало сильно заливать и ходъ упалъ до 2 1/2 узловъ. Вмѣстѣ съ греческимъ пароходомъ, вышедшимъ немного раньше, повернули и стали на якорь у Галлиполи, гарнизонъ котораго въ то время состоялъ изъ французскихъ и греческихъ оккупаціонныхъ войскъ. 25 октября вѣтеръ сталъ стихать и «Китобой» снялся съ якоря и взялъ курсъ на Константинополь. 26-го вошли въ Босфоръ и стали на бочку противъ дворца султана по сосѣдству съ болѣе чѣмъ десяткомъ союзныхъ и греческихъ военныхъ кораблей. Кромѣ нихъ въ порту стояло нѣсколько русскихъ пароходовъ подъ трехцвѣтнымъ торговымъ флагомъ, а также пришедшее наканунѣ съ Дальняго Востока посыльное судно «Якутъ», на которомъ находился кап. 1 р. Китицынъ съ Морскимъ Училищемъ. 27-го пришелъ въ Константинополь и ледоколъ «Илья Муромецъ», котораго «Китобой» встрѣтилъ въ первый разъ въ Шербургѣ. Выжидая полученіе угля и воды съ русской базы, производя починки и пережидая начавшійся въ Черномъ морѣ штормъ, «Китобой» простоялъ въ Константинополѣ до 7 ноября. Во время стоянки, пополнили команду, взявъ восемь человѣкъ матросовъ только-что прибывшихъ изъ Норвегіи, куда они попали послѣ эвакуаціи Мурманска.

Приходъ въ Севастополь и эвакуація Крыма

7 ноября несмотря на продолжающійся Нордъ-Остъ, который развелъ сильную волну даже на Константинопольскомъ рейдѣ, «Китобой» снялся съ якоря и пошелъ черезъ Босфоръ къ выходу въ Черное море. При подходѣ къ Буюкъ-Дере вырвало прокладку у помпы. Это поврежденіе и жестокій штормъ въ Черномъ морѣ заставили стать на якорь у Буюкъ-Дере, гдѣ на берегу находилась лѣтняя дача русскаго посольства и, выше, на горѣ, русская радіостанція. Вокругъ, подъ защитой гористаго берега скопилось боль-

шое количество пароходовъ пережидающихъ плохую погоду. 10 ноября радіостанція на берегу приняла телеграмму сообщающую о занятіи красными Армянска. Изъ-за сильной волны, сообщеніе съ берегомъ прекратилось и «Китобой» вышелъ въ море утромъ 12 ноября, не имѣя добавочныхъ свѣдѣній о положеніи въ Крыму. Чужія страны и долгое девятимѣсячное плаваніе остались позади и впереди, на сѣверѣ наконецъ лежали русскіе берега — та цѣль, къ которой были прикованы сердца и мысли всѣхъ оставшихся участниковъ похода.

13 ноября вѣтеръ спалъ до 4-хъ балловъ и около полудня «Китобой» встрѣтилъ крупную зыбь. Подъ-вечеръ встрѣтили англійскій крейсеръ, идущій полнымъ ходомъ на контръ-курсѣ. Англичанинъ сталъ сигнализировать прожекторомъ, но изъ-за мглистой погоды и отсутствія кодовъ сигналъ «Китобоемъ» не былъ разобранъ. 14 ноября утромъ, на подходахъ къ Севастополю встрѣтили пароходъ загруженный войсками и затѣмъ «Якутъ», тоже съ войсками и двумя катерами на буксирѣ. Сначала рѣшили, что это десантъ въ Азовское море, но подходя къ Херсонесскому маяку увидѣли длинную вереницу судовъ, полныя войскъ, выходящихъ въ море. Съ одного изъ нихъ узнали печальную вѣсть: красные прорвались черезъ Перекопъ и Крымъ эвакуировался. Итакъ, по ироніи судьбы, послѣ всѣхъ усилій, «Китобою» удалось наконецъ дойти до родной земли, но въ послѣдній день ея существованія какъ кусочка свободной Бѣлой Россіи.

Севастополь, подернутый туманной дымкой, выглядѣлъ вымершимъ, но вдали, за Сѣверной бухтой, уже потрескивали выстрѣлы завязавшейся перестрѣлки между красными разъѣздами и бѣлыми заставами. На внутреннемъ рейдѣ, у стѣнокъ, грузились послѣдніе транспорта и выводились на буксирахъ недостроенные миноносцы и неисправные корабли, тоже доверху загруженные войсками. Снимались съ бочекъ и якорей и выходили изъ гавани русскія и иностранныя военныя суда. На створѣ Стрѣлецкой бухты встрѣтили крейсеръ «Генералъ Корниловъ» (бывшій «Кагулъ») подъ флагомъ Командующаго Вооруженными Силами Юга Россіи и

прошли мимо его лѣваго борта, отдавая честь, съ командой «Китобоя» выстроенной во фронтъ.

Послѣ полдня къ «Китобою» подошелъ быстроходный катеръ передавшій приказаніе идти въ Стрѣлецкую бухту снимать послѣднія части для посадки на суда, уже вышедшія на внѣшній рейдъ. Подойдя къ пристани, увидѣли густую стѣну офицеровъ и солдатъ стоявшихъ на берегу. Забравъ около 300 человѣкъ, маленькій «Китобой» почти-что сѣлъ въ воду. Эта погрузка, а также выполненіе различныхъ другихъ порученій Командующаго Флотомъ заняли «Китобоя» до поздняго вечера, когда былъ полученъ приказъ выйти на внѣшній рейдъ и вступить въ конвоированіе транспорта «Херсонъ», на которомъ находилось больше 7.000 офицеровъ и солдатъ. Въ полночь «Херсонъ», съ катеромъ «Тайфунъ» и крытой баржей на буксирѣ вышелъ за боновое загражденіе и взялъ курсъ на Босфоръ. Позади, во мракѣ, навсегда для «Китобоя», осталась Россія.

Ночью, «Тайфунъ» съ баржей оторвался отъ «Херсона». «Китобой» подошелъ къ нимъ и помогъ перегрузить людей съ баржи на «Тайфунъ», бросивъ сильно текущую баржу на произволъ судьбы. Послѣ того какъ «Тайфунъ» поднялъ свои собственные пары, пошли вмѣстѣ догонять «Херсонъ». Съ наступленіемъ утра увидѣли длинные караваны кораблей, идущихъ въ направленіи на Босфоръ. Такъ какъ многія суда были съ неисправными машинами или безъ топлива, почти-что каждому исправному кораблю, независимо отъ его размѣра, приходилось тащить на буксирѣ по нѣсколько неисправныхъ кораблей, также доверху загруженныхъ войсками или ихъ семьями. Шли большіе корабли, шли маленькіе, шли даже такіе, какъ «Георгій Побѣдоносецъ», уже много лѣтъ стоявшій въ Севастополѣ на мертвыхъ якоряхъ, и сейчасъ бывшій на буксирѣ «Ильи Муромца». На счастье, штормъ, продолжавшійся полторы недѣли, къ 14-му началъ стихать и перешелъ сначала въ зыбь, а затѣмъ на почти полный штиль. Если бы не это, врядъ-ли эта армада, вышедшая изъ разныхъ крымскихъ портовъ и состоявшая изъ болѣе чѣмъ 110 вымпеловъ, дошла бы до Константинополя съ такими маленькими потерями. Какъ вы-

яснилось позже, изъ оторвавшихся съ буксировъ судовъ, погибъ безъ вѣсти только миноносецъ «Живой», вышедшій изъ Керчи со своей командой и 250-ю человѣками Донского офицерскаго полка.

Утромъ 16 ноября «Китобой» встрѣтилъ въ морѣ транспортъ «Ріонъ», поднявшій сигналъ бѣдствія. Изъ-за недостатка угля онъ стоялъ на мѣстѣ, имѣя на борту 8.000 чел., и миноносецъ «Звонкій» на буксирѣ. Питьевой воды тоже не было. На «Китобоѣ», послѣ болѣе чѣмъ недѣльнаго похода питьевой воды почти не оставалось — что было отдали только женщинамъ и дѣтямъ. Около часа спустя подошелъ американскій крейсеръ «Сентъ-Луисъ» согласившійся взять «Ріонъ» на буксиръ. «Китобой», взявъ на буксиръ «Звонкаго» направился въ Константинополь. 17-го, приведя «Звонкаго» на Константинопольскій рейдъ, получили приказаніе вступить въ распоряженіе генерала Кутепова, старшаго русскаго начальника въ отсутствіи генерала Врангеля, который, послѣ эвакуаціи Севастополя, отправился на крейсерѣ «Генералъ Корниловъ» вдоль юго-восточнаго берега Крыма для личной провѣрки эвакуаціи войскъ изъ Ялты, Феодосіи и Керчи.

«Константинопольское сидѣніе»

Для того чтобы дать хотя бы маленькое представленіе о положеніи вещей на Константинопольскомъ рейдѣ на слѣдующій день послѣ прихода «Китобоя», приведемъ слѣдующую запись изъ дневника автора отъ 18 ноября:

«Теперь мы стоимъ въ Константинополѣ на рейдѣ подъ покровительствомъ французовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ французскіе флаги, поднятые по приказу Главнокомандующаго на форъ-стеньгахъ нашихъ судовъ. Стоимъ громадной массой, состоящей изъ 70-80 транспортовъ и военныхъ кораблей. И это еще не все, т. к. сегодня или завтра должна прійти Азовская флотилія, состоящая изъ добавочныхъ 30 вымпеловъ. Всѣ корабли вокругъ биткомъ набиты войсками и ихъ семьями въ количествѣ, какъ говорятъ, 120 тысячъ (не считая 30-35 тысячъ идущихъ сюда на Азовской фло-

тиліи). Люди, люди вездѣ: на палубахъ, мостикахъ, въ трюмахъ. Вмѣсте со здоровыми помѣщаются и тысячи больныхъ и раненыхъ, уже по нѣсколько дней не имѣвшихъ перевязокъ, т. к. нѣтъ воды. Впрочемъ, кажется, сегодня или завтра ихъ свезутъ на берегъ. На тѣ 1/8 фунта хлѣба и полкоробки консервовъ, которые сейчасъ выдаютъ французы, конечно долго не проживешь. Сегодня генералъ Кутеповъ обходилъ на нашемъ «Китобоѣ» всѣ стоящіе на рейдѣ корабли. Никогда не забуду энтузіазма войскъ встрѣчавшихъ и отдававшихъ ему честь по всему старому церемоніалу и, послѣ короткихъ рѣчей съ мостика «Китобоя», провожавшихъ его громовыми «ура». Находясь недалеко отъ него, я былъ гордъ за этихъ русскихъ людей до конца сохранившихъ свой духъ и дисциплину. Но надолго-ли хватитъ у нихъ бодрости? Вѣдь тѣ лишенія, которыя они испытываютъ отъ голода, недостатка воды и тѣсноты невѣроятны...»

Послѣ объѣзда войскъ «Китобой» доставилъ генерала Кутепова и его штабъ въ городъ и ошвартовался у стѣнки. Немедленно появилась турецкая полиція, требуя ухода. Командиръ «Китобоя» отклонилъ это требованіе и послалъ доложить еще не успѣвшему далеко отойти Кутепову. Генералъ вернулся, и черезъ переводчика передалъ полицейскому офицеру, что «Китобой» останется на этомъ же мѣстѣ до его возвращенія, если же вернувшись онъ его не найдетъ, то разстрѣляетъ турецкихъ полицейскихъ. Дальнѣйшихъ протестовъ отъ турокъ не послѣдовало.

Доставивъ генерала Кутепова назадъ на транспортъ «Саратовъ», «Китобой» сталъ на якорь недалеко отъ Скутари. Вечеромъ вахтенный донесъ, что вблизи стоявшая маленькая моторно-парусная фелюга подъ русскимъ флагомъ повидимому оставлена своей командой. При осмотрѣ обнаружили что трюмъ заваленъ мѣшками съ просомъ. Нѣсколько изъ нихъ доставили на «Китобой», и въ послѣдствіи это просо значительно помогло пережить періодъ скуднаго пищевого довольствія.

Черезъ нѣсколько дней «Китобой» перешелъ въ бухту Мода, гдѣ къ этому времени сосредоточились всѣ другіе корабли Черноморскаго флота и, до 10-го декабря былъ за-

нятъ поддерживаніемъ сообщенія между судами и берегомъ. За это время боевыя и вспомогательныя суда флота, послѣ демобилизаціи излишняго личнаго состава, были переформированы въ эскадру и, по соглашенію съ французами, закончили свои приготовленія къ походу въ Бизерту. Для этого похода суда эскадры были разбиты на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ и «Китобой» былъ назначенъ въ отрядъ состоявшій изъ ледокола «Илья Муромецъ», базы подводнаго плаванія «Добыча» и подводныхъ лодокъ «Тюлень», «Буревѣстникъ», «Утка» и «АГ-22».

Походъ въ Бизерту

10 декабря, погрузившись наканунѣ углемъ, водой и провіантомъ, «Китобой» вышелъ въ море въ составѣ своего отряда, взявъ курсъ на Дарданеллы. Послѣдовавшій походъ въ Бизерту продолжался болѣе двухъ недѣль, какъ изъ-за изношеннаго состоянія судовыхъ механизмовъ, такъ и изъ-за плохой погоды и отсутствія опыта въ совмѣстномъ плаваніи. Въ результатѣ послѣдняго, суда отряда зачастую теряли связь другъ съ другомъ и много безполезнаго времени терялось въ поискахъ и выжиданіяхъ на условленныхъ рандеву.

Пройдя Егейское море, у береговъ Греціи, попали въ сильный штормъ. При входѣ въ проливъ Доро встрѣтили суда другого отряда, «Всадникъ» и «Джигитъ», у которыхъ во время шторма оторвались бывшіе у нихъ на буксирѣ миноносцы. Такъ какъ «Китобой» въ это время еле-еле справлялся съ волнами самъ, идти помогать было немыслимо. Какъ выяснилось позже, въ это же время въ проливѣ Доро погибъ, выскочивъ на камни, французскій конвоиръ, авизо «Баръ-ле-Дюкъ» Погибли: командиръ, три офицера и 22 человѣка команды, а также механизмы перископовъ снятыхъ съ нашихъ подводныхъ лодокъ въ Константинополѣ по настоянію англичанъ.

Пройдя Коринфскій каналъ и часть Іоническаго моря, «Китобой» съ двумя подводными лодками вошелъ 15 декабря въ бухту Аргостоли, на о-вѣ Кефалонія, назначенная

какъ «рандеву» для всѣхъ судовъ эскадры идущихъ въ Бизерту черезъ Коринфскій каналъ. Сюда же прибыли, послѣ обхода вокругъ Греціи, крейсеръ «Генералъ Корниловъ» подъ флагомъ Командующаго эскадрой и транспортъ «Кронштадтъ». 21 декабря «Китобой» получилъ приказаніе отвести миноносецъ «Жаркій» къ «Кронштадту» для починокъ. Такъ какъ было очень свѣжо, во время подвода «Жаркаго», «Китобоя» ударило волной о бортъ «Кронштадта» и сломало мостикъ и вырвало гротъ-мачту. 23-го, послѣ необходимыхъ починокъ, «Китобой» опять вышелъ со своимъ отрядомъ въ море, взявъ курсъ на мысъ Пассеро. 25 декабря на «Китобоѣ» лопнула трубка котла и для производства починки пришлось, прекративъ пары, стать временно на буксиръ спасательнаго судна «Черноморъ». Не имѣя подходящаго матеріала для пробки-заглушки, спилили поручни въ каютъ-компаніи. Трубку наконецъ удалось забить и, подъ вечеръ слѣдующаго дня «Китобой» поднялъ пары и пошелъ опять самостоятельно. Уже въ темнотѣ вошли въ аванпортъ Бизерты, а на слѣдующее утро, 27 декабря, принявъ лоцмана, перешли въ Бизертское озеро и стали тамъ на якорь, присоединившись къ другимъ судамъ эскадры, для которой французами былъ назначенъ карантинъ.

Бизерта и конечная судьба «Китобоя»

Карантинъ безъ разрѣшенія съѣзда на берегъ продолжался больше двухъ мѣсяцевъ. За это время только Морской Курпусъ и большинство семействъ личнаго состава эскадры были свезены съ кораблей и размѣщены или на старыхъ фортахъ Бизерты, или въ спеціальныхъ лагеряхъ.

«Китобой» оказался однимъ изъ немногихъ кораблей заваленныхъ работой (зачастую отъ 7:00 ч. утра до 10:00 ч. вечера), т. к. изъ-за своего маленькаго размѣра и дешевизны эксплуатаціи, онъ оказался особенно удобнымъ для поддерживанія сообщенія сначала между судами эскадры, а затѣмъ, послѣ окончанія карантина, между судами и берегомъ.

Въ началѣ января 1921 года, всѣмъ нежелающимъ раз-

дѣлить судьбу флота было предложено покинуть эскадру и вернуться въ Константинополь для возможнаго переселенія или въ Сербію, или въ одну изъ другихъ странъ, продолжавшихъ сочувствовать бѣлой Россіи. Оставшимся было объявлено что, если флотъ не разоружатъ, служба на немъ будетъ заведена на основаніи стараго Морского Устава, Надежды опять воскресли въ сердцахъ тѣхъ, которые продолжали вѣрить въ возрожденіе остатковъ флота на основахъ строгой дисциплины и традицій Россійскаго Императорскаго Флота. Къ сожалѣнію, изъ-за разныхъ причинъ, твердые и рѣшительные шаги къ возстановленію старой до-революціонной дисциплины и къ созданію изъ эскадры школы для тренировки будущихъ флотскихъ кадровъ такъ и не были предприняты.

Въ апрѣлѣ 1921 г. лейтенантъ Ферсманъ слегъ въ госпиталь послѣ вторичной атаки апендицита и въ серединѣ мая уѣхалъ въ Данію для окончанія лѣченія. Въ командованіе «Китобоемъ» вступилъ старшій офицеръ, старшій лейтенантъ В. А. Дуровъ.

Въ началѣ іюля на «Китобоѣ», послѣ непрерывнаго хожденія по рейду, потекъ котелъ и онъ подошелъ для починокъ къ транспорту «Кронштадтъ», ремонтной базѣ эскадры. На слѣдующій день на «Кронштадтѣ» вспыхнула эпидемія бубонной чумы, занесенной, какъ думали, крысами съ французскихъ военныхъ транспортовъ, совершавшихъ рейсы между Бизертой и портами Сиріи, гдѣ въ это время шла война съ возставшими Друзами. «Китобой», какъ стоявшій на швартовахъ у борта «Кронштадта» былъ немедленно взятъ подъ подозрѣніе, отведенъ въ Бизертское озеро и поставленъ французами въ чумный карантинъ на внѣшнемъ рейдѣ Сиди-Абдалабъ. Карантинъ, дезинфекція корабля, сидѣніе офицеровъ и команды за колючими проволочными загражденіями и чумными прививками продолжались до конца іюля, когда «Китобой» былъ наконецъ освобожденъ и вернулся обратно въ эскадру.

Съ этого времени и до середины 1923 года «Китобой» продолжалъ свою службу подъ Андреевскимъ флагомъ, какъ и прежде поддерживая сообщеніе между судами и бере-

гомъ, сначала подъ командой старшаго лейтенанта Дурова, а затѣмъ лейтенанта князя Шаховского.

Этотъ періодъ былъ лебединой пѣснью «Китобоя» какъ русскаго военнаго корабля, т. к. въ 1923 году онъ былъ взятъ французскимъ правительствомъ въ счетъ покрытія расходовъ по содержанію Русской Эскадры. Въ 1926 году «Китобой» былъ проданъ французами итальянской компаніи съ переименованіемъ въ «Итало». Послѣ 1928 года это имя было исключено изъ Ллойдъ-Реджистеръ, по какимъ причинамъ — неизвѣстно.

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ И. А. ВЕДРОВА

въ Бриджпортѣ, С.Ш.А.

является комиссіонеромъ эмигрантскихъ
и зарубежныхъ издательствъ,
покупаетъ новыя и старыя книги,
и комплекты старыхъ газетъ и журналовъ.
Высылаетъ свои каталоги по требованію.

THE BOOK HOUSE, P. O. Box 1375
Bridgeport, Conn. 06601, U. S. A.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ ПОСЫЛЬНАГО СУДНА «КИТОБОЙ»

въ день его выхода изъ Ревеля, 15 февраля 1920 г.

Фамилія Имя и отчество	Чинъ	Годъ выпуска	Должность или обязанность	Судьба или мѣстожительства
* ФЕРСМАНЪ Оскаръ Оскаровичъ	Лейт.	МК 1910	Командиръ	Умеръ 22.V.1948 въ Буэносъ-Айресѣ, Аргентина.
НИКОЛАЕВЪ Викторъ Александр.	Лейт.	МК 1912	Стар. Офиц.	Умеръ во Франціи
* ДУРОВЪ Влад. Андреевичъ	Ст. лейт.	МК 1904	Вахт. нач.	Умеръ въ Константинополѣ
ТУРЖАНСКІЙ Павелъ Александр.	Лейт.	МК 1911	Вахт. нач.	Убитъ въ Брестѣ, Франція во 2-ую Міровую войну
* БОБАРЫКОВЪ Николай Ивановичъ	Лейт.	МК 1913	Вахт. нач.	Умеръ 1.I.1955 въ Нью-Иоркѣ, США.
* ВИЛЬКЕНЪ Оскаръ Викторовичъ	Лейт.	МК 1913	Ст. Штурманъ	Умеръ въ Копенгагенѣ, Данія, 12.XII,1933
* ПЕТРОВЪ Борисъ Александр.	Лейт.	МК 1913	Артил. офиц.	Умеръ въ Парижѣ, Франція, 20.XI.1953
КАМЕНЕВЪ Михаилъ Михайловичъ	Лейт.	МК 1914-1	Мл. Штурм.	Умеръ въ Запад. Германіи, 29.VII.60
ШИГАЕВЪ Владиміръ Ивановичъ	Мичманъ	МК 1914-2	рулевой	Умеръ въ 1943 г. въ Брюсселѣ, Бельгія
ОСОСОВЪ Дмитрій Ивановичъ	Мичманъ	МК 1915	Ревизоръ	Калифорнія, США
Князь ШАХОВСКОЙ Юрій Сергѣевичъ	Мичманъ	МК 1915	кочегаръ	Умеръ въ США

Фамилія Имя и отчество	Чинъ	Годъ выпуска	Должность или обязанность	Судьба или мѣстожительства
ЛАБЕНСКІЙ Борисъ Петровичъ	Мичманъ	МК 1917	радіо-тел.	Умеръ 25.X.1950 въ Стамфордѣ, Кон., США
* МАРКОВЪ Георгій Николаевичъ	Мичманъ	МК 1917	сигнальщикъ	Умеръ 16.VII.1952 въ Нью-Йоркѣ, США
* БОГОЛЮБОВЪ Николай Александр.	Мичманъ	МК 1918	комендоръ	Вермонтъ, США
КВЯТКОВСКІЙ Владиміръ Іосифовичъ	Мичманъ	МК 1918	кочегаръ	Коннектикутъ, США
СВІЯЖЕНИНОВЪ Иванъ Григорьевичъ	Мичманъ	МК 1918	кочегаръ	Нью-Йоркъ, США
СТРАХОВЪ Александръ Сергѣевичъ	Мичманъ	МК 1918	кочегаръ	Нью-Йоркъ, США
* ЛЕСГАФТЪ Андрей Борисовичъ	Мич. В. В.	Ш. Пр. 1917	рулевой	Охайо, США
НАДДАЧИНЪ Александръ Степановичъ	И. М. Мич.	МИУ 1915	Ст. Ин. Мех.	Остался въ Даніи
ЧИСТЯКОВЪ Сергѣй Николаевичъ	И. М. Мич.	МИУ 1916	Мл. Ин. Мех.	США. Судьба неизвѣстна
ЧЕНЦОВЪ Павелъ Павловичъ	И. М. Мич.	МИУ 1918	кочегаръ	США
* ЛЯХОВКИНЪ Сергѣй Федоровичъ	И. М. Мич. в. в.	1917	машинистъ	США
Морской кадетъ:				
ВРЕДЕНЪ Николай Романовичъ	кадетъ МК		кочегаръ	Умеръ въ Массачузетсѣ, США 6.VIII.1955

Фамилія Имя и отчество	Чинъ	Годъ выпуска	Должность или обязанность	Судьба или мѣстожительства
Офицеры Арміи:				
ПОНОМАРЕВЪ Георгій Павловичъ	капитанъ пластунскихъ войскъ		баталеръ	Копенгагенъ, Данія
ГРАБАРЪ Павелъ Николаевичъ	прап. Л. Гв. Конной Артиллеріи		пулеметчикъ	Остался въ Даніи
КИСИЛЕВСКІЙ Владиміръ Васильевичъ	прап. Л. Гв. Конной Артиллеріи		комендоръ	Парижъ, Франція
Нижніе чины:				
ДРИЛЛЪ, Карлъ			боцманъ	Умеръ въ Копенгагенѣ
* ВАСИЛЬЧИКОВЪ, Константинъ			ун. оф. эл.	Флорида, США
ЧУФАРИНЪ, Сергѣй			радіо-тел.	Копенгагенъ, Данія
ЗЕЛИНОВЪ, Александръ			рулевой	Нью-Йоркъ, США, сошелъ съ ума.
ДЕМИДОВЪ, Леонидъ			машинистъ	Умеръ въ 1965 г. в Даніи
ТАММЪ, Эрнестъ			машинистъ	Судьба неизвѣстна.
ЛЯЛЬКО, Павелъ	гражд. инж. судостр.		кочегаръ	Пенсильванія, США
СТАСЕВИЧЪ			кочегаръ	Судьба неизвѣстна
БОГДАНОВЪ			кокъ	Судьба неизвѣстна
ДИМИТРІЕВЪ, Сергѣй			вѣстовой	Судьба неизвѣстна
РОЛИЧЪ, Викторъ			вѣстовой	Судьба неизвѣстна

* Чины личнаго состава, совершившіе полный походъ «Китобоя» изъ Ревеля въ Севастополь и оттуда въ Константинополь и Бизерту.

СУДЬБА РУССКИХЪ МОРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ ПОЛЬСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ, СЛУЖИВШИХЪ ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ФЛОТѢ

3 марта 1918 года совѣтское правительство подписало Брестъ-Литовскій миръ. 14 марта былъ обнародованъ декретъ о демобилизаціи флота. 11 ноября капитулировала Германія. Война закончилась и вскорѣ возродилось Польское государство и образовались Эстонская и Латвійская республики.

Уже въ концѣ 1918 года въ Варшаву начали стекаться офицеры, унтеръ-офицеры и матросы-спеціалисты польскаго происхожденія, служившіе въ русскомъ, германскомъ и австрійскомъ флотахъ. При Военномъ Министерствѣ въ Варшавѣ былъ созданъ отдѣлъ, принимавшій морскихъ чиновъ на службу. Уже въ декабрѣ онъ былъ извѣстенъ какъ Departament dla spraw Morskich. Въ 30-хъ годахъ департаментъ былъ переименованъ въ Kierownictwo Marynarki Wojennej.

Первоначально Морская База была создана въ Модлинѣ (бывшій Новогеоргіевскъ). Во время Польско-Совѣтской войны въ Модлинѣ былъ созданъ 1-й Батальонъ Морского полка, принявшій участіе въ занятіи побережья признаннаго польскимъ по Версальскому договору, а во второй поло-

винѣ 1920 года 1-й Батальонъ былъ высланъ на фронтъ противъ большевиковъ. 2-й и 3-й батальоны были созданы въ Торунѣ.

Полкомъ и 1-мъ Батальономъ командовалъ ст. лейт. К. Яцыничъ (М. К. 1910) 2-мъ батальономъ — ст. лейт. Адамъ Могучій (М. К. 1911), а 3-мъ батальономъ — лейт. В. Заіончковскій (М. К. 1913). Въ 1921 году Польше были переданы шесть нѣмецкихъ миноносцевъ и четыре тральщика, а въ Финляндіи куплены двѣ канонерскія лодки. Въ 1926 г. Польшей были заказаны во Франціи два истребителя по 1.650 тоннъ и три подводныхъ лодки по 1.000/1350 тоннъ. Это положило начало современнаго флота Польши.

Вначалѣ иностранные морскіе офицеры польскаго происхожденія принимались въ Польскій флотъ съ тѣми же чинами, которые они имѣли на прежней службѣ.

Въ Польскомъ флотѣ чины

раздѣлялись на:	и соотвѣтствовали:
Podporucznik marinarki	— мичманъ
Porucznik marinarki	— лейтенантъ
Kapitan marinarki	— старшій лейтенантъ
Komandor podporucznik	— капитанъ III ранга
Kamandor porucznik	— капитанъ II ранга
Komandor	— капитанъ I ранга
Kontr-admiral	— контръ-адмиралъ
Wice-admiral	— вице-адмиралъ

Большинство русскихъ морскихъ офицеровъ перешедшихъ въ Польскій флотъ къ концу 2-й Міровой войны достигли высокихъ должностей и чиновъ. Такъ, напримѣръ, ген. лейт. И. А. Яцына (К. М. А. — М. И. У. 1882) былъ генераломъ для особыхъ порученій при Штабѣ Маршала Пилсудскаго (†1931); вице-адмиралъ К. А. Порембскій (М. К. 1892) былъ Начальникомъ Польскаго Морского Штаба въ 20-хъ годахъ, а вице-адмиралъ Г. В. Свирскій (М. К. 1902) съ 1925 по 1947 г.г. (†1959 въ Лондонѣ). Рядъ офицеровъ командовали кораблями 1-го и 2-го ранга, дивизіонами подводныхъ лодокъ, на береговыхъ должностяхъ были Началь-

никами Морского Училища, Училища Торговаго Мореплаванія и друг., и служили въ коммерческомъ флотѣ.

Польскій флотъ принялъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ совмѣстно съ флотами союзниковъ во время 2-й Міровой войны.

Передъ началомъ войны, въ сентябрѣ 1939 г. въ Англію прибыли три польскихъ эск. миноносца: «Grom», «Blyskawica» и «Burza». Начальникомъ дивизіона былъ Романъ Станкевичъ (М. К. 1917); командирами миноносцевъ были: А. Гулевичъ (М. К. 1917), С. Нахорскій (1916), третьимъ командовалъ бывш. офицеръ австрійскаго флота. Въ концѣ сентября въ Англію, черезъ Зундъ прорвалась подв. лодка «Wilk», а 14 октября — подв. лодка «Orzel». Три польскихъ подв. лодки были интернированы въ Швеціи, остальные корабли погибли въ бояхъ при защитѣ польскаго побережья въ Балтикѣ. Личный составъ, оставшійся въ живыхъ, вмѣстѣ съ Командующимъ Флотомъ контръ-адмираломъ Unrug (бывш. мор. офиц. Германскаго флота) были взяты въ плѣнъ нѣмцами).

Черезъ Венгрію и Югославію въ Англію прибыли: К. А. Свирскій (М. К. 1902) и еще нѣсколько офицеровъ. Другіе офицеры прибыли черезъ Швецію и Норвегію, а одному офицеру удалось пробраться черезъ Литву, Москву и Сибирь въ Японію, а оттуда, черезъ Америку и Исландію, въ Англію. Нѣкоторымъ удалось бѣжать изъ германскаго плѣна. Два учебныхъ судна съ двумя курсами гардемаринъ, находившіеся въ Атлантическомъ океанѣ, пришли въ Казабланку.

Британское Адмиралтейство передало Польскому флоту нѣсколько кораблей, которые плавали подъ польскимъ флагомъ и были укомплектованы польскими офицерами и командами.

Между Польскимъ Морскимъ Штабомъ и Британскимъ Адмиралтействомъ было заключено соглашеніе, регулировавшее права и обязанности чиновъ Польскаго флота, причемъ Польскій флотъ сохранялъ права касающіяся администраціи личнаго состава (организація, дисциплина, жалованіе, обмундированіе, ѣда, отпуска и проч.), а англичанам ко-

рабли подчинены были въ оперативномъ отношенiи и ремонтахъ. Этотъ договоръ далъ возможность увеличить число судовъ подъ Польскимъ флагомъ и, такимъ образомъ, подъ Польскимъ флагомъ въ Англiи находилось: 2 крейсера, 10 эск. миноносцевъ, 5 подв. лодокъ, нѣсколько быстроходныхъ катеровъ, вспомогательныхъ судовъ и катеровъ.

Францiя также временно уступила Польскому флоту эск. миноносецъ «Ouragan» и 18 вспомогательныхъ судовъ и катеровъ, которые были укомплектованы польской командой, но будучи собственностью Французской республики, подымали кромѣ польскаго и французскiй флагъ. На одномъ изъ нихъ, которымъ командовалъ польскiй офицеръ, а команда была английская, поднималось одновременно три флага.

Потери Польскаго флота базировавшагося на Англiю были: 1 крейсеръ, 3 эск. миноносца, вспомогательное судно и быстроходный катеръ. Потери въ личномъ составѣ были значительныя: убитыми въ бояхъ: 31 офицеръ и 373 нижнихъ чиновъ. Раненыхъ — 191. Большинство командировъ судовъ въ концѣ войны были питомцами польскихъ военно-учебныхъ заведенiй.

Въ 1918/19 г.г. большинство офицеровъ, составившихъ первую ячейку Польскаго флота были бывшiе офицеры Русскаго флота. Большинство унтеръ-офицеровъ прибыли изъ нѣмецкаго флота.

Личный составъ Польскаго флота, базировавшагося на Англiю въ октябрѣ 1939 г. состоялъ изъ 800 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, въ iюлѣ 1940 г. — изъ 144 офицеровъ и 1.397 унтеръ-офицеровъ и матросовъ. 1 iюля 1945 г. 332 офицера и 3.392 нижнихъ чиновъ и 112 чиновъ Женской Вспомогательной Службы.

Польскiй коммерческiй флотъ въ 1939 году состоялъ изъ 42 кораблей. Во время войны онъ увеличился на 14 кораблей. Потери коммерческаго флота — 17 кораблей, 75.000 тоннъ. Въ личномъ составѣ потери были свыше 200 чел.

Данныя для настоящей статьи были получены отъ Е. А. Плавскаго (МК-1914-2), который вышелъ въ Черное море и плавалъ на эск. мин. «Дерзкiй» и другихъ эск. миноносцахъ I и II дивизiона. Въ 1918 г. онъ перешелъ на службу

въ Польскій флотъ, въ которомъ прослужилъ до мая 1948 г. За это время онъ окончилъ школу подводнаго плаванія въ Тулонѣ и въ 1928-29 г. былъ начальникомъ польскаго отдѣла этой школы. Въ іюлѣ-августѣ 1939 г. былъ членомъ Польской Миссіи во Франціи. Во время войны командовалъ уступленнымъ Франціей Польскому флоту эск. миноносцемъ «Ouragan» 1.540/2.000 тоннъ. Вся команда была польская. Затѣмъ командовалъ эск. мин. «Piorun» 1.760/2.320 тоннъ, на которомъ принялъ участіе въ потопленіи германскаго лин. кор. «Бисмаркъ». Въ 1942 былъ Морскимъ Агентомъ въ Стокгольмѣ, затѣмъ командовалъ крейсеромъ «Dragon» до февраля 1944 года. Затѣмъ былъ Начальникомъ Штаба Польскаго флота. Послѣ войны, до іюля 1947 г. находился въ Англіи по связи и начальникомъ учебнаго центра по подготовкѣ офицеровъ арміи по различнымъ специальностямъ къ частной или гражданской службѣ послѣ демобилизаціи. Съ сентября 1948 г. находится въ Канадѣ, гдѣ служитъ переводчикомъ на правительственной службѣ. Имѣетъ рядъ польскихъ и иностранныхъ боевыхъ наградъ.

Боевая дѣятельность Польскаго флота въ періодъ съ 1939 по 1945:

Охрана конвоевъ	787
Дозорная служба и оперативная дѣятельность .	1.162
Участіе въ бояхъ:	
Съ надводными кораблями	40
Съ береговыми батареями	50
Съ подводными лодками	175
Съ непріятельской авіацией	400
Число пройденныхъ миль	1.213.000

Потери, нанесенныя Польскимъ флотомъ противнику:
Уничтожено:

6 надводныхъ военныхъ судовъ .
2 подводныя лодки
39 транспортовъ
20 самолетовъ.

Уничтожено, или повреждено:

22 надводныхъ военныхъ судовъ
11 подводныхъ лодокъ
2 транспорта
Нѣсколько десятковъ самолетовъ.

Польскія суда участвовали въ оказаніи помощи и спасеніи:

14 военныхъ судовъ союзниковъ и ихъ командъ.
17 коммерческихъ кораблей
21 самолетовъ.

ПОЛЬСКІЕ МОРСКІЕ ОФИЦЕРЫ ПРЕЖДЕ СЛУЖИВШІЕ ВЪ РОССІЙСКОМЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ФЛОТѢ

1. Вице-адмиралъ К. А. Порембскій — М.К.-1892 — былъ Начальникомъ Польскаго Морского Штаба въ 1920 г. Умеръ въ 1930 г. (Георг. 4 ст. и Георг. оруж.).

2. Вице-адмиралъ Г. В. Свирскій — МК.-1899 — былъ Начальникомъ Польскаго Морского Штаба съ 1925 по 1947 г. Умеръ въ Лондонѣ въ 1959 г.

3. Кап. 1 р. В. І. Панасевичъ — МК-1896 — служилъ въ Польскомъ флотѣ до 1926 г., затѣмъ перешелъ въ коммерческій флотъ. Умеръ въ Лосъ-Анжелесъ въ концѣ 50-хъ годовъ.

4. Контръ-адмиралъ С. И. Франковскій — МК-1908 — умеръ въ германскомъ плѣну.

5. Генералъ-майоръ Ю. Ф. Волковицкій — МК-1904 (Георг. оруж.). Перешелъ въ армію. Живетъ въ Англіи.

6. Кап. 1 р. В. Б. Заіончковскій — МК-1913 — командовалъ Пинской флотиліей. Живетъ въ Торонто, Канада.

7. Кап. 2 р. Е. Л. Сольскій — МК-1913. — Гв. Эк. — умеръ въ Варшавѣ въ 1936 г.

8. Кап. 3 р. Б. К. Бродовскій — МК-1913 — умеръ передъ 2-й Міровой войной.

9. Кап. 3 р. М. А. Бересневичъ — МК-1914 — умеръ передъ 2-й Міровой войной.

10. Кап. 2 р. Адамъ А. Могучій — МК-1911 — передъ 2-й войной былъ Нач. Морского Училища, командовалъ Школой Спеціалистовъ, а въ 30-хъ годахъ вышелъ въ отставку и былъ Нач. Училища Торговаго флота. Послѣ войны былъ Командующимъ Флотомъ Демократической Польши. Умеръ въ 1954 г.

11. Кап. 3 р. Борисъ А. Могучій — МК-1914 — вышелъ изъ флота въ 1932 г.

12. Кап. 2 р. Александръ Могучій — МК-1917 — въ 1939 году командовалъ дивизіономъ подвод. лодокъ. Былъ въ германскомъ плѣну. Въ демократической Польшѣ былъ произведенъ въ кап. 1 р. Умеръ въ 1962 г.

13. Кап. 3 р. В. С. Наброцкій — МК-1915 — умеръ во время войны.

14. Кап. 1 р. Стан. Нахорскій — живетъ въ Англіи.

15. Кап. 2 р. И. Т. Станкевичъ — МК-1909 — до 1930 г. въ военномъ, а затѣмъ въ коммерческомъ флотѣ. Умеръ въ 1950 г. въ Южной Африкѣ.

16. Капитанъ торговаго флота — М. Ф. Станкевичъ — МК-1909 — Капитанъ м/с. — «Джозефъ Пилсудскій», погибъ вмѣстѣ съ кораблемъ на минѣ подъ Ньюкастлемъ 26 ноября 1939 г.

17. Кап. 2 р. Романъ Ф. Станкевичъ — МК-1917. Погибъ 26 ноября 1940 г. на суднѣ спеціальнаго назначенія «Medoc». Судно французское, командиръ полякъ, команда английская — плавалъ подъ тремя флагами.

18. Кап. 2 р. К. К. Яцыничъ — МК-1910 — вышелъ въ отставку передъ 1930 г.

19. Лейт. С. Яцыничъ — умеръ до 1930 г.

20. Капитанъ М. Яцыничъ. Въ Польскомъ коммерческомъ флотѣ.

21. Кап. 3 р. М. Боровскій — МК-1916 — въ Польшѣ.

22. Кап. 3 р. Лесневскій — МК-1916 — въ Польшѣ.

23. Кап. 2 р. Стефанъ ле Вальденъ — МК-1917 — въ Польшѣ.

24. Кап. 2 р. Станиславъ Гриневецкій — МК-1917 — командовалъ эск. мин. «Orkan», погибъ отъ аккустической торпеды въ Атлантическомъ океанѣ 13 октября 1943 г.

25. Кап. 2 р. Александръ Гулевичъ — МК-1917 — командовалъ эск. мин. «Grom», погибшимъ отъ бомбъ непріятельскаго самолета. Въ 1943 г. былъ стар. офиц. крейсера «Dragon». Живетъ въ Торонто, Канада.

26. Кап. 3 р. Антонъ Вонсовичъ — МК-1913 — былъ въ Польскомъ торговомъ флотѣ до 1926 г. Умеръ въ германскомъ плѣну.

27. Кап. 3 р. М. Пшысецкій — умеръ передъ войной.

28. Кап. 1 р. Владиміръ Штаеръ — МК-1913 — былъ въ германскомъ плѣну. Въ демократической Польшѣ командовалъ флотомъ и произведенъ въ контръ-адмиралы.

29. Кап. 2 р. И. И. Шанявскій — МК-1904. Бывш. воспитатель въ Морскомъ Корпусѣ. Умеръ въ Англіи.

30. Полк. возд. флота В. В. Ивашкевичъ — МК-1914-1 — перешелъ въ авіацію, командовалъ воздушнымъ полкомъ. Во время войны былъ въ Англіи на административной должности.

31. Кап. 2 р. Б. Соколовскій — ОГК-1917 — разстрѣлянъ большевиками.

32. Кап. 2 р. Э. Шистовскій — МК-1917 — командовалъ воздушнымъ дивизіономъ въ Балтикѣ. Погибъ при бомбардировкѣ 1 сентября 1939 г.

33. Кап. 2 р. К. Л. Матыевичъ-Мацыевичъ — МК-1911 — командовалъ парусными учебными судами, а также школой торговаго флота. Живетъ въ Польшѣ.

34. Кап. 3 р. Владиміръ С. Сташкевичъ — МК-1919 — Вышелъ въ отставку въ 1926 г.

35. Лейт. Расусса-Сущевскій — работалъ въ Министерствѣ Торговли и Промышленности въ департаментѣ торговаго флота. Умеръ до 1930 г.

36. Кап. 3 р. Валеріанъ Антоновичъ — МК-1913 — служилъ въ Польскомъ флотѣ до 1939 г. Умеръ въ Монтреалѣ, Канада, въ январѣ 1965 г.

37. Кап. 1 р. М. Вольбекъ (изъ юнкеровъ флота) живетъ въ Лондонѣ.

38. Кап. 3 р. И. Ласковскій (М. В. В. въ Ораніенбаумѣ) — умеръ до 1932 г.

39. Кап. 3 р. Фома Дурачъ (М. В. В. — Ораніенбаумъ) — разстрѣлянъ нѣмцами въ 1942 г.

40. Лейт. К. Таубе — вышелъ въ отставку, 1925.

41. Стар. лейт. Гедройцъ.

42. Кап. 3 р. Дзіевалтовскій-Гинтовтъ — былъ въ плѣну, умеръ въ Бельгіи въ 1956 г.

43. Лейт. Сулковскій.

44. Подполковникъ И. И. Стаховскій — МИУ-1908 — занималъ высокія должности въ Польской авіаціи до 1928 г.

45. Ст. лейт. М. С. Рудницкій — МК-1916 — съ 1928 въ торговомъ флотѣ. Умеръ во время нѣмецкой оккупаціи.

46. Кап. 2 р. В. П. Филяновичъ — Ю. Ф.-1913 — Капитанъ надъ Портомъ въ Гдынѣ. Во время войны находился въ Югославіи.

47. А. П. Длусскій — МК-1901 — Передъ войной былъ директоромъ оптическаго завода въ Варшавѣ. Укрывался во время войны въ Югославіи. Въ 1946 г. былъ въ Лондонѣ. Умеръ тамъ же 19.2.56.

48. Кап. 3 р. Р. Р. Чечоттъ — МК-1914-1. Вышелъ въ отставку въ 1930 г.

49. Капитанъ Феликсъ Ф. Ростковскій — МК-1913. — служилъ въ торговомъ флотѣ до 1939 г.

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКИ, КОРАБЕЛЬНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ

1. Контръ-адмиралъ М. К. Боровскій — МИУ-1894 — умеръ передъ 2-й Міровой войной въ Польшѣ.

2. Контръ-адмиралъ Ф. К. Бобровскій — МИУ-1893 — умеръ передъ 2-й Міровой войной въ Польшѣ.

3. Кап. 2 р. А. А. Чесновицкій — МИУ-1914 — въ Польскомъ флотѣ былъ стар. инж.-мех. на крейсерѣ «Dragon». Умеръ въ Ливерпулѣ въ 1943 г.

4. Кап. 2 р. С. Каменскій — разстрѣлянъ большевиками.

5. Кап. 1 р. К. К. Семашко — МИУ-1915 — умеръ въ Польшѣ, 1956.

6. Кап. 1 р. М. И. Сасиновскій — МИУ-1904 — умеръ въ Польшѣ, 1930.

7. Контръ-адмиралъ К. Э. Черницкій — МИУ-ККИ-1905 — передъ войной былъ Начальникомъ Администраціи при Польскомъ Морскомъ Штабѣ. Пропалъ безъ вѣсти въ плѣну въ СССР.

8. Кап. 2 р. И. Сиповичъ — въ Польшѣ.

9. Инженеръ Н. О. Беренсъ — МИУ-ККИ-1906 — умеръ въ Польшѣ.

10. Кап. 1 р. С. І. Рымшевичъ — МИУ-1913 — во время войны былъ въ Англіи, послѣ войны вернулся въ Польшу.

1. Кап. 1 р. В. Ф. Жейма — МИУ-1919 — умеръ въ Англіи 22.10.49.

12. Кап. 2 р. Слядковскій — въ Польшѣ.

13. Кап. 3 р. С. К. Гордличка — Ю. Ф.-1912 — вышелъ въ отставку въ 1922 г. г. Умеръ въ Польшѣ.

14. Кап. 2 р. А. С. Рыльке — Ю. Ф.-1909-ККИ — вышелъ въ отставку въ 1932 г.

15. Ген. лейт. Иванъ Александровичъ Яцына — МИУ-1882-КМА — генералъ для особыхъ порученій при штабѣ маршала Пилсудскаго. Умеръ въ 1931 г.

Профессоръ В. В. Таклинскій — Университетъ въ Краковѣ — разстрѣлянъ нѣмцами въ 1940 г.

Сокращенія:

МК — Морской Корпусъ
ОГК — Отдѣльные Гардемаринскіе Классы
МВВ — Мичманъ Военнаго Времени
(Школа прапорщиковъ въ Ораніенбаумѣ).
МИУ — Морское Инженерное Училище
Императора Николая І.
Ю.Ф. — Юнкеръ флота
ККИ — Корпусъ Корабельныхъ Инженеровъ
КМА — Корпусъ Морской Артиллеріи

Кап. I. р. князь Я. К. Тумановъ

ОДЕССА ВЪ 1918-19 г.г.

Въ архивѣ Общества Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ, среди многочисленныхъ цѣнныхъ документовъ и воспоминаній, хранится рукопись капитана 1 ранга князя Язона Константиновича Туманова. Въ этой рукописи 360 страницъ, написанныхъ отъ руки бисернымъ почеркомъ. Посвящена эта рукопись: «Свѣтлой памяти морскихъ офицеровъ, замученныхъ безсмысленной и жестокой русской революціей» и называется она «Скорбная повѣсть». Тема ея — «описаніе виденнаго и пережитаго рядовымъ морскимъ офицеромъ въ первые годы русской революціи». Цѣль ея — «дать идущимъ за нами поколѣніямъ живое ощущеніе печальнаго и страшнаго періода, нами пережитаго, чтобы нашъ тяжелый опытъ не пропалъ даромъ и послужилъ бы хоть чѣмъ-нибудь на пользу нашей смѣнѣ, которой предстоитъ титаническая работа по созданію вновь великаго государства и достойнаго его флота».

Въ обстоятельствахъ настоящаго времени изданіе воспоминаній князя Я. К. Туманова отдѣльной книгой не представляется возможнымъ. Въ будущемъ эти возможности еще уменьшатся. Поэтому, въ предѣлахъ возможности представляемой «Морскими Записками», ниже сего печатаются выдержки изъ нѣкоторыхъ главъ этого труда. Такъ какъ событія, происшедшія въ Крыму получили бо́льшую извѣстность, то редакціей выбраны описанія того, что происходило въ Одессѣ въ 1918-19 году.

Одесса пережила тоже не мало страдныхъ дней за время перваго большевизма и, по количеству пролитой крови, не уступала Севастополю. Въ Одессѣ — краса и гордость революцiи была представлена экипажами двухъ кораблей — «Синопа» и «Алмаза», причемъ пальма первенства въ углубленiи революцiи и въ душу леденящихъ звѣрствахъ, учиняемыхъ надъ офицерами и буржуями принадлежала, безспорно, второму изъ этихъ двухъ кораблей. Это объяснялось тѣмъ, что «Синопъ», простоявшiй большую часть войны въ Одессѣ, успѣлъ пустить тамъ глубокiе корни и, какъ мнѣ передавали, большинство матросовъ этого корабля поступило на содержанiе къ крупной еврейской буржуазiи города, которую, за солидное, конечно, вознагражденiе, охраняло отъ эксцессовъ. «Алмазъ» же былъ тамъ недавнимъ пришельцемъ и сдѣлался самымъ страшнымъ застѣнкомъ большевистскихъ палачей, удостоившись чести быть воспѣтымъ въ знаменитой революцiонной частушкѣ — «Яблочко», гдѣ одна изъ строфъ этой каторжной пѣсенки заканчивалась словами:

— «на Алмазъ» попадешь — не воротишься».

Идучи въ штабъ Украинскаго флота, я приготовился увидѣть что-нибудь специфически хохлацкое, вродѣ какихъ-нибудь чубовъ, жупановъ и слышать на каждом шагу мудреныя выраженiя, вродѣ — «ой, лыхо, не Петрусь» (мои познанiя въ малороссiйскомъ языкѣ были довольно слабы), или что-нибудь въ этомъ стилѣ. Каково же было мое удивленiе и радость, когда я очутился въ типичнѣйшемъ, какой только можно было себѣ представить, русскомъ штабѣ: никакими Петрусями, Тарасами и Остапами тамъ и не пахло. За столами сидѣли, щелкая на машинкахъ, ожидая въ прiемной — самые обыкновенные Иваны Ивановичи и Михаилы Михайловичи, безъ всякаго намека на чубы, и не въ жупанахъ и шароварахъ шириной въ Черное море, а въ обычныхъ флотскихъ тужуркахъ и кителяхъ и въ самыхъ обыкновенныхъ, черныхъ, хорошо разглаженныхъ брюкахъ. Бесѣды велись и приказанiя отдавались также на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ. Лишь приказы въ письменной формѣ пи-

сались по-украински, для чего имѣлся при штабѣ спеціальный переводчикъ.

— «Ну, въ такомъ украинскомъ флотѣ служить можно», — было моею первою мыслью.

Контръ-адмиралъ В. — начальникъ штаба — принялъ меня по-родственному. Разспросивъ о моихъ мытарствахъ, и освѣдомившись, что я хотѣлъ бы устроиться здѣсь, въ Одессѣ, онъ, подумавъ, предложилъ мнѣ мѣсто штабъ-офицера при немъ для порученій. Ничего болѣе подходящаго по обстоятельствамъ момента я бы и самъ не могъ придумать и, не колеблясь, изъявилъ свое согласіе, данное съ тѣмъ большей охотой, что я очень любилъ милѣйшаго и добродушнѣйшаго контръ-адмирала В.

Выйдя изъ его кабинета и пройдя пріемную, гдѣ нѣсколько офицеровъ ожидали очереди быть принятыми начальникомъ штаба, я столкнулся носъ-къ-носу съ капитаномъ 2-го ранга К., старымъ моимъ другомъ и товарищемъ по выпуску изъ Морского Корпуса. Мы обнялись.

— «Какими судьбами?»

— «А ты что здѣсь дѣлаешь?»

— «Я — командую канонерской лодкой «Кубанецъ».

— «Ну, вот какъ хорошо! Значитъ, ты въ нѣкоторомъ родѣ уже одесскій аборигенъ. Посовѣтуй, поэтому, мнѣ прежде всего, куда мнѣ приткнуть свою голову. Я сегодня только пріѣхалъ и устроился здѣсь на службѣ штабъ-офицеромъ для порученій при штабѣ. Только имѣй въ виду, что я не богатъ, и о гостинницѣ не могу и мечтать».

К. подумалъ съ минуту.

— «Да поселяйся у меня, на «Кубанцѣ». Каюта для тебя у меня найдется, а столъ у насъ недорогой и я самъ столуюсь въ каютъ-компаніи. Плавать мы никуда не ходимъ, такъ какъ должны идти въ капитальный ремонтъ, такъ что лучшей квартиры тебѣ и не найти».

Я, конечно, съ радостью принялъ это предложеніе, и въ тотъ же вечеръ сидѣлъ въ небольшой уютной каютъ-компаніи старика — «Кубанца», ощущая давно уже не испытываемое блаженство каютъ-компанейскаго уюта, понятное лишь старымъ, много плававшимъ морякамъ.

Служба моя оказалась не очень обременительной. Сама Одесса, переполненная «недорѣзанными буржуями», бѣгущими со всѣхъ концовъ большевистской Россіи на Украину, подъ защиту германскихъ и австрійскихъ штыковъ, меня интересовала мало. Городъ жилъ какой-то лихорадочной жизнью, напоминающей пиръ во время чумы. Чума эта не ощущалась днемъ, когда Одесса напоминала обычную «Одессу-маму», со своей бурно кипящей жизнью, нарядными улицами, магазинами и ресторанами, заполненными колоритной южной толпой, кишащими народомъ своими знаменитыми кондитерскими-биржами Фанкони и Робина, гдѣ чистый русскій языкъ можно было услышать рѣже, чѣмъ на Стамбульскомъ базарѣ, со своей Лондонской гостинницей, густо набитой буржуями со всѣхъ концовъ необъятной Россіи.

Больное время, переживаемое Одессой, давало себя знать лишь съ наступленіемъ темноты. Одновременно съ тѣмъ, какъ ярко вспыхивали матовые шары уличнаго электрическаго освѣщенія, въ разныхъ концахъ города, сначала робко, гдѣ-то на окраинахъ, начинали пострѣливать ружья и револьверы. Чѣмъ глуше становилась ночь, тѣмъ сильнѣе разгоралась стрѣльба, переходя постепенно отъ периферіи къ центру. Послѣ полуночи, ружейная и револьверная перестрѣлка вспыхивала уже на самыхъ центральныхъ улицахъ города. Иногда, въ перемежку съ ружейными и револьверными выстрѣлами слышались болѣе громкіе взрывы, это взрывались ручныя гранаты. Временами раздавалось даже стрекотанье пулемета, и перестрѣлка принимала уже характеръ происходящаго гдѣ-то настоящаго боя. И такъ продолжалось всю ночь, стихая постепенно къ разсвѣту и прекращаясь совершенно съ первыми лучами южнаго, ласковаго даже въ поздніе осенніе мѣсяцы, солнышка.

Какъ извѣстно, первымъ завоеваніемъ Октябрьской революціи было открытіе всѣхъ тюремъ и пріобрѣтеніе гражданскихъ правъ всѣмъ уголовнымъ и преступнымъ міромъ Россіи. Вотъ, этотъ-то, вооруженный въ тѣ времена послѣднимъ словомъ техники, міръ, съ наступленіемъ темноты, выходилъ на свою ночную работу.

Одесса-мама, какъ всякій большой и притомъ портовый городъ, всегда славилась количествомъ и качествомъ своего уголовнаго элемента. По словамъ послѣдняго одесскаго градоначальника, большевистская революція выпустила изъ одесскихъ тюремъ на Божій свѣтъ нѣсколько тысячъ воровъ, грабителей и убійцъ, которые, конечно, не пожелали покинуть знакомое поле своей былой дѣятельности, да еще въ такое золотое время, когда старая опытная полиція, уничтоженная умницей-Керенскимъ, смѣнилась импровизованной милиціей, набираемой съ бору да съ сосенки, большей частью изъ неопытныхъ юнцовъ, не умѣющихъ, зачастую, даже обращаться какъ слѣдуетъ съ оружиемъ. Самыми золотыми днями для одесскихъ бандитовъ было первое время большевизма, когда они, вкупѣ съ остервенѣлыми отъ революціонныхъ лозунговъ матросами, сдѣлались хозяевами положенія. Они поджали хвосты лишь съ оккупаціей Одессы австрійскими войсками.

Когда я пріѣхалъ въ Одессу, австрійцы доживали тамъ свои послѣдніе дни, почти не вмѣшиваясь во внутренніе распорядки города, и бандиты вновь подняли голову. Одесса того времени сильно отличалась и отъ Севастополя, и даже Тифлиса, и трудно было повѣрить, что это — городъ оккупированный непріятельской арміей. Австрійцевъ на улицѣ почти не было видно. Единственное, что мнѣ напоминало объ ихъ присутствіи, это — звуки сигнальной трубы, доносившіеся отъ времени до времени до палубы «Кубанца» изъ какого-то портоваго зданія, въ которомъ расположилась одна изъ военныхъ австрійскихъ частей.

Ночные грабители, налеты, ружейная стрѣльба и взрывы гранатъ не мѣшали Одессѣ веселиться какъ никогда. Театры, рестораны, кабаки, кафе-шантаны, игорные дома и притоны всѣхъ разрядовъ ломились отъ публики, швырявшей деньгами, которымъ, казалось, перестали придавать какую-либо цѣнность, спѣша насладиться жизнью или же, быть можетъ, забыться отъ ужасовъ этой самой жизни. И — странная вещь — наружно, вмѣстѣ съ тѣмъ казалось, что въ городѣ, съ наступленіемъ темноты, жизнь совершенно замирала: витрины и двери магазиновъ заброниро-

вывались желѣзными ставнями, улицы пустѣли и, лишь временами, на самое короткое время, оживлялись торопливымъ разъѣздомъ изъ какого-нибудь театра или кинематографа, послѣ чего, даже такія центральныя улицы какъ Дерибасовская или Пушкинская вновь представляли пустынный видъ какого-то сказачнаго, вымершаго города безъ жителей и прохожихъ.

Во всей Одессѣ у меня было всего лишь два знакомыхъ семейныхъ дома: моего начальника, контръ-адмирала В. и капитана 2 ранга П., у котораго я зачастую, проводилъ вечера за скромнымъ бриджомъ «по маленькой» и, обычно, около полуночи, возвращался къ себѣ въ портъ на «Кубанецъ».

Любопытны были эти ночныя прогулки.

У одесситовъ того времени выработалась своеобразная тактика ночныхъ путешествій пѣшкомъ по городу. Извозчика, ночью, въ то время достать было не легко; они группировались, обычно, у театровъ, пока тѣ функціонировали, или же у фешенебельныхъ кабаковъ и притоновъ, и драли съ сѣдоковъ умопомрачительныя цѣны. Въ эту тактику ночного хожденія по одесскимъ улицамъ я былъ посвященъ моими друзьями, одесскими старожилами, и неизмѣнно ея придерживался. Первое, что главнымъ образомъ рекомендовалось, это придерживаться неизмѣнной splendid isolation. Завидѣвъ на пустынномъ тротуарѣ идущую навстрѣчу фигуру и, въ особенности, пару или тройку, тактика требовала немедленнаго перехода на другую сторону улицы и перевода предохранителя револьвера съ «Sur» на «Feu». Въ случаѣ, если встрѣчная фигура или фигуры переходили также на ту же сторону и шли навстрѣчу, рекомендовалось, не ожидая столкновенія съ ними носъ къ носу, открывать огонь заранѣе и безъ предупрежденія. Настоятельно совѣтовалось также держаться крайней обочины тротуара, избѣгая проходить вплотную къ глубокимъ нишамъ подъѣздовъ или воротъ, и внимательно туда вглядываться, когда таковыя попадались по пути.

Я неизмѣнно придерживался этихъ правилъ и неизмѣнно благополучно добирался до своего «Кубанца». Сплошь

и рядомъ, замѣтивъ впереди себя одинокую фигуру, шествующую мнѣ навстрѣчу, я готовился было уже переходить на другую сторону, какъ вдругъ видѣлъ какъ эта фигура сама шарахалась на противуположный тротуаръ, до того, какъ я успѣвалъ продѣлать этотъ маневръ. Тогда я продолжалъ идти, не мѣняя стараго курса и, поравнявшись со встрѣчнымъ, неизмѣнно видѣлъ его проходящимъ съ правой рукой опущенной въ карманъ пальто, и чувствовалъ на себѣ зоркій, настороженный взглядъ прохожаго.

Контръ-адмиралъ В. жилъ довольно далеко отъ порта и путь мой домой былъ дологъ, а иногда еще болѣе удлинялся неожиданно выроставшимъ на моемъ пути препятствіемъ, которое нужно было обходить. Это случалось тогда, когда прямо на моемъ пути слышалась стрѣльба, указывающая, что рыцари Мишки-Япончика работаютъ или на самомъ моемъ пути, или же вблизи его. Но самой жуткой частью моего пути была заключительная ея часть, когда я спускался въ скудно освѣщенный рѣдкими фонарями, загроможденный на желѣзнодорожныхъ путяхъ длиннѣйшими составами пустыхъ вагоновъ, районъ порта. Эту часть я старался пройти какъ можно скорѣе, крѣпко сжимая опущенной въ карманъ рукою рукоятку револьвера и отпуская ее лишь тогда, когда слышалъ, наконецъ, окликъ часового у сходней «Кубанца» — «кто идетъ?»

Ноябрь мѣсяцъ этого, 1918 года былъ чреватъ крупными историческими событіями, которыя быстро отражались въ Одессѣ, мѣняя ея физіономію какъ въ калейдоскопѣ. Рухнули обѣ союзныя центральныя монархіи, какъ-то неожиданно быстро заключено было перемиріе и, въ одинъ прекрасный день, Одесса увидѣла спѣшно и безпорядочно эвакуирующіяся австрійскія части. Еще можно было встрѣтить на улицахъ Одессы громыхающую по булыжной мостовой окованными колесами обозную австрійскую телѣгу, увозящую на вокзалъ военное австрійское имущество, какъ появились, невѣдомо откуда взявшіеся какіе-то польскіе солдаты, патрулирующіе по улицамъ этого несчастнаго русскаго города, и одновременно мѣстныя газеты оповѣстили одесситовъ, что союзная эскадра уже въ Константинополѣ

и, не сегодня-завтра можно уже ждать появленіе союзныхъ кораблей передъ Одессой. Сенсація слѣдовала за сенсаціей, и самой радостной изъ нихъ, отозвавшейся пасхальнымъ звономъ въ душахъ отвыкшихъ отъ радости русскихъ людей, было извѣстіе о рѣшеніи союзниковъ, покончивъ съ Германіей, порѣшить и съ ея дѣтищемъ — большевиками, и вновь вернуть радость бытія своей вѣрной союзницѣ — Россіи.

И, это не было слухомъ, рожденнымъ въ нѣдрахъ Фанкони и Робина, а самой настоящей дѣйствительностью, въ чемъ убѣдились одесситы, увидавъ, въ одинъ прекрасный день, въ порту, стройный силуетъ англійскаго миноносца, а на своихъ улицахъ — англійскихъ моряковъ.

Въ одинъ изъ этихъ дней буйной, ликующей радости, меня вызвалъ къ себе Начальникъ Штаба и сказалъ мнѣ, что я назначаюсь для связи между французскимъ морскимъ командованіемъ и нашимъ штабомъ, что ожидается прибытіе французскаго крейсера «Jules Michelet», къ командиру котораго я и долженъ явиться, какъ только онъ встанетъ на якорь на Одесскомъ рейдѣ.

Въ то время я жилъ уже не на «Кубанцѣ», уведенномъ въ какой-то отдаленный уголъ порта для капитальнаго ремонта, а на одномъ изъ старенькихъ пассажирскихъ пароходовъ, гдѣ меня пріютилъ капитанъ 2 ранга И., начальникъ бригады траленія, гдѣ помѣщался его, довольно обширный штабъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, далеко на рейдѣ, въ морѣ, уже маячилъ зеленовато-сѣрый силуетъ ставшаго тамъ на якорь французскаго крейсера, и я уже шелъ къ нему, ныряя въ волнахъ на старенькомъ портовомъ паровомъ катерѣ.

«Jules Michelet» не былъ первымъ союзнымъ военнымъ кораблемъ, который увидѣли у себя въ гостяхъ одесситы. Первымъ въ Одессу пришелъ англійскій миноносецъ, вошедшій въ гавань и ошвартовавшійся у ея стѣнки. Посланный въ распоряженіе командира миноносца русскій морской офицеръ, хорошо владѣвшій англійскимъ языкомъ, разсказывалъ мнѣ про любопытный разговоръ который произошелъ съ офицерами миноносца. Англичанинъ пришелъ въ

Одессу, какъ и «Jules Michelet», передъ заходомъ солнца. Представившись командиру миноносца сейчасъ же послѣ его прихода, русскій офицеръ вскорѣ покинулъ его, такъ какъ вечеромъ и ночью дѣлать ему было нечего, обѣщавъ навѣдаться на другой же день, къ подъему флага. Прибывъ туда въ назначенный часъ, онъ былъ окруженъ офицерами миноносца, которые закидали его вопросами:

— Что такое у васъ было ночью?

— У васъ было возстаніе?

— Произошелъ какой-нибудь переворотъ?

Русскій офицеръ широко открылъ глаза.

— Никакого возстанія, никакого переворота. Все, слава Богу, спокойно, откуда вы взяли, и кто вамъ сказалъ, что было какое-то возстаніе? — въ свою очередь задалъ онъ имъ вопросъ.

— Никто намъ ничего не говорилъ. Но съ 9 вечера въ городѣ началась такая стрѣльба, точно его берутъ штурмомъ, и продолжалась почти безъ перерыва всю ночь. Мы подняли пары, пробили боевую тревогу и всю ночь были на-чеку...

Тутъ только русскій морякъ догадался въ чемъ дѣло и весело разсмѣялся.

— Ну, господа, — сказалъ онъ: — если вы изъ-за этой ночной стрѣльбы будете устраивать боевыя тревоги и не спать по ночамъ, то я боюсь, что вы долго у насъ не выдержите. Я долженъ васъ предупредить, что это самая обычная нормальная, одесская ночь, и эта стрѣльба есть не что иное, какъ налеты одесскихъ бандитовъ и ихъ бои съ патрулями и милиціей.

Англичане отказывались вѣрить въ справедливость сказаннаго и, лишь послѣдующія ночи убѣдили ихъ въ этомъ.

Приставъ къ борту «Jules Michelet» и поднявшись на его палубу, я былъ встрѣченъ старшимъ офицеромъ, который немедля провелъ меня къ капитану. Войдя въ уютное командирское помѣщеніе я былъ любезно принятъ высокимъ старикомъ съ сѣдыми шевелюрой и бородкой, съ открытымъ и мужественнымъ, бронзовымъ отъ загара лицомъ. Произнося обычную фразу представленія, я доложилъ, что при-

сланъ въ его распоряженіе штабомъ флота и спросилъ его — не имѣетъ ли онъ въ чемъ-нибудь нужду.

Старикъ капитанъ усадилъ меня въ комфортабельное кресло и сказалъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается, кромѣ прѣсной воды, которую просилъ прислать ему на слѣдующій же день утромъ. Затѣмъ спросилъ меня, не желаю ли я поселиться у него на крейсерѣ. Я отвѣтилъ, что если онъ не находитъ это совершенно необходимымъ, то я предпочелъ бы оставаться жить на своемъ пароходѣ въ гавани, гдѣ онъ, въ любой моментъ, можетъ меня найти, и, что я буду являться къ нему каждое утро для полученія инструкцій на день. Онъ, сразу же, и, какъ мнѣ казалось, очень охотно согласился на такую комбинацію, послѣ чего разговоръ перешелъ уже на общія темы.

Каждое утро, къ подъему флага, я пріѣзжалъ на крейсеръ, освѣдомлялся о его нуждахъ и возвращался къ себѣ. Французы были неизмѣнно любезны но... и только. Странное дѣло: у меня какъ-то сразу исчезло то пасхальное настроеніе, которымъ я былъ переполненъ послѣ перваго извѣстія о приходѣ союзниковъ. Я не могъ пожаловаться ни на что, но... я не чувствовалъ въ нихъ союзниковъ. Это чувство какого-то отчужденія, зародившееся при первой же встрѣчѣ съ союзниками, не только не проходило, но съ каждымъ днемъ лишь увеличивалось, и дошло до того, что я, въ концѣ концовъ, сталъ даже тяготиться своей, очень не обременительной ролью офицера связи.

Между тѣмъ событія развивались быстрымъ темпомъ, преподнося намъ, одну за другой, сенсаціи, которыя, на этотъ разъ, отнюдь не могли быть относимы къ разряду отрадныхъ. Если крушеніе центральныхъ державъ принесло бурную радость Одессѣ, нельзя было того же сказать про многострадальный Кіевъ. Еще до ухода изъ Кіева германскихъ войскъ, на Украинѣ появился у Гетмана соперникъ на власть, какой-то, мало кому извѣстный Петлюра. Личность эта была выброшена на поверхность самимъ ходомъ событій, и не появись Петлюра, появился бы кто-нибудь другой, чтобы объединить недовольныхъ украинскихъ мужиковъ и наловить рыбки въ мутной водѣ. Вкусившіе уже сладость

безудержныхъ свободъ, мужики вдругъ попали въ ежевыя рукавицы нуждавшихся въ хлѣбѣ германцевъ и, естественно, возненавидѣли ихъ лютой ненавистью. Пораженіе Германіи, и какъ слѣдствіе его — развалъ германской арміи и молніеносная эвакуація Кіева—и гетманская Украина «приказала долго жить». И вотъ, на Кіевскихъ улицахъ появились уже настоящіе чубы и жупаны и, брошенный на произволъ судьбы, единственный вѣрный оплотъ Гетмана, слабый офицерскій отрядъ генерала К-ва, послѣ безнадежной, отчаянной обороны Кіева, бросаетъ оружіе и загнанный въ Кіевскій музей, ожидаетъ рѣшенія своей участи. А отдѣльныя мелкія группы этого отряда, гонимыя озлобленнымъ врагомъ, разсѣиваются по громадному городу, вылавливаются всадниками въ какой-то доисторической формѣ, говорящими на полу-русскомъ языкѣ и зарубливаются тутъ же на мѣстѣ кривыми, гайдамацкими саблями.

Вскорѣ и мнѣ довелось увидѣть чубы и жупаны на улицахъ Одессы: петлюровцы, взявъ Кіевъ, пошли на Одессу и, въ началѣ декабря, вошли въ городъ.

Что въ это время творилось въ городѣ и краѣ — я рѣшительно отказываюсь понимать. Въ городѣ, для его защиты отъ мало чѣмъ отличавшихся отъ большевиковъ петлюровцевъ, кромѣ упомянутой уже какой-то польской части, организовались офицерскіе отряды. Наскоро сколоченныя, немногочисленныя офицерскія части, конечно не могли удержать городъ до обѣщаннаго прихода французскихъ войскъ и, подъ нажимомъ петлюровскихъ куреней, отходили все дальше вглубь города, поливая его улицы своей кровью, и наконецъ оказались прижатыми почти къ самому порту.

Въ это время на рейдѣ уже стояла довольно внушительная сила французскихъ военныхъ кораблей, которые свезли на берегъ кое-какой десантъ. Но этотъ десантъ получилъ лишь заданіе — охранять территорію порта.

На томъ пароходѣ, на которомъ я жилъ, ошвартованномъ у самого основанія мола, расположился одинъ изъ отрядовъ французскихъ моряковъ. Онъ вырылъ, тутъ же, на улицѣ, неподалеку отъ мѣста стоянки парохода, окопчикъ, и, связавшись съ кѣмъ-то телефономъ, отъ времени до вре-

мени, когда въ городѣ, поблизости отъ порта, усиливался ружейный и пулеметный огонь, выскакивалъ по тревогѣ и занималъ этотъ окопчикъ.

Такъ продолжалось цѣлый день, пока, наконецъ, не получено было извѣстіе, что съ петлюровскимъ командованіемъ заключено перемиріе, согласно которому проведена демаркаціонная линія, если не ошибаюсь, по Дерибасовской улицѣ. Районъ къ порту отъ этой линіи и вся территорія порта стали зоной союзнической, петлюровцы же заняли остальную часть города. Вдоль этой линіи и на перекресткахъ улицъ, ведущихъ въ портъ, стали пикеты обѣихъ воюющихъ сторонъ, т. е. петлюровцевъ и русскаго офицерскаго отряда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ пулеметами.

Когда мы получили объ этомъ извѣстіе, я отправился посмотрѣть вблизи на этотъ новый продуктъ революціи — петлюровцевъ. Наконецъ-то, я увидѣлъ воочію всѣ малороссійскіе атрибуты — жупаны, высокія смушковыя шапки, кривыя сабли (и откуда только они ихъ раздобыли?) и т. д. Чисто опереточный видъ этихъ молодцовъ портили лишь навѣшанныя на многихъ изъ нихъ пулеметныя ленты, да современныя винтовки въ ихъ рукахъ.

Въ это-то смутное время Одесса вдругъ заговорила о какомъ-то Эно, якобы французскомъ консулѣ, снабженномъ союзнымъ командованіемъ огромными полномочіями. Молва передавала, что онъ ведетъ переговоры съ самимъ Петлюрой о разграниченіи зонъ — петлюровской и союзнической, что демаркаціонная линія пройдетъ черезъ какую-то желѣзнодорожную станцію между Кіевомъ и Одессой и, наконецъ, что этотъ самый Эно якобы выѣхалъ для переговоровъ въ Кіевъ: французамъ нуженъ былъ плацдармъ для развертыванія ожидающихся со дня на день прибытія союзническихъ войскъ для занятія ихъ, затѣмъ похода на большевиковъ.

Въ этотъ же періодъ времени я впервые увидѣлъ добровольца Деникинской Арміи. Это былъ лейтенантъ Т., пришедшій въ Одессу изъ Новороссійска на маленькомъ и старенькомъ транспортѣ за какимъ-то снаряженіемъ.

Съ лицомъ, заросшимъ бородой, съ угломъ изъ національныхъ цвѣтовъ ленточекъ на рукавѣ матросской фланелевки, на плечахъ которой были нашиты старые лейтенантскіе погоны, онъ показался мнѣ человѣкомъ изъ какого-то другого міра.

Я впервые услышалъ отъ живого свидѣтеля о томъ, что творилось и творится на Кубани и въ другомъ углу Чернаго моря, и меня неудержимо потянуло прочь отъ спекулянтско-союзнической Одессы, отъ жовто-блакитныхъ флаговъ, отъ жупановъ и украинской мовы. Добровольческая армія переживала въ то время еще свой первый, романтическій періодъ своего существованія, когда бѣлое движеніе было дѣйствительно безукоризненно бѣлымъ и жертвеннымъ въ самомъ прямомъ и красивомъ значеніи этого слова.

Колебанія мои были не долги и, явившись къ контръ-адмиралу В., я просилъ отпустить мою душу на покаяніе. Милѣйшій В. не сталъ меня удерживать и, съ первымъ же ушедшимъ изъ Одессы пароходомъ я плылъ уже въ обратномъ направленіи. Мой планъ былъ, тронуться на Кубань или Донъ, въ зависимости отъ того, какъ сложатся обстоятельства.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Екатеринодарѣ и въ Новороссійскѣ, кап. 2 р. князь Тумановъ возвратился въ Севастополь. Онъ вспоминаетъ:

Къ моменту моего пріѣзда въ Севастополь, въ Штабѣ Командующаго Флотомъ шла лихорадочная работа по организаціи двухъ рѣчныхъ флотилій: 1-й для Дона и 2-й для Днѣпра, Буга и Днѣстра. Мое вниманіе и было направлено, главнымъ образомъ, на эти формированія. По пословицѣ — «На ловца и звѣрь бѣжитъ», судьба столкнула меня на первыхъ же порахъ моего пребыванія въ Севастополѣ съ кап. 2 р. В. Онъ только что былъ назначенъ Начальникомъ 2-го рѣчного отряда и приступалъ къ набору ядра своей флотиліи. Когда онъ спросилъ меня, не захотѣлъ бы я пой-

ти къ нему флагъ-капитаномъ, я колебался не долго и охотно принялъ это предложеніе.

«Команды мы будемъ набирать въ Одессѣ, — говорилъ мнѣ В. — тамъ же будетъ наша штабъ-квартира, а здѣсь, я уже набралъ нѣсколько офицеровъ, народъ испытанный, большинство мои же подводники. Плавучихъ средствъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, въ Одессѣ болѣе чѣмъ достаточно».

Въ скоромъ времени, приказомъ по флоту, я былъ назначенъ флагъ-капитаномъ флотиліи. Работа у насъ закипѣла дружно и въ полномъ согласіи. Мы совершенно одинаково смотрѣли на вещи и понимали другъ-друга съ полуслова.

Формированіе основного кадра флотиліи шло у насъ быстро и безъ особенныхъ затрудненій, ибо безработныхъ офицеровъ во флотѣ въ то время было не мало. Одно время, намъ встрѣтилось лишь затрудненіе въ подысканіи подходящаго лица для занятія должности помощника начальника флотиліи по хозяйственной части. Должность эта требовала большого доку въ хозяйственныхъ дѣлахъ, ибо флотилія должна была представлять цѣлый маленькій флотъ съ очень сложнымъ и немалоцѣннымъ хозяйствомъ. Но и этотъ вопросъ разрѣшился въ концѣ-концовъ какъ нельзя лучше, послѣ того какъ В. удалось уговорить принять эту должность бывшаго помощника Капитана надъ Севастопольскимъ портомъ, капитана 1 ранга Д. — большого мастера по части хозяйственной, всякаго рода отчетности и бухгалтерскихъ тонкостей. Онъ былъ старый морякъ, съ бѣлой какъ снѣгъ головой и нѣсколько ворчливымъ и раздражительнымъ характеромъ.

Наконецъ, въ Севастополѣ всѣ дѣла были покончены и, въ началѣ марта мы переѣхали въ Одессу.

Одесса, съ виду, мало измѣнилась за три мѣсяца моего отсутствія. Исчезли лишь жовто-блакитные флаги, какъ будто еще болѣе прибавилось народа въ Лондонской гостиницѣ, у Фанкони и Робина, да чуть поспокойнѣе стало по ночамъ и, хотя въ глухую ночь все еще пощелкивали выстрѣлы, то тутъ, то тамъ, но больше по окраинамъ, молодцы

Мишки-Япончика, видимо, временно присмирѣли и не рисковали соваться въ центръ.

Во главѣ русскихъ военныхъ формированій и вообще возглавителемъ русской власти въ Одессѣ былъ извѣстный генералъ Шварцъ, прославившійся во время войны талантливой обороной Ивангорода. Несмотря, однако, на престижъ его имени и на личное уваженіе, которымъ онъ пользовался у союзниковъ, фактическая власть въ краѣ и городѣ принадлежала всецѣло французскому военному командованію, возглавляемому генераломъ Д'Ансельмъ, начальникомъ штаба у котораго былъ полковникъ Фрейденбергъ.

Въ томъ, что въ городѣ хозяйничали не мы, а французы, мы убѣдились въ первый же день нашего туда пріѣзда, по отведенному нашему отряду помѣщенію — тѣсному и лишенному примитивныхъ удобствъ, причемъ мы были предупреждены, что и это помѣщеніе намъ дается лишь временно и что мы должны будемъ озаботиться прiисканіемъ себѣ другого, такъ какъ и то, что мы получили, у насъ будетъ отобрано.

Въ то время мы охотно мирились съ подобнымъ положеніемъ вещей и, по долгу гостепріимства, ничего не имѣли противъ того, чтобы французскія части располагались болѣе комфортабельно, нежели мы сами, памятуя главное, что они пришли бороться плечомъ къ плечу съ нами противъ большевиковъ, и спасти свою вѣрную союзницу и спасительницу — Россію изъ цѣпкихъ лапъ осѣдлавшихъ ее нѣмецкихъ наймитовъ. За твердое рѣшеніе французовъ довести это святое дѣло до конца говорило обиліе уже высаженныхъ, и продолжавшихъ высаживаться французскихъ и греческихъ войскъ, снабженныхъ послѣднимъ словомъ военной техники; за это же, наконецъ, говорило громкое имя Главнокомандующаго всѣми союзными войсками на югѣ Россіи маршала Франціи — Франше Д'Эсперэ.

Если бы намъ, въ то время, кто-нибудь сказалъ, что не пройдетъ и мѣсяца, какъ эти блестяще экипированныя войска, овѣянныя славой побѣдъ надъ лучшей въ мірѣ германской арміей, снабженныя чудесами техники, поддержанныя могучимъ флотомъ, предводимыя талантливѣйшимъ марша-

ломъ Франціи, отступятъ передъ оборванной и полуголодной сволочью, предводимой какимъ-то никому дотолѣ невѣдомымъ проходимцемъ Григорьевымъ и, бросая огромные запасы уже выгруженнаго снаряженія, въ три дня погрузятся на транспорты и бросятъ на разграбленіе этой сволочи весь югъ Россіи, — если бы намъ это предсказала сама M-me de Teb, мы бы, конечно, только разсмѣялись бы ей въ лицо.

Я, какъ и въ первый пріѣздъ въ этотъ городъ, нашелъ пріютъ на томъ же гостепріимномъ «Кубанцѣ», на кормовомъ флагштокѣ котораго, на этотъ разъ, развѣвался уже вмѣсто желто-голубого, нашъ старый, славный Андреевскій флагъ. «Кубанецъ» все еще находился въ ремонтѣ, и стоялъ довольно далеко, у какого-то завода. На этотъ разъ, это не представляло для меня большого неудобства, ибо я цѣлые дни проводилъ въ отрядѣ, возвращаясь на «Кубанецъ» только чтобы провести ночь.

Работа по формированію отряда закипѣла у насъ полнымъ ходомъ. В., лично знавшій генерала Шварца, неизмѣнно встрѣчалъ у него полное содѣйствіе во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, какъ въ вопросахъ комплектованія отряда личнымъ составомъ, такъ и въ снабженіи его матеріальной частью и денежными средствами.

Самымъ труднымъ дѣломъ было — разрѣшеніе вопроса о помѣщеніи. Насъ все время торопили съ очищеніемъ даннаго намъ временно дома, а другого все не подыскивалось, несмотря на то, что нѣсколько расторопныхъ офицеровъ отряда рыскали съ утра до ночи по городу и стучались во всевозможныя учрежденія, вѣдающія реквизиціонными вопросами и расквартированіемъ войскъ.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, одинъ изъ нашихъ посланцевъ явился съ радостнымъ извѣстіемъ, что помѣщеніе найдено, свободно и въ любой моментъ можетъ быть нами занято. Пріисканное имъ помѣщеніе оказалось... «семейными» банями Макаревича, занимавшими цѣлое двухъ или даже трехэтажное зданіе, почему то, въ то время бездѣйствовавшими. Осмотрѣвъ этотъ домъ, мы, послѣ недолгихъ колебаній, санкціонировали переходъ отряда въ это оригинальное для воинской части помѣщеніе.

Они имѣли даже два крупныхъ преимущества: находились внизу, у самаго порта и, — занявъ ихъ, мы могли быть спокойными, что насъ тамъ никто не потревожитъ и на нихъ не позарится ни одна, даже самая захудалая, французская часть.

Въ нижнемъ этажѣ, гдѣ нѣкогда помѣщались раздѣвалки и общія бани, размѣстился отрядъ. Этажемъ выше, въ отдѣльныхъ кабинахъ уже чисто «семейнаго» отдѣленія бань, размѣстилось начальство и хозяйственная часть флотиліи. Въ этихъ «семейныхъ» номерахъ, всѣ стѣны были расписаны маслеными красками какимъ-то доморощеннымъ художникомъ, причемъ темы этой росписи были болѣе чѣмъ фривольныя. Лейтъ-мотивомъ, конечно, была голая женщина, съ такими пышными и закругленными формами, что можно было подумать, что изображавшій ихъ художникъ полагалъ, что главным инструментомъ живописца является не столько кисть, сколько циркуль.

Зато въ этихъ кабинкахъ было одно незамѣнимое удобство: высокія, мраморныя ванны замѣнили намъ столы. Поверхъ ваннъ клались гладко соструганныя доски и — столъ былъ готовъ. Правда некуда было просунуть ноги, и писать приходилось бокомъ, но — это было уже полбѣды.

Работа въ баняхъ Макаревича пошла уже безъ всякой помѣхи. Въ порту спѣшно ремонтировались быстроходные катера и иныя плавучія средства для нашей флотиліи и первый отрядъ ея готовился не сегодня-завтра идти въ Днѣпръ, какъ въ Одессѣ, вдругъ, грянулъ громъ среди яснаго неба.

Въ одинъ прескверный вечеръ, по городу, съ быстротой пантофельной почты разнесся слухъ — «союзники уходятъ». Начальникъ отряда немедленно отправился въ штабъ генерала Шварца и, вернувшись оттуда, привезъ подтвержденіе этого сенсаціоннаго извѣстія и приказаніе нашему отряду — выслать къ Очакову наши боеспособныя суда, чтобы поддержать правый флангъ грековъ, разбитыхъ большевиками и, въ безпорядкѣ отходившихъ къ Одессѣ. Начальникъ одного изъ сформированыхъ уже отрядовъ нашей флотиліи, лихой старшій лейтенантъ Х., на разсвѣтѣ слѣ-

дующаго дня, вышелъ по назначенію. Самому отряду приказано было готовиться оставить Одессу, причемъ французы на эвакуацію давали намъ всего три дня сроку.

Одесса — сразу стала походить на потревоженный муравейникъ. Заметались въ паникѣ буржуи, запасаясь валютой, паспортами и разрѣшеніями на выѣздъ на томъ или другомъ пароходѣ. Безконечной вереницей потянулись по городу къ порту великолѣпно экипированныя французскія войска, и погружались на огромные транспорты, которые, одинъ за другимъ, покидали портъ, уступая мѣсто приходившимъ имъ на смѣну новымъ гигантамъ. Подняли вновь головы Мишки-Япончики и, по ночамъ вновь загремѣли выстрѣлы. Уже на второй день по объявленіи эвакуаціи, офицерамъ стало уже не безопасно показываться на улицахъ даже въ центрѣ города. Въ центральныхъ частяхъ города то тутъ, то тамъ, въ особенности по вечерамъ, стали появляться кучки весьма подозрительныхъ фигуръ въ отрепьяхъ и кепкахъ, что-то живо между собой обсуждавшихъ, но неизмѣнно смолкавшихъ при проходѣ мимо нихъ офицера, котораго они провожали злобнымъ взглядомъ, лучше всякихъ словъ говорившимъ о клокотавшихъ въ ихъ груди чувствахъ къ этимъ «врагамъ народа» и «золотопогонникамъ».

Генераломъ Шварцемъ было отдано распоряженіе объ истребованіи изъ казначейства воинскими частями, эвакуировавшимися изъ Одессы, эвакуаціоннаго пособія, въ размѣрѣ 6-мѣсячнаго оклада содержанія чиновъ. Когда, вооруженные до зубовъ чины отряда привезли изъ казначейства въ нѣсколькихъ мѣшкахъ это богатство, и внесли его въ роскошный кабинетъ нашего казначея, онъ прямо утонулъ въ карбованцахъ. Въ его кабинетѣ творилось столпотвореніе вавилонское: писаря запаковывали въ ящики и матросскіе чемоданы дѣла, отчетности и кучу всякаго, никому ненужнаго бумажнаго хлама; казначей, съ взъерошенными сѣдыми волосами сидѣлъ надъ ванной, покрытой досками и шелестѣлъ сѣро-голубыми, хрустящими новенькими карбованцами, отсчитывая тысячами щедрое эвакуаціонное пособіе и крича отъ времени до времени истошнымъ крикомъ на напиравшихъ на него чиновъ отряда:

— «Прошу соблюдать порядокъ и очередь! Господа, такъ нельзя! Если вы будете напирать, я прекращу выдачу! Прошу осадить назадъ и лишнимъ выйти!..»

Послѣднюю ночь передъ эвакуаціей я провелъ въ отрядѣ. Надо было быть на-чеку, ибо положеніе въ городѣ сильно напоминало таковое четыре мѣсяца тому назадъ, при наступленіи петлюровскихъ молодцовъ. Чернь наглѣла съ каждой минутой и открыто нападала на одиночныхъ офицеровъ даже въ центрѣ города.

Рано утромъ я отправился на «Кубанецъ», чтобы собрать свои вещи, такъ какъ подходилъ часъ погрузки на назначенный намъ французскій пароходъ «Caucase». На «Кубанцѣ» я засталъ также предотъѣздную суету, хотя и болѣе спокойную, нежели у насъ, въ отрядѣ. На палубѣ, въ каютъ-компаніи, въ коридорахъ, повсюду — были навалены сундуки, ящики, корзины, провизія. Машины его были еще неисправны, и онъ ожидалъ прихода буксира, который долженъ былъ вывести его на рейдъ.

Сборы мои были недолги. Быстро собравъ свои вещи, я переодѣлся въ штатскій костюмъ и, простившись съ гостепріимными хозяевами, тронулся въ обратный путь, въ сопровожденіи вѣстового, несшаго мой багажъ. Но вотъ, слава Богу, я снова у себя въ отрядѣ. Послѣдній, прощальный взглядъ на толстозадыхъ красавицъ, равнодушно взиравшихъ съ банныхъ стѣнъ на нашъ исходъ, и мы тронулись. У ближайшаго мола пыхтѣлъ небольшой портовый буксиръ-ледоколъ съ нѣжнымъ названіемъ «Ледокольчикъ», укомплектованный нашей же командой. На набережной — густая толпа несчастныхъ одесситовъ, бѣгущихъ отъ грядущаго, жаднаго на кровь и чужое добро — хама, и жаждующихъ попасть на одинъ изъ отходившихъ пароходовъ. Мы съ трудомъ протискиваемся сквозь кашу изъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, сундуковъ, чемодановъ, корзинъ, ящиковъ и бауловъ, и подъ взорами сотенъ направленныхъ на насъ глазъ, начинаемъ грузиться на «Ледокольчикъ». Какъ не похожи были эти взоры на тѣ, подъ которыми я проходилъ какихъ-нибудь полчаса назадъ! Тамъ — ненависть, злоба, торжество побѣдителя, здѣсь — горечь побѣжденнаго, ра-

стеряность, мольба, зависть и животный страхъ. Увидавъ, что отрядъ нашъ садится на пароходикъ, стоявшая до этого молча, толпа вдругъ ринулась вслѣдъ за нами и одновременно, съ разныхъ сторонъ, послышались голоса:

— «Позвольте и намъ!.. Разрѣшите... У меня есть пропускъ отъ французскаго командованія... умоляю!..»

Нѣсколько шустрыхъ мужчинъ въ котелкахъ спрыгнули на палубу «Ледокольчика». Отовсюду тянулись руки, протягивались какія-то удостовѣренія...

В. приказалъ котелкамъ немедленно вылѣзти обратно и, послѣ того какъ они, весьма неохотно, бормоча что-то себѣ подъ носъ о насиліи, эгоизмѣ и безчеловѣчности, оставили палубу «Ледокольчика», В. обратился къ толпѣ и, громкимъ голосомъ, чтобы его могло слышать большинство изъ толпившейся публики, сказалъ:

— «Я не имѣю права взять съ собой сейчасъ никого, потому-что мы грузимся не на русскій, а на французскій корабль. Но тамъ я увижу генерала Шварца и, обѣщаю вамъ доложить ему, что вы здѣсь ожидаете, и я увѣренъ, онъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы вы здѣсь не остались. Поэтому не волнуйтесь, и спокойно ждите».

Слова эти, впрочемъ, мало кого успокоили и толпа продолжала напирать, мѣшая нашей погрузкѣ. Пришлось поставить вдоль набережной цѣпь, и только послѣ этого намъ удалось погрузиться безъ помѣхи. Маленькій «Ледокольчикъ» не могъ забрать сразу всего нашего отряда съ его имуществомъ, и часть его пришлось оставить на берегу, чтобы придти за нимъ вторично.

Наконецъ мы оторвались отъ берега и пошли на рейдъ, гдѣ стояла на якоряхъ разнообразнѣйшая флотилія русскихъ и иностранныхъ кораблей. Среди этихъ послѣднихъ выдѣлялся своими размѣрами огромный транспортъ подъ французскимъ флагомъ — «Caucase». Онъ былъ уже наполовину заполненъ разнокалибернымъ людомъ, когда начали грузиться на него и мы. Намъ отвели мѣсто въ носовомъ трюмѣ, который, какъ остальные этого парохода, приспособленнаго для перевозки войскъ, былъ крытъ досками и оборудованъ нарами въ два этажа на каждой палубѣ. Вы-

грузивъ нашу партію, «Ледокольчикъ» пошелъ за оставшимися на берегу и затѣмъ, весь день, непрерывно, перевозилъ уже частную публику, заручившуюся пропускомъ на этотъ пароходъ. Чины нашаго отряда работали до глубокой ночи перевозя людей, таская вещи, перенося дѣтей, помогая женщинамъ, распредѣляя мѣста въ трюмахъ. Французы ограничились лишь тѣмъ, что выставили къ трапу двухъ своихъ людей, провѣрявшихъ пропуски.

Передъ вечеромъ я видѣлъ, какъ буксиры выводили изъ гавани «Кубанца», отдавшаго затѣмъ на рейдѣ якорь, неподалеку отъ маленькой, изящной яхты «Лукуллъ», на которой находились высшіе русскіе морскіе чины.

Когда стемнѣло, на рейдѣ зажглись многочисленные огни стоявшей эскадры разнокалиберныхъ кораблей.

Этой ночью я долго стоялъ на палубѣ и смотрѣлъ на городъ, стараясь представить себѣ, что тамъ въ этотъ моментъ творилось. Онъ былъ погруженъ во мракъ: электрическая станція не работала. Громада темнаго города неясно вырисовывалась на фонѣ усѣяннаго звѣздами, бархатнаго, ночного неба. Какія-то военныя суда, ближе насъ стоявшія къ городу, водили прожекторами, выхватывая изъ мрака — то строенія набережной, то знаменитую одесскую лѣстницу, то ущелье ведущей вверхъ изъ порта улицы. Въ затихшемъ ночномъ воздухѣ глухо доносились изъ города звуки выстрѣловъ.

Поздней ночью «Caucase» снялся съ якоря и легъ курсомъ на Босфоръ.

Утромъ рано, послѣ суточнаго спокойнаго плаванія, мы подходили къ Босфору. Сколько воспоминаній, о такомъ еще недавнемъ и такихъ еще свѣжихъ, нахлынули на меня, когда по-носу «Caucase»'а открылся между высокими берегами завѣтный проходъ, и, изъ нихъ одно, особенно яркое, незабываемое: я — на мостикѣ моего «Живучаго», идущаго головнымъ небольшого отряда судовъ Черноморскаго флота. За мною — четыре пары тральщиковъ, а за ними — утюжатъ море два старика-ветерана, броненосцы «Три Святителя» и «Пантелеймонъ». Далеко сзади, въ морѣ, по кормѣ,

маячатъ на горизонтѣ, оберегая насъ отъ наскока могучаго «Гебена», трое другихъ славныхъ стариковъ-черноморовъ, бившихъ уже этого гиганта — «Евстафій», «Златоустъ» и «Ростиславъ». Тихое, ясное утро. По носу — вырисовываются въ туманной дымкѣ высокіе вражескіе берега. Вотъ они въ одномъ мѣстѣ разступаются и открываютъ ведущій въ завѣтную и таинственную даль проходъ. Передъ этимъ проходомъ что-то дымитъ. Впиваемся въ бинокли — турецкій сторожевой миноносецъ типа «Меллетъ». Идемъ прямо на него. Бравый Салюкъ — комендоръ носовой пушки уже зарядилъ ее и, задравъ высоко къ небу дуло, насколько только позволяютъ механизмы станка, смотритъ не отрываясь въ трубу оптическаго прицѣла, ожидая когда разстояніе позволитъ его командиру бросить ему короткое и лаконическое «огонь», а ему — спустить курокъ и послать турку русскій гостинецъ. Но ему не пришлось дождаться этой желанной команды: гдѣ-то сзади громыхнулъ залпъ, и содрогая воздухъ надъ нашей головой, прогудѣли два тяжелыхъ снаряда, пущенные изъ носовой башни «Пантелеймона». «Меллетъ» сильно задымилъ и поспѣшилъ убраться въ Босфоръ, пославъ намъ, нѣсколько разъ, привѣтъ изъ своей кормовой пушки.

Проходъ — все шире и шире; уже въ бинокль ясно видны очертанія береговъ перваго колѣна Босфора. Дальномѣръ показываетъ 60 кабельтовыхъ. Надъ головой, высоко въ небѣ, пролетаютъ наши гидропланы, спущенные съ остановившагося далеко позади насъ гидро-крейсера «Николай I», и направляющіеся къ турецкой столицѣ. Мы поворачиваемъ на курсъ параллельный берегу. За нами, описывая широкую циркуляцію, ложатся на новый курсъ тральщики. Вотъ, къ точкѣ поворота подошли и броненосцы, и черезъ нѣкоторое время мы всѣ лежимъ на новомъ, уже боевомъ курсѣ. На броненосцахъ — медленно, какъ-бы нехотя, повернулись башни съ высоко задранными пушками. На «Святителяхъ» взвился какой-то сигналъ и вслѣдъ за тѣмъ, изъ обоихъ дулъ видимыхъ отъ насъ носовыхъ 12-дюймовыхъ орудій точно выплеснуло яркимъ — даже днемъ — пламенемъ, и черезъ коротокій промежутокъ времени, воздухъ

дрогнулъ отъ русскаго залпа по босфорскимъ укрѣпленіямъ.

Картина этого яркаго апрѣльскаго утра какъ живая встала у меня въ памяти въ это яркое и тоже апрѣльское утро, когда я вылезъ изъ трюма французскаго парохода, и, далеко впереди, по носу, увидѣлъ завѣтный проходъ.

Босфоръ! Три года войны къ нему неизмѣнно были направлены всѣ наши помыслы. Въ немъ и только въ немъ мы видѣли весь смыслъ нашей тяжелой боевой работы, самого нашего существованія... И какъ близки были мы къ осуществленію этой мечты! Въ Одессѣ готовились уже транспорты и особыя баржи для предстоящей десантной операціи; формировался и концентрировался уже десантный корпусъ; въ Штабѣ Флота разрабатывались уже детали совмѣстной операціи флота и арміи; Турецкій флотъ, закупоренный окончательно въ Босфорѣ, не смѣлъ уже высовывать носа въ Черное море. Турція агонизировала...

Но вотъ пришла «свѣтлая и безкровная», со своимъ миромъ безъ анексій и контрибуцій, съ Керенскими, Черновыми, Чхеидзе и цѣлыми вагонами человѣческаго отребья, клейменнаго, какъ каиновой печатью, германской пломбой, и — судовая радіостанція, вмѣсто боевыхъ диспозицій и приказовъ, вмѣсто даваемыхъ къ пушкамъ разстоянія до Каваковъ, до Анатоли Хиссаръ, Румели Фанаръ и Стеніи,* стали принимать истерическіе вопли — «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ... граждане, спасайте революцію, революція въ опасности!..»

«Caucase» вошелъ въ темно-синія воды Босфора и сталъ на якорь у Кавака. Карантинъ. Пассажировъ, какъ послушное стадо барановъ, трюмъ за трюмомъ, стали выгружать въ подходившія баржи и отправлять на берегъ, гдѣ они должны были брать душъ и дезинфецировать свое бѣлье и платье. На берегу выстраивались длинныя очереди въ ожиданіи, когда ранѣе прибывшіе продѣлаютъ всѣ необходимыя операціи и освободятъ мѣсто. Отъ этихъ операцій не былъ освобожденъ никто — ни старъ ни младъ.

---

* Турецкіе форты. Стенія — стоянка «Гебена» въ Босфорѣ.

«Caucase» простоялъ въ Кавакѣ нѣсколько дней. На второй или третий день, съ моря пришелъ русскій транспортъ и сталъ недалеко отъ насъ на якорь. Разстояніе между пароходами позволяло переговариваться и между обоими судами сейчасъ же началось общеніе. Пароходъ этотъ принесъ намъ печальную вѣсть: Крымъ также оставленъ союзниками и занятъ большевиками. Транспортъ этотъ былъ изъ Севастополя.

Наконецъ, «Caucase» поднялъ якорь и пошелъ въ глубь Босфора. Мы уже знали, что въ Константинополѣ намъ высадиться не разрѣшатъ, и что высадка бѣженцевъ будетъ произведена на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, гдѣ союзники оборудовали для нихъ лагеря. Меня этотъ вопросъ интересовалъ очень мало, ибо я отнюдь не собирался поступать на иждивеніе союзниковъ, и твердо рѣшилъ, при первой же возможности, вернуться на тотъ клочекъ земли, гдѣ еще дралась Добровольческая армія.

Вотъ «Caucase» прошелъ уже Босфоръ, и не замедляя хода, сталъ склоняться влѣво, огибая Хайдаръ-Пашу и Кадыкей. Справа промелькнули острова Проти, Антигона, Халки и Принкипо. Куда же насъ везутъ? — недоумѣвалъ я. Но вотъ пароходъ сталъ склоняться влѣво, къ берегу, и у одного мѣстечка отдалъ, наконецъ, якорь.

Мѣстечко оказалось Тузлой. Тамъ былъ второй карантинъ, гдѣ надъ нами продѣлали ту-же операцію, что и нѣсколько дней назадъ въ Кавакѣ. Мы безропотно подчинились этой прихоти нашихъ благодѣтелей. Послѣ этого, уже вторичнаго купанія и дезинфекціи, пароходъ, на другой день, снялся съ якоря и на этотъ разъ сталъ у острова Халки. Трюмная жизнь кончилась.

На берегу намъ предоставлена была относительная свобода. Желающіе могли нанимать себѣ, если у нихъ на то были средства, собственныя помѣщенія и селиться гдѣ угодно на этомъ островѣ. Нашему отряду былъ отведенъ какой-то полуразрушенный турецкій домъ, гдѣ наша холостая молодежь и размѣстилась съ грѣхомъ пополамъ. Мы съ В. подыскали неподалеку отъ отряда небольшую квартиру въ греческомъ домѣ. Питались мы обычно въ отрядѣ, который

получалъ, какъ и всѣ бѣженцы, отъ союзниковъ, прекрасную и обильную провизію натурой, изъ которой, при отрядѣ же, готовился обѣдъ и ужинъ.

Какъ-то незамѣтно подошли пасхальные праздники. Бѣженцы отслушали Свѣтлую Заутреню въ Халкинской греческой семинаріи и разговѣлись чѣмъ Богъ послалъ.

На Святой, Штабъ генерала Шварца, служившій исполнительнымъ органомъ союзнаго командованія и передатчикомъ распоряженій, касающихся бѣженцевъ, увѣдомилъ, что желающіе вернуться въ Россію должны приготовиться къ извѣстному дню для посадки на пароходъ «La Navarre», идущій въ Новороссійскъ. Желающихъ оказалось немного. Въ большинствѣ это были одиночные офицеры; частную же публику, вырвавшуюся изъ краснаго ада подъ благословенное небо Принцевыхъ острововъ, въ это время нельзя было бы заманить туда обратно никакими калачами. Въ защиту ихъ нужно сказать, что имъ, дѣйствительно, нечего было дѣлать на томъ, вновь небольшомъ клочкѣ земли, гдѣ дралась Добровольческая Армія.

Въ назначенный день, противъ острова Халки сталъ на якорь огромнѣйшій «La Navarre». Я простился съ моими спутниками и сослуживцами и направился къ порту.

Условія нашего плаванія на «La Navarre» существенно отличались отъ таковыхъ на «Caucase». Тамъ были бѣженцы, бѣгущіе безъ оглядки неизвѣстно куда и неизвѣстно на что; здѣсь — мы были пассажирами, и даже офицерами; тамъ — насъ запихивали въ трюмъ, здѣсь намъ были отведены каюты; тамъ — на нарахъ, въ трюмахъ, въ перемѣшку, съ подозрительными фигурами, говорящими на анекдотическомъ русскомъ языкѣ о куплѣ и продажѣ, располагались русскіе старики-генералы и тайные совѣтники, становившіеся въ очередь съ миской или банкой отъ консервовъ для полученія похлебки изъ бобовъ и корнъ-бифа; здѣсь, когда въ числѣ пассажировъ прибылъ возвращающійся изъ командировки въ Парижъ контръ-адмиралъ Б., его встрѣтилъ капитанъ парохода и, отведя ему одну изъ лучшихъ каютъ, величалъ его — mon amiral.

Кромѣ адмирала Б., съ которымъ неожиданно свела меня судьба, на пароходѣ «La Navarre» я встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ лицъ. Весь путь, до самаго Новороссійска, я, полковникъ А. и еще два или три пассажира развлекались игрой въ бриджъ.

Въ одно сверкающее весеннее утро, пароходъ «La Navarre» вошелъ въ Новороссійскій портъ...

Д. И. Астафьевъ

КАСПІЙСКАЯ ФЛОТИЛІЯ

Всё вышеизложенное составлено на основаніи записокъ скончавшагося въ 1955 году, ослѣпнувшаго на 18 послѣднихъ лѣтъ его жизни, мичмана Витольда Цезаревича Вояковскаго, выпуска 1916 года изъ Гардемаринскихъ Классовъ. Составлялъ онъ ихъ по свѣжей памяти, въ двадцатыхъ годахъ находясь въ Персіи. Съ тѣхъ поръ, хранившіяся въ подвалѣ записки были изъѣдены крысами и съ трудомъ были возстановлены Д. И. Астафьевымъ, коему найденныя послѣ смерти В. Ц. Вояковскаго его вдовой, они были подарены на память.

При оригиналѣ записокъ находилось «Постановленіе Революціоннаго Военно-Морского Трибунала Каспійскаго Флота отъ 19 ноября 1920 года «объ осужденіи Вояковскаго на пять лѣтъ тюремнаго заключенія и по случаю амнистіи — отправки взамѣнъ наказанія въ распоряженіе Штаба Каспійскаго Флота».

Вмѣсто того, произошло и еще одно измѣненіе: Вояковскій бѣжалъ въ Персію...

Февральскія революціонныя событія въ Петроградѣ мало отразились на жизни Каспійской Флотиліи, она продолжала попрежнему нести службу по охранѣ южнаго побережья моря, какъ при Императорскомъ правительствѣ.

Стаціонерство, очередной ремонтъ, происходили нормальнымъ порядкомъ. Тѣ же офицеры, прежняя дисциплина, отданіе чести при встрѣчѣ на улицѣ, или при служебномъ обращеніи матросовъ къ нимъ, оставались безъ измѣненія.

Распоряженіе объ образованіи комитетовъ среди командъ кораблей было понято и примѣняемо только къ хозяйственнымъ вопросамъ судовой жизни, чему офицеры не только не препятствовали, но привѣтствовали, ибо вопросы кормленія команды всегда были скорѣе пунктомъ преткновенія для ревизоровъ изъ мичмановъ или молодыхъ лейтенантовъ.

Къ приказу о замѣнѣ офицерскихъ погонъ «бубликами» демократа Керенскаго, произошло при полномъ безразличіи какъ офицеровъ, такъ и командъ. Никакихъ «тонкихъ» замѣчаній адвоката Н. Д. Соколова, автора «Приказа № 1», что «золото носимое на погонахъ выступило на рукавахъ» этого «пролетарія», что зарабатывая гонорарами 12 тысячъ рублей въ годъ, хвастался дамскому окруженію, что онъ, молъ, «костюмовъ для города... никогда не носитъ, такъ какъ сюртукъ для судебнаго присутствія замѣняетъ вечернимъ фракомъ...», до Каспія не доходило. Вся «освободительная» пропаганда кружковъ «министровъ» Временнаго Правительства, а передъ тѣмъ разрушителей морали матросовъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, Аарона Кирбисъ-Керенскаго и Лебедева, въ теченіе десятка лѣтъ безплатныхъ — что уже совсѣмъ глупо! — служителей Ленина, Каспійской Флотиліи вниманія не удѣлялось.

Нѣмцы были много предусмотрительнѣе: какъ только началась Первая Міровая война, черезъ Константинополь, еще нейтральный, посыпались щедроты Германскаго Императора Вильгельма, черезъ его имперскаго посла въ Турціи барона фонъ Вагенгеймъ, субсидіи на сепаратистское движеніе народностей Кавказа. За ничтожное вознагражденіе «освобождалъ» Грузію отъ русскаго ига князь Мачабелли. Съ 1915 года начиная, Каспійской Флотиліи было вмѣнено въ обязанность удѣлять вниманіе измѣнническимъ тенденціямъ на Кавказѣ, такъ же какъ Командующему Балтійскимъ Флотомъ быть насторожѣ съ германофильствомъ въ Финляндіи.

Извѣстія изъ «Краснаго Питера» были угнѣтающими для командного состава. Насколько возможно принимались

мѣры сохранять свои команды безъ пополненій изъ Балтійскаго Флота, уже зараженнаго большевизмомъ.

До октябрьскаго переворота въ Петроградѣ, а затѣмъ и въ Москвѣ, укомплектованная волжскими рыбаками Каспійская Флотилія была болѣе благонадежной чѣмъ члены Временнаго Правительства сами. Мало того, когда находящаяся въ Петроградѣ въ моментъ переворота делегація отъ Каспійской Флотиліи заявила, что она совѣтской власти не признаетъ, она была цѣликомъ арестована. Ее освободили только въ январѣ 1918 года, когда вернувшись на корабли находящіеся въ Баку она сдѣлала докладъ о происшедшемъ. Центральный Комитетъ Флотиліи призналъ дѣйствія делегатовъ правильными, намѣренія Ленина заключить съ нѣмцами сепаратный миръ — преступными. Бакинскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ потребовалъ общаго собранія матросовъ и рабочихъ въ казармахъ Каспійской Флотской роты. Всѣ команды судовъ Флотиліи высказались противъ совѣтской власти, за нее голосовала лишь сама Каспійская рота и, подъ вліяніемъ офицерства, ее удалось расформировать и снова она начала существовать при временной диктатурѣ «Центрокаспія», послѣ сверженія въ Баку совѣтской власти позднѣе.

Пока-что, первая демонстрація съ лозунгами «вся власть совѣтамъ» прошла въ Баку безъ участія въ ней командъ съ кораблей Флотиліи. Только тогда забезпокоились въ Кремлѣ и оттуда былъ присланъ чрезвычайный комиссаръ по дѣламъ Кавказа, товарищъ Шаумянъ. Послѣдній образовалъ «Чрезвычайную Комиссію» по образцу Чека Ленина-Дзержинскаго въ Петроградѣ и Москвѣ.

Эта комиссія приступила къ фильтрованію офицеровъ и матросовъ, «пшеницы отъ плевела», разумѣя подъ пшеницей тѣхъ, кто заявятъ о признаніи совѣтской власти и представятъ о томъ доказательства. И даже несмотря на всѣ эти усилія коммунистовъ съ Шаумяномъ во главѣ, флотилія вела свою жизнь.

Къ марту 1918 года, для укрѣпленія Совѣтской власти, Кремль организовалъ армяно-татарскую рѣзню. Флотилія приняла сторону армянъ и прекратила ихъ избіеніе. Въ то

время во главѣ Флотиліи и Бакинскаго порта находился Командиръ, съ придачей ему комиссара, въ управленіе дѣлами не вмѣшивающагося. Во главѣ отдѣловъ находились тоже офицеры, и тоже съ комиссарами не игравшими никакой роли. Отъ Совнаркома такой аппаратъ зависимости не имѣлъ. Большевиковъ-матросовъ удавалось списывать на берегъ, а для избѣжанія пропаганды изъ Балтики, корабли отсылались къ Персидскимъ берегамъ.

Стаціонеромъ въ Энзели стояла канонерская лодка «Ардаганъ». Когда хлынувшіе изъ Персіи дезертиры намѣревались взорвать находившіеся тамъ склады артиллерійскаго снабженія для фронта и поджечь баки съ бензиномъ, «Ардаганъ» навелъ свои орудія на подходы къ нимъ и «христолюбивое воинство» или — скрылось въ камыши вблизи персидской части города, или — приступило къ миролюбивому занятію рыбной ловлей и торговлей...

Посылаемыя еще при Временномъ правительствѣ пополненія для 1-го Кавказскаго Кавалерійскаго Корпуса дальше Энзели не шли: здѣсь ихъ улавливали солдаты автороты и задерживали, пропагандируя конецъ войны «имперіалистической» и начала гражданской войны, въ точности по указкѣ еще прятавшагося тогда въ Финляндіи товарища Ленина. «Ардаганъ» не поддавался тогда еще пропагандѣ большевиковъ, до такой степени была его команда здорова, что для примѣра можно привести ея спасеніе отъ самосуда подпоручика Мартова, требовавшаго отъ своей роты солдатъ посылаемыхъ на фронтъ въ сѣверной Персіи выполненіе приказа.

Событія марта 1918 года вызвали на Флотиліи намѣреніе уйти въ Астрахань, оставить тамъ суда и всѣмъ разойтись по домамъ. Но противъ этого былъ протестъ офицерства, что своимъ уходомъ Флотилія способствовала бы утвержденію въ Баку совѣтской власти, отпаденію народовъ Кавказа отъ Россіи, а главнымъ доводомъ было то, что несмотря на подписанный Ленинымъ и Троцкимъ Брестъ-Литовскій миръ, турецко-германскія войска продолжали продвиженіе на Кавказѣ.

Самымъ труднымъ вопросомъ былъ финансовый. Временное правительство ассигновало нужныя суммы для существованія Флотиліи и дало распоряженіе о переводѣ денегъ въ соотвѣтствующее казначейство, гдѣ эти деньги никогда не были получены! Это былъ типичный актъ приказовъ безъ приведенія ихъ въ исполненіе.

За 800 съ лишнимъ тысячъ рублей Флотилія продала съ аукціона пароходъ «Генералъ Куропаткинъ», но этой суммы безъ обращенія къ представителямъ совѣтской власти хватило ненадолго. Ссылаясь на гдѣ-то исчезнувшія ассигновки Временнаго правительства, Флотилія дѣлала займы у частныхъ лицъ и ассоціацій, но вскорѣ были исчерпаны и эти кредиты.

Въ то же время не оставались въ бездѣйствіи и турки. Они вели пропаганду среди мусульманъ о созданіи независимой Азербайджанской республики, съ отложеніемъ ея отъ Россіи. Объ этомъ уже въ маѣ мѣсяцѣ открыто говорили повсюду, но совѣтскіе комиссары оставались къ слухамъ безразличными. Имѣли ли они директивы секретнаго характера сдать Баку туркамъ, или нѣтъ, населеніе не знало, такъ же какъ не знала и Флотилія. Однако, тайныя организаціи стали рости съ намѣреніемъ сбросить Советскую власть и остановить продвиженіе турокъ, которыхъ Грузія обязалась пропустить на Сѣверный Кавказъ безпрепятственно. Турецкія войска изъ бывшей Галлиполійской арміи, съ прекраснымъ техническимъ вооруженіемъ, не встрѣчая никакого сопротивленія продолжали наступленіе. Народные комиссары не приняли никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для остановки этого продвиженія. Нѣсколько «Красныхъ батальоновъ» было сформировано изъ людей совершенно необученныхъ строю, шедшихъ въ нихъ только изъ-за голода. Эти батальоны были все же направлены противъ турокъ, которыми у Геогчайскихъ высотъ они были разбиты и обращены въ бѣгство. Теперь дорога турокъ на Баку была открыта.

Офицеры Каспійской Флотиліи получили свѣдѣнія, что въ Персіи существуетъ вполнѣ дисциплинированный отрядъ Войскового Старшины Бичерахова. На этомъ отрядѣ стро-

ились всѣ надежды и было рѣшено такъ или иначе перевезти его въ Баку. Матросы флотиліи были возмущены тѣмъ, что въ дополненіе къ Брестъ-Литовскому миру видимо было условлено большевистскими властями съ нѣмцами, передать Баку туркамъ. Чѣмъ же еще иначе можно было объяснить полное безучастіе комиссаровъ въ защитѣ Баку и отсутствіе хоть какой-либо помощи изъ Центральной Россіи?

Бичераховъ, разбивъ персидскаго повстанца Кучукъ Хана у селенія Менджи, пробился къ Энзели. Узнавъ о томъ, Флотилія, при поддержкѣ всего населенія, потребовала отъ комиссаровъ согласія не препятствовать прибытію отряда Бичерахова въ Баку и по полученіи его, канонерская лодка «Ардаганъ» съ пароходами была послана въ Энзели за Бичераховымъ. По прибытіи своемъ туда, «Ардаганомъ» былъ поднятъ флагъ съ надписью: «Да здравствуетъ Бичераховъ, долой народныхъ комиссаровъ». Отрядъ Бичерахова былъ перевезенъ въ мѣстечко Аляты, а оттуда — въ селеніе Кюрдамюръ, куда къ тому времени отступили и «Красные батальоны». Бичераховъ потребовалъ отъ комиссаровъ присылки воинской силы. Тѣ ограничились отправкой къ нему 80-ти необученныхъ солдатъ, а когда тотъ потребовалъ «настоящихъ солдатъ, а не людей съ винтовками», комиссары отвѣтили что «помощь придетъ изъ Россіи».

Отрядъ Бичерахова, всего лишь изъ 1.000 всадниковъ, безъ артиллеріи, безъ пѣхотнаго прикрытія, послѣ трехдневнаго боя принужденъ былъ отступить подъ давленіемъ регулярной турецкой арміи.

Тогда Бичераховъ, передавъ командованіе «арміей», если такъ можно назвать всякій сбродъ изъ горожанъ Баку, полковнику Аветисову, со своими всадниками ушелъ на станцію Баладжары, обратившись при этомъ къ представителямъ не-большевистскихъ партій черезъ посредство газетъ, чтобы тѣ обратились за помощью къ Англійскому командованію въ Персіи, воздѣйствуя на комиссаровъ съ этой цѣлью, такъ какъ они, въ концѣ концовъ, представляли изъ себя нѣкую власть.

Это письмо вызвало полное одобреніе Флотиліи и населенія, такъ какъ до сей поры, даже то ничтожное снаб-

женіе оружіемъ и снарядами, что получили воюющія противъ турокъ силы были обманнымъ путемъ, поддѣлавъ подпись Троцкаго и помимо комиссаровъ въ Баку, доставлено Флотиліей изъ Астрахани.

На письмо полковника Аветисова Шаумяну, большевистскому комиссару, послѣдній не отвѣтилъ ничего.

Изъ центральной Россіи въ эти дни прибылъ отрядъ балтійскихъ матросовъ. Они имѣли распоряженіе захватить суда въ свои руки. Однимъ изъ первыхъ объектовъ захвата была кан. лодка «Ардаганъ», но заговоръ этотъ былъ своевременно открытъ офицерами и командами Флотиліи и прибывшихъ не пустили на нее совершенно, хотя часть балтійцевъ была допущена на кан. лодку «Карсъ». Остальные же, или вернулись въ Астрахань, или перешли на сухопутный фронтъ въ отрядъ комиссара Петрова, тоже прибывшаго изъ Москвы. Послѣдній и слышать не хотѣлъ о призывѣ на помощь англичанъ. По инициативѣ офицеровъ на пос. суднѣ «Геокъ-Тепе» было созвано тайное совѣщаніе изъ представителей всѣхъ судовъ Флотиліи, на которомъ офицеры пояснили положеніе вещей командамъ, что въ создавшейся обстановкѣ считаться съ совѣтской властью было невозможно. Совѣщаніе вполнѣ согласилось съ этимъ. На слѣдующій день, участвовавшіе на совѣщаніи матросы довели до свѣдѣнія всѣхъ командъ судовъ Флотиліи о необходимости призыва англичанъ. О томъ же былъ увѣдомленъ и мѣстный Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, что послѣ длительных преній, вопреки угрозъ комиссарами, 23 іюля принялъ рѣшеніе пригласить англійскія войска. Объ этомъ было сообщено Бичерахову и одновременно представители Флотиліи отбыли въ Энзели, чтобы войти въ переговоры съ англійскимъ командованіемъ.

Комиссары бѣжали. Власть перешла въ руки директоріи пяти человѣкъ, выбранныхъ изъ среды Центрокаспія.

28 іюля турецкіе войска подошли къ городу Баку и начали осаду. Командовавшій ими Нури-Паша обратился къ комиссарамъ съ воззваніемъ сдать городъ безъ кровопролитія, но комиссаровъ и слѣдъ простылъ...

1 августа Диктаторы объявили населенію о сверженіи

совѣтской власти, что Центрокаспій принимаетъ власть на себя и что главнокомандующимъ назначается полковникъ Бичераховъ, патріотъ и уважаемый всѣми офицеръ.

Между тѣмъ, утромъ того же дня турки начали наступленіе, превратившееся въ штурмъ города. Отрядъ Бичерахова былъ не въ силахъ ихъ сдержать, отступилъ на Дербентъ и къ Петровску, чтобы пробившись на Кавказъ, оттуда подать помощь осажденному городу. Въ городѣ была объявлена всеобщая мобилизація, съ Флотиліи посланы на фронтъ отряды матросовъ, а пароходы посланы въ Энзели за англичанами.

Штурмъ города, продолжавшійся въ теченіе семи сутокъ, былъ отбитъ необученнымъ строю, но воодушевленнымъ населеніемъ, ради спасенія отъ произвола завоевателя. Судовая артиллерія наносила атакующимъ туркамъ большой уронъ, а всѣ офицеры и матросы Флотиліи, не требуемые моментомъ на корабляхъ, сражались на сухомъ пути. Въ результатѣ, уже ворвавшіеся въ предмѣстье города турки были не только выбиты изъ его предѣловъ, но принуждены были отступить на нѣкоторое отъ него разстояніе. Конечно, это отступленіе ихъ было временнымъ. Къ атакующимъ подходили на помощь какъ регулярныя части, такъ и организованныя Азербайджанскимъ правительствомъ и Елизаветпольскими беками банды мусульманъ.

Диктатура Центрокаспія сдѣлала все что могла: организовала снабженіе воинскихъ частей, поставила во главѣ ихъ опытныхъ офицеровъ, и тотчасъ же приступила къ ихъ тренировке.

Въ Баку къ тому времени прибыли англійскія силы въ количествѣ 900 человѣкъ вмѣсто обѣщанныхъ 2.000, но ихъ прибытіе ободрило защитниковъ города.

Комиссары пользовались отрядомъ Петрова чтобы перехватывать транспорты снабженія поступавшіе со стороны Астрахани и изъ окружающихъ городъ селеній. Они также вели и подрывную пропаганду среди войскъ и населенія къ сверженію Диктатуры Центрокаспія и замѣны ея совѣтской властью. Такъ напримѣръ, 10 августа 1918 года, въ 10 час. вечера, въ типографію газеты «Труженникъ» явилась какая-

то банда, захватила типографію и къ утру слѣдующаго дня уже отпечатала въ ней газету «Бакинскій рабочій» со статьями написанными комиссаромъ Шаумяномъ съ призывомъ къ сверженію Диктатуры и обычными обманами о томъ, что взамѣнъ ея дастъ совѣтская власть.

Одновременно съ нажимомъ большевиковъ изнутри, турки отрѣзали Шоларскій водопроводъ, оставивъ городъ безъ воды для питья. Со стороны Астрахани начались, вмѣсто помощи осажденнымъ, нападенія въ тылъ имъ. Тамъ орудовали теперь большевики, комплектуя командами пароходы и ставя на нихъ артиллерію.

Баку оказался отрѣзаннымъ отъ тыла. Оставалась связь только съ Закаспійской областью, Ленкоранью и Энзели. Но двѣ первыхъ — сами воевали съ большевиками, а черезъ Энзели шло очень небольшое количество снабженія, что могли удѣлять англичане занятые войной съ Турціей какъ ихъ первый объектъ.

Какъ уже было сказано, отрядъ Бичерахова продвигался на Сѣверный Кавказъ, Дербентъ и Петровскъ. Отрядъ остановился, часть его отдѣлилась для похода противъ большевиковъ, накопившихъ крупныя силы въ Кизлярѣ. Оставшіяся въ Петровскѣ части Бичерахова снабжали защитниковъ Баку патронами и снарядами насколько могли. Но отсутствіе у послѣднихъ смѣны, недостатокъ хлѣба и воды, наконецъ и деморализирующее усиліе большевиковъ изнутри, привели къ тому, что когда въ ночь на 12 сентября турецкая армія начала снова штурмовать городъ, усиливъ атаки къ 4-мъ часамъ ночи на 14 сентября, началось отступленіе защитниковъ Баку. Первыми не выдержали ударовъ англійскія части и 14 сентября вышли изъ боя. На слѣдующій день, въ 10 час. утра, защитники города начали отступленіе на соединеніе съ Бичераховымъ. Армія турокъ къ этому времени дошла до 100 тысячъ человѣкъ. Ни остатки войскъ Диктатуры, ни самъ Бичераховъ такой массѣ войскъ сопротивляться не могли и вскоре послѣ занятія турками Дербента, 6 ноября былъ занятъ ими и Петровскъ.

Начало перемирія на Западномъ фронтѣ Европы отразилось и на судьбѣ какъ русской арміи, такъ и Каспійской

Флотиліи: обѣ геройски боровшіяся противъ турокъ и противъ большевиковъ части вернулись 17 ноября въ Баку, гдѣ и оставались до 1 марта 1919 года, когда англійское командованіе разоружило Каспійскую Флотилію и предложило Командующему арміей и флотомъ генералу Пржевальскому покинуть Баку. Генералъ Пржевальскій ушелъ со своей арміей въ Петровскъ. Каспійская Флотилія прекратила свое существованіе какъ часть вооруженныхъ силъ Россійской Имперіи.

Генералъ Бичераховъ, ставъ Командующимъ вооруженными силами Прикаспійскаго края, отдалъ слѣдующій приказъ:

«Считаю своимъ долгомъ отмѣтить особо боевую работу славнаго, единственнаго сохранившагося изъ всѣхъ Россійскихъ военно-морскихъ силъ, Каспійскаго военнаго флота.

Здѣсь не было большихъ морскихъ сраженій, но здѣсь было больше чѣмъ гдѣ-бы то ни было мелкихъ боевъ и десантныхъ операцій. Въ Каспійскомъ морѣ и на его побережьяхъ, Флотъ непрерывно оказывалъ боевое содѣйствіе арміи и войскамъ. Въ 1915-16 годахъ вполнѣ опредѣлилась неблагонадежность въ смыслѣ лояльности къ Россіи со стороны инородческаго населенія Прикаспійскихъ областей. Все это — сдерживалось Флотиліей.

Фортъ Александровскій, Красноводскъ, Ашуръ-Адэ, Энзели, Астрабадъ, Ленкорань, Сальяны, Баку, Дербентъ, Петровскъ и Тюрскіе берега помнятъ неоцѣнимыя услуги оказанныя Каспійской Флотиліей.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ славная Каспійская Флотилія выполняла исключительно трудныя задачи. Шесть мѣсяцевъ непрерывнаго боевого крейсерства съ боями морскими и на сухопутьѣ, не доѣдая, не досыпая, безъ доковъ, безъ порта.

Честь и слава Каспійскому Флоту. Вы сохранили незапятнаннымъ Андреевскій стягъ, вы являетесь основой возрождающагося нашего новаго Флота.

Исторія оцѣнитъ ваши Государственныя и боевыя заслуги».

Н. Ф. Федоровъ

В. А. ШУМОВИЧЪ НАТУРАЛИСТЪ, АРХЕОЛОГЪ И ИЗСЛѢДОВАТЕЛЬ САХАРЫ

10 августа 1961 г., въ оазисѣ Бени-Аббесъ, на югѣ Алжиріи, скоропостижно скончался лейтенантъ Владиміръ Антоновичъ Шумовичъ.

Сынъ генерала Шумовича, бывшаго генераломъ для особыхъ порученій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ и внучатый племянникъ генерала Фабра, который принужденъ былъ бѣжать изъ Франціи отъ революціи 1793 года, Владиміръ Антоновичъ родился въ Москвѣ. Образованіе онъ получилъ въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, а затѣмъ въ Морскомъ Корпусѣ, который окончилъ въ 1916 г. и былъ выпущенъ на Дальній Востокъ, откуда въ сентябрѣ переведенъ въ Черное море и назначенъ на лин. кор. «Св. Евстрафій» на должность радіо-телеграфнаго офицера.

Его отецъ генералъ Шумовичъ, въ первые дни революціи былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями.

Дальнѣйшія переживанія В. А. Шумовича были разнообразны: до эвакуаціи онъ одно время завѣдывалъ радіотелеграфомъ на транспортѣ «Кронштадтъ», на катерѣ «Добыча» участвовалъ въ десантѣ на Кубань и на томъ же катерѣ попалъ въ Константинополь и въ Бизерту, гдѣ вначалѣ работалъ на фермѣ, а затѣмъ перешелъ на службу въ городскую электрическую станцію въ г. Рузы, которой, въ то время, завѣдывалъ лейт. Бугаевъ. Тамъ онъ женился

на кубанской казачкѣ Татьянѣ Васильевнѣ Сорокиной, воспитанницѣ Екатеринодарской консерваторіи.

Въ 1924 г. Шумовичъ, как инженеръ-электрикъ и инструкторъ футбола и его жена — пѣвица, были приглашены на службу на фосфатные рудники Сфаксъ-Гавса въ Метлуай, гдѣ уже служило нѣсколько моряковъ изъ Бизерты.

Послѣ двухъ лѣтъ службы въ Метлауе Шумовичъ, въ 1926 году, вмѣстѣ съ женой перевелись на новый рудникъ — Муляресъ, гдѣ условія жизни были болѣе благопріятны. Въ Муляресѣ Шумовичъ завѣдывалъ сушкой фосфатовъ и ихъ дальнѣйшей отправкой и тамъ, какъ говорится, онъ нашелъ свое призваніе.

Фосфатные рудники Общества Сфаксъ-Гавса расположены въ предѣлахъ переходной полосы Сѣверной Сахары, среди ея сѣверныхъ оазисовъ: Ферьяны, Гавсы и Гозера, на границѣ съ Алжиріей.

Полная оторванность отъ всего міра и однообразіе жизни подтолкнули Шумовича на изученіе природы, фауны и флоры этого края. Постепенно все болѣе увлекаясь этимъ, онъ началъ охотиться, потомъ выдѣлывать чучела и собирать насѣкомыхъ, птичьи яйца и проч. Затѣмъ онъ заинтересовался ископаемыми окаменѣлостями — остатки доисторическихъ эпохъ — которыхъ много въ фосфатахъ.

На сотню километровъ вокруг, всѣ кто находили что-нибудь интересное, несли это къ Шумовичу. Рабочіе его «экипа» — и пастухи — кочевые арабы знали «русскаго Марабу» и помогали ему. Шумовичъ, какъ Плюшкинъ, все собиралъ и вскорѣ его квартира была переполнена.

Около этого времени, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончалась его жена и, переживая свое горе, Шумовичъ еще больше углубился въ свои любимыя занятія.

Скоро имя Шумовича и его «музея» сдѣлались извѣстны. Квартира его походила на зоологическій садъ: по полу ползали змѣи, черепахи, летали птицы — воронъ и горлица; на висячей лампѣ обосновались хамелеоны, и повсюду носилась ручная, совершенно какъ кошка, лисичка пустыни — «Фенекъ».

Когда у него обѣдали гости — ученые, посѣтители музея, друзья, то подавался обѣдъ: на первое супъ изъ черепахи или улитокъ, на второе — рыбное — хвостъ варана подъ маіонезомъ, жаркое — гонди, крысы-тушканчики и на дессертъ поджаренная саранча или какой-нибудь другой деликатесъ. На кухнѣ работалъ арабченокъ Али — онъ же и главный препараторъ. Шумовичъ обучилъ его этому дѣлу и Али скоро превзошелъ своего учителя.

Шумовичъ удивлялъ своимъ обращеніемъ со всякими опасными тварями пустыни — змѣями и скорпіонами. Онъ ихъ бралъ всегда голыми руками и не было случая, чтобы они его ужалили, тогда какъ другимъ доставалось, и онъ не выходилъ на охоту безъ запаса прививокъ отъ укусовъ.

Дирекція Общества заинтересовалась дѣятельностью Шумовича. Это была своего рода реклама и Дирекція дала Шумовичу особый домъ и землю для устройства музея и зоологическаго сада. Въ саду, въ огромныхъ ямахъ жили змѣи, въ большихъ клѣткахъ — птицы, мѣстные жители: каньги, куропатки, дрофы, фламинго; животные — фенеки, газели, ящерицы варанъ, черепахи, большія и малыя ящерицы, которыхъ въ пустынѣ было изобиліе всякихъ разновидностей, еще достаточно не изученныхъ.

Извѣстность Шумовича росла. О немъ знали уже профессора иностранныхъ университетовъ. Ученые пріѣзжали для изученія на мѣстѣ. Завязался обмѣнъ экспонатами съ учеными обществами. Находки ископаемыхъ въ пластахъ фосфата, гнѣздованіе особыхъ птичьихъ породъ въ этомъ районѣ Сахары, змѣи и насѣкомые свойственные этому краю вызывали интересъ.

Но началась война. Шумовичъ былъ призванъ и назначенъ начальникомъ наблюдательнаго пункта на мысѣ Расъ-Димисъ.

Послѣ демобилизаціи Шумовичъ возвратился, но не въ Муляресъ, а на другой рудникъ — Радіефъ. Весь этотъ районъ во время войны неоднократно переходилъ изъ рукъ въ руки — зоологическій садъ изчезъ, а музей былъ заброшенъ.

Въ Радіефѣ Шумовичъ дослуживалъ годы на пенсію.

Онъ продолжалъ поддерживать музей въ Мулըресѣ и, прекрасно изучивъ за это время арабскій языкъ, получилъ званіе офиціальнаго переводчика.

Ко времени выхода въ отставку Шумовичъ заручился приглашеніемъ Сахарскаго отдѣла Національнаго научнаго центра въ оазисѣ Бени-Аббесъ принять участіе въ организаціи музея и въ сборѣ экспонатовъ для него. Профессора различныхъ университетовъ, изслѣдователи и студенты, заинтересованные въ физическихъ явленіяхъ, въ доисторической эпохѣ, въ ботаникѣ, геологіи, этнографіи и зоологіи Сахары пріѣзжали для практическихъ занятій въ Бени-Аббесъ, гдѣ находились лабораторіи, сады и музей естественныхъ наукъ. Научная часть и храненіе музея находились подъ руководствомъ В. А. Шумовича, который считался однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ по фаунѣ и доисторической эпохѣ Сахары.

При отъѣздѣ въ Бени-Аббесъ Шумовичъ имѣлъ возможность взять съ собой на аэропланъ только тонну своихъ коллекцій, все остальное въ музеѣ осталось укупореннымъ въ ящикахъ на попеченіи Общества.

Въ Бени-Абессъ Шумовичъ прожилъ три года и за это время совершилъ рядъ путешествій въ составѣ экспедицій какъ археологъ и натуралистъ, изслѣдуя районы Мавританіи — Джуфъ Бени-Унифъ, Реггань и въ сторону Хоггары.

По возвращеніи изъ Реггана, 10 августа 1961 г. онъ пошелъ въ музей послѣ полудня, и тамъ его нашли мертвымъ.

Въ письмѣ къ своему соплавателю, написанномъ за два дня до смерти, Шумовичъ писалъ: «За это время былъ за Реггаңомъ, ничего интереснаго и новаго не нашелъ. Жарко, а ночью ничего не видно — мететъ песокъ каждую полуночь, а дневную жару мнѣ трудно переносить. Я одичалъ, ни въ какое общество не гожусь».

Похороненъ В. А. Шумовичъ въ Бени-Аббесъ — въ той пустынѣ, которой онъ посвятилъ жизнь.

При отъездѣ изъ Тунизіи онъ два раза обращался къ власть-имущимъ съ предложеніемъ принять музей въ даръ государству, но такъ какъ это было время перехода власти

отъ оккупацiи къ самостоятельности Туниса, то получалъ отвѣтъ: «Намъ не до этого — подождите».

Интересна послѣдующая исторiя этого музея. Корреспондентъ «Депешъ Тюнизiенъ», сопровождавшiй французскаго Генеральнаго Консула въ Сфаксѣ г-на Раймондъ и его супругу въ поѣздкѣ по югу Тунизiи, въ газетѣ отъ 12 мая 1961 года пишетъ:

«Въ Метлуи имѣется также очень интересный и единственный въ своемъ родѣ изъ существующихъ въ настоящее время въ Тунисѣ, музей. Не слѣдуетъ упускать случая осмотрѣть его, и мало вѣроятно, что энергичный директоръ въ этомъ откажетъ. Эти коллекцiи, трудами М-м Пердѣ и женами нѣкоторыхъ техниковъ, вынуты изъ ящиковъ, въ которыхъ они были забыты и классифицированы, достойны длительнаго внимания. Значительная коллекцiя чучелъ птицъ, необыкновенная коллекцiя бабочекъ всѣхъ размѣровъ, окрасокъ и странъ, внушительная коллекцiя пресмыкающихся, среди которыхъ нѣкоторыя разновидности «рогатыхъ» гадюкъ, найденныхъ въ этой странѣ, вызываютъ у васъ мурашки; кости доисторическихъ животныхъ и окаменѣлыя ракушки, найденныя въ фосфатныхъ пластахъ; уголь, сохранившiй съ фотографической точностью отпечатки вереска, растенiй или рыбъ, которыхъ не стерли тысячелѣтiя... Наконецъ, необыкновенная коллекцiя раковинъ гигантскихъ окаменѣлыхъ устрицъ, найденныхъ въ мѣстномъ древнемъ морскомъ днѣ, давностью въ нѣсколько миллiоновъ лѣтъ!»

Какъ видно изъ этого сообщенiя — музей былъ перевезенъ изъ Муляреса въ Метлауй по распоряженiю Дирекцiи и тамъ размѣщенъ. Теперь ему присвоено имя «Музей Шумовича». Въ числѣ открытiй Шумовича имѣется «бабочка Шумовича» внесенная въ международную номенклатуру новыхъ видовъ.

Энтузiастъ-натуралистъ оставилъ добрую память среди многочисленныхъ своихъ рабочихъ и сослуживцевъ. Не даромъ же арабы называли его «нашъ марабутъ-мугандесъ», т. е.: «святой ученый», и не раз обращались къ нему быть у нихъ судьей въ ихъ семейныхъ делахъ.

Миръ праху его!

Г. Н. Таубе

КЪ СТАТЬѢ КАП. 2 Р. Н. Н. КРЫЖАНОВСКАГО: «АДМИРАЛЪ М. К. БАХИРЕВЪ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ» «МОРСКІЯ ЗАПИСКИ», ТОМЪ XXI, № 1-(58)

Обыкновенно, послѣ выхода очередного номера «Морскихъ Записокъ» редакція получаетъ нѣсколько писемъ, критикующихъ или одобряющихъ содержаніе той или другой статьи помѣщенной въ номерѣ.

То же случилось послѣ выхода послѣдняго номера — № 58 отъ сентября 1963 года. Большинство отзывовъ подтверждало, что читатели нашли содержаніе журнала интереснымъ. Раздѣлились только мнѣнія о статьѣ кап. 2 р. Н. Н. Крыжановскаго — «Адмиралъ Бахиревъ и его современники».

Одинъ изъ старшихъ, всѣми уважаемый офицеръ флота, хорошо знавшій адмирала Бахирева пишетъ:

«Статья Н. Н. Крыжановскаго, посвященная памяти своего бывшаго начальника дѣлаетъ честь автору и написана красивыми набросками, вполнѣ отвѣчающими фигурѣ любимаго начальника. Подъ перомъ автора они оживаютъ и его незаурядный обликъ сохранится для будущихъ поколѣній весьма ярко».

Болѣе молодой офицеръ, плававшій на «Рюрикѣ», одобряя статью, пишетъ, что она пробудила въ его памяти обликъ любимаго командира.

Наравнѣ съ одобреніями, отъ столь же уважаемыхъ старшихъ офицеровъ флота, близко знавшихъ адмирала Бахирева, пришли протесты и критика, указывающая, что

статья Н. Н. Крыжановскаго недостаточно ярко отмѣчаетъ высокія душевныя качества адмирала и, не давая цѣльной характеристики, а лишь наброски, говорящіе иногда не въ пользу адмирала, представила его въ отрицательномъ освѣщеніи.

Н. Н. Крыжановскій, бывшій на Бригадѣ Крейсеровъ флагманскимъ штурманомъ и одновременно старшимъ флагъ-офицеромъ, имѣлъ возможность наблюдать адмирала не только какъ Начальника Бригады Крейсеровъ, но и какъ человѣка, со всѣми присущими ему слабостями, извѣстными только приближеннымъ адмирала. Но, конечно, эта были мелочи, о которыхъ, может быть, не стоило упоминать. Это подтверждается еще тѣмъ, что когда адмиралъ Бахиревъ добровольно покинулъ Минную Оборону и съѣхалъ съ «Чайки», то былъ приглашенъ матерью кап. 2 р. Г. А. Вильсона жить у нея на квартирѣ въ Петербургѣ, что не имѣло бы мѣста если Михаилъ Коронатовичъ, былъ такимъ, какимъ онъ представляется въ статьѣ Н. Н. Крыжановскаго.

Что же касается воспоминаній относящихся къ его «современникамъ», то они указываютъ на чувство юмора адмирала и рисуютъ его какъ прекраснаго разсказчика. Похожденія д-ра Косоротова, Степы Говорливаго и братьевъ Балкъ лично къ адмиралу никакого отношенія не имѣютъ, но даютъ живую и интересную картину о службѣ на далекой окраинѣ Россіи и въ «дальнихъ войяжахъ» въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія и являются, такъ сказать, флотскимъ «фольклоромъ» того времени. Было бы обидно, если разсказы объ этихъ легендарныхъ личностяхъ были бы навсегда забыты.

Н. Н. Крыжановскій уважалъ и любилъ Адмирала какъ человѣка и какъ начальника, и будь онъ живъ, то могъ бы отвѣтить на представленную критику.

Въ заключеніе, приведемъ характеристику адмирала М. К. Бахирева, данную ему контръ-адмираломъ С. Н. Тимиревымъ въ своихъ запискахъ: «Воспоминанія Морского Офицера».

«....Бахиревъ, одинъ изъ лучшихъ боевыхъ начальниковъ старшаго поколѣнія всегда былъ образцомъ личной

храбрости, служебной честности и исполнительности. Благодаря его скромности и отсутствію карьернаго честолюбія, во время войны онъ остался сравнительно въ тѣни, что не мѣшало ему, однако, пользоваться большой популярностью во флотѣ, которая не поколебалась даже въ революціонныя времена. О немъ вспоминали лишь когда нужно было спасать почти безнадежное положеніе, какъ это случилось въ Моонзундѣ въ сентябрѣ 1917 года. Въ теченіе всей войны Бахиревъ состоялъ Предсѣдателемъ Думъ Георгіевской и Георгіевскаго оружія».

Чего же больше?

Инж.-мех. лейт. К. Н. Заваринъ

СВОДНЫЙ ДИВИЗІОНЪ КАМСКОЙ РЕЧНОЙ БОЕВОЙ ФЛОТИЛІИ ВЪ КАМПАНІЮ 1919 г.

Въ апрѣлѣ и маѣ 1919 года фронтъ Сибирской арміи былъ на правомъ берегу Камы, а на Сѣверномъ участкѣ фронта армія, подъ командой генерала Пепеляева, наступала очень успѣшно и подходила къ г. Глазовъ, Вятской губерніи.

На Южномъ участкѣ фронта, послѣ перехода къ краснымъ Украинскаго полка образовался открытый участокъ, который Троцкій и использовалъ. Начались пораженія на Южномъ участкѣ и армія начала отступать на лѣвый берегъ. Подъ Сарапулемъ положеніе не спасъ и ударный батальонъ генерала Гайды, впослѣдствіи отблагодарившаго Верховнаго Правителя поднятіемъ возстанія во Владивостокѣ 19 ноября 1919 года.

Послѣ перехода красныхъ частей на лѣвый берегъ Камы ими были заняты Красноуфимскъ и Кунгуръ. Создалась угроза обхода Перми, базы Камской рѣчной боевой флотиліи и въ концѣ іюня 1919 г. началось разоруженіе флотиліи въ селѣ Левшево, въ устьѣ рѣки Сылвы и эвакуація Перми.

Изъ мелкосидящихъ судовъ былъ сформированъ Сводный Дивизіонъ Камской рѣчной боевой флотиліи въ слѣдующемъ составѣ:

1. Пассажирскій пароходъ «Сибирскій стрѣлокъ» — Штабъ К-ра Своднаго дивизіона, лейт. С. П. Дмитріева (М. К. 1915), флагъ-офицеръ лейт. Смирновъ. Артиллеріей пароходъ не былъ вооруженъ.

2. Вооруженный корабль «Скорый», к-р лейт. Г. М. Эссенъ, артил. офиц. пор. п/А. Вырубовъ отличный офицеръ и талантливый артиллеристъ, и пулем. офиц. пор. п/А. Эсперовъ. Стар. инж.-мех. мичманъ К. Н. Заваринъ, помощникъ машинный кондукторъ Гнусинъ (Балт. флота — подводникъ).

Въ составѣ машинной команды было семь учениковъ Томской Машинно-Моторной школы, назначенные на «Скорый» въ учебное плаваніе. Почти всѣ они были гимназисты, реалисты и семинаристы. Былъ также доброволецъ Олегъ Заваринъ, ученикъ 5-го класса Пермскаго Алексѣевскаго Реальнаго Училища. Большинство ихъ окончили свою судьбу въ Обь-Иртышской флотиліи или въ Отдѣльномъ Морскомъ Учебномъ Батальонѣ.

Вооруженіе «Скораго» состояло изъ двухъ 3-хъ дюймовыхъ полевыхъ орудій на носу и одного орудія на кормѣ. Орудія были установлены на «тумбахъ» проэкта стар. лейт. В. С. Макарова, сдѣланныхъ на Пермскомъ Пушечномъ заводѣ. Имѣлось 4 пулемета, въ пулеметныхъ башенкахъ изъ 5 м/м. стали. Такіе же стальные листы защищали рубку, кожухъ надъ машиннымъ отдѣленіемъ и орудія. Это бронированіе было весьма дѣйствительно отъ ружейнаго и пулеметнаго огня.

3. В/К. «Стройный» — ком-ръ, Подп. п/А. былъ отличный командиръ и офицеръ. За окладистую бороду мы между собой звали его «борода». Вооруженіе «Стройнаго» было такое же, какъ и на «Скоромъ». Оба корабля были старые рѣчные буксиры; «Скорый» былъ построенъ въ 1879 г., имѣлъ скорость противъ теченія около 9 верстъ въ часъ. «Стройный» былъ немного моложе и имѣлъ осадку нѣсколько дюймовъ больше, чѣмъ «Скорый».

4. Два моторныхъ катера, имѣвшихъ одно 3-хъ дюймовое полевое орудіе и одинъ пулеметъ. Орудія были установ-

лены на тумбахъ такого же типа какъ и на корабляхъ, только тумба на катерахъ была ниже.

Несмотря на старанія молодыхъ мотористовъ (Машинной Школы, упомянутой выше), дизеля часто стопорились, но все же одинъ изъ катеровъ успѣшно участвовалъ въ двухъ операціяхъ дивизіона. Дизеля были японскаго производства и предназначались для армейскихъ понтоновъ. Найдены они были случайно въ Омскѣ или въ Перми и были приспособлены для катеровъ.

Сводный Дивизіонъ вышелъ изъ г. Перми въ концѣ іюня. 28 или 29 іюня. Командиръ «Скораго» и я посѣтили окопы нашихъ частей на правомъ берегу Камы около села Слудка, верстъ 80 выше Перми. Причина «визита» была — переговорить съ Начальникомъ Боевого Участка и выяснить положеніе.

Положеніе было неважное — окопы были подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ красныхъ и наши части вотъ-вотъ должны были переходить на лѣвый берегъ Камы. Послѣ короткаго разговора съ начальникомъ боевого участка мы возвратились на «Скорый», чему я былъ доволенъ — разрывъ гранатъ на сушѣ производитъ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ на водѣ.

30 іюня, когда дивизіонъ былъ нѣсколько верстъ выше по теченію рѣки, Начальникъ Дивизіона получилъ сообщеніе, что красными захваченъ буксиръ съ баржой и отведенъ въ село Слудка, уже занятое красными. По приказу Начальника Дивизіона оба корабля вышли по направленію села Слудки. По приходѣ на близкую дистанцію буксиръ, баржа и небольшой пароходъ, ошвартованные у пристани села, были нами обстрѣляны, загорѣлись и, брошенные командой, сорвались съ швартововъ и поплыли внизъ по рѣкѣ. Въ то же время была замѣчена группа или двѣ всадниковъ, скачущихъ по склону холма за селомъ, очевидно артиллерійская прислуга красныхъ батарей, расположенныхъ на вершинѣ холма и за холмомъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ шрапнелью всадники разсѣялись и поскакали въ одиночку. Оба корабля были готовы вернуться къ дивизіону, когда красные открыли огонь изъ своихъ полевыхъ

орудій. Снаряды давали большіе перелеты и ложились въ лѣсу за рѣкой. Съ нашей стороны была попытка обстрѣлять батареи красныхъ, хотя опредѣлить ихъ позиціи было, конечно, трудно. Вернулись мы безъ всякихъ поврежденій.

Съ переходомъ нашихъ частей на лѣвый берегъ Камы, дивизіонъ постепенно отходилъ вверхъ по рѣкѣ, неся дозорную службу, заходя въ районы рѣки, занятые красными для развѣдки и обстрѣловъ расположеній противника и переправъ.

4 іюля оба корабля, подъ дер. Палкино, попали подъ сильный артиллерійскій огонь красныхъ. Въ «Скорый», бывшій головнымъ, попаданій не было. «Стройный» замедлился на перекатѣ (мелкое мѣсто рѣки), чуть не засѣлъ (онъ сидѣлъ нѣсколько дюймовъ больше чѣмъ «Скорый») и получилъ попаданіе. Часть стакана снаряда попала въ крышу боевой рубки, вышла через носовой лист «брони», наполнивъ рубку газами. Командиръ, лоцманъ и рулевой выбрались изъ рубки на четвереньках, но черезъ нѣсколько секундъ вернулись, и корабль управленія не потерялъ. «Борода» по семафору доложилъ что раненыхъ нѣтъ, и только пострадалъ подолъ его рубахи.

Вечеромъ того же дня оба корабля и катера получили приказъ спуститься внизъ по рѣкѣ, въ районъ села Пожва, для уничтоженія переправы красныхъ. Красныхъ застали врасплохъ. Оба берега были полны людей, паромъ оказался посрединѣ рѣки и былъ потопленъ однимъ изъ катеровъ. У другого катера «скисъ» дизель и онъ пришвартовался къ «Скорому». Спускаясь по теченію, безъ машинъ, дивизіонъ обстрѣливалъ оба берега рѣки и прошло порядочно времени, пока красные открыли ружейный и пулеметный огонь, сначала съ праваго берега, а затѣмъ и съ лѣваго. Артиллерійскаго огня со стороны красныхъ почему-то не было и только одинъ разъ я замѣтилъ разрывъ маленькаго снаряда около праваго борта «Скораго». Несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь раненыхъ у насъ не было. Страдала дымовая труба, легко пробиваемая. Возможно что красные несли потери отъ своего же огня, такъ какъ я не замѣтилъ попаданій въ каюты, ничѣмъ не защищенныя.

Операція была выполнена весьма успѣшно и мы возвратились безъ поврежденій. Несмотря на огонь красныхъ, дизель на второмъ катерѣ былъ приведенъ въ порядокъ и катеръ возвращался самостоятельно. Въ этой операціи красными былъ примѣненъ способъ предупрежденія ихъ частей о приближеніи дивизіона: на нѣкоторое разстояніе вверхъ по рѣкѣ были высланы посты. При появленіи кораблей каждый постъ зажигалъ какой-то сильный сигнальный огонь, давая этимъ знать о нашемъ приближеніи. Огонь вспыхивалъ на короткое время, все же достаточное для обстрѣла поста нашими пулеметами.

Послѣдняя операція дивизіона была 7 іюля — обстрѣлъ красныхъ въ дер. Кондасъ. Послѣ этой операціи дивизіонъ вышелъ въ село Усолье для разоруженія и эвакуаціи.

При приходѣ въ Усолье мы нашли тамъ вооруж. корабль «Бравый», 2-го Дивизіона Флотиліи, посланный туда для разоруженія и эвакуаціи.

Не помню, сколько времени у насъ взяло для разоруженія кораблей, вѣроятно дня два-три. Послѣ разоруженія былъ составленъ эшелонъ, въ который вошли офицеры всѣхъ трехъ кораблей и военныя команды Своднаго Дивизіона и «Браваго». Вольнонаемнымъ командамъ, считавшимся мобилизованными, было предложено эвакуироваться по желанію и многіе вошли въ эшелонъ.

Всѣ двѣнадцать фицеровъ помѣстились въ товарномъ вагонѣ, въ такихъ же была команда. Орудія были погружены на платформы, на тумбахъ, и принайтовлены. За офицерскимъ вагономъ была платформа, груженая мукой въ мѣшкахъ.

11 іюля, подъ-вечеръ, эшелонъ тронулся по направленію станціи Чусовская. Все шло какъ будто хорошо. Въ 5 ч. утра я долженъ былъ смѣнить часового на паровозѣ. Въ 4 часа произошло вдругъ крушеніе состава эшелона, приблизительно на 53-й верстѣ отъ Усолья. Как потомъ выяснилось, мѣстные жители, сочувствующіе краснымъ, разобрали рельсы. Часть вагоновъ была разбита и скатилась подъ откосъ. Проснувшись отъ шума и грохота я бросился къ двери, которая была уже открыта. Начинался уже раз-

свѣтъ и передъ дверью нашего вагона я увидѣлъ крышу другого вагона, по которой я началъ спускаться, думая, что все это я вижу во снѣ. Въ воздухѣ стоялъ «мучной» туманъ — мѣшки съ мукой порвало и мука носилась въ воздухѣ. Только спустившись подъ откосъ, я взглянулъ вверхъ и увидѣлъ нашъ вагонъ, въ дверяхъ котораго стоялъ мой братъ Олегъ — онъ былъ тринадцатымъ въ вагонѣ — не могъ найти свои сапоги и поэтому выбрался послѣднимъ.

Съ разсвѣтомъ мы увидѣли печальную картину: справа отъ пути откосъ, довольно крутой, слѣва болото. Въ болотѣ стояли (стоймя) наши орудія, снятые съ кораблей. По неопытности команды и отсутствія стальныхъ тросовъ, принайтовлены они были слабо и, по инерціи, сорвались. Спасти отъ этихъ орудій удалось только замки. Паровозъ сошелъ съ рельсъ въ сторону болота и придавилъ кочегара, который передъ самымъ крушеніемъ пошелъ мазать цицидндръ. Пробовали его откапывать, но паровозъ садился глубже и несчастный черезъ часъ или два скончался. Кромѣ кочегара, нѣсколько стрѣлковъ было ранено и нѣсколько исчезло, предполагалось, что съ испуга убѣжали въ лѣсъ.

Начальникъ Дивизіона вошелъ въ связь съ начальникомъ въ нашемъ расположеніи, капитаномъ Калита, который взялъ заложниковъ изъ ближайшихъ сёлъ чтобы избавиться отъ будущихъ крушеній и прислалъ нѣсколько человѣкъ изъ имѣвшагося въ его распоряженіи желѣзно-дорожнаго батальона, чтобы помочь эшелону расчистить путь, составить эшелонъ изъ уцѣлѣвшихъ вагоновъ и платформъ и присланнаго имъ со станціи Шиши паровоза и теплушекъ и слѣдовать на востокъ, т. е. на станцію Чусовская. Къ вечеру того же дня мы опять покатились дальше.

Путешествіе до г. Омскъ длилось почти три недѣли, такъ какъ послѣ ст. Чусовской, поѣзда съ бѣженцами шли «колбасой» и движеніе зависило отъ пропускной способности каждой большой станціи. Нашъ эшелонъ двигался съ другими поѣздами и не пропускался внѣ очереди.

По прибытіи въ Омскъ Сводный Дивизіонъ окончилъ свое существованіе. Часть личнаго состава попала въ Обь-Иртышскую флотилію, нѣсколько «каппелевцовъ» записа-

лись добровольцами въ Сибирскую флотилію, большинство же вошло въ Отдельный Морской Учебный батальонъ, включая моего брата Олега, впоследствіи погибшаго съ остатками батальона въ октябрѣ-ноябрѣ 1919 г.

Я былъ откомандированъ въ Штабъ Командующаго Морскими Силами на Дальнемъ Востоке и въ серединѣ августа отбылъ во Владивостокъ. По прибытіи во Владивостокъ я былъ назначенъ на миноносецъ «Инж.-мех. Анастасовъ», командиръ ст. лейт. Е. В. Дихтъ.

Гражданская война продолжалась, но на Дальнемъ Востокѣ она имѣла другой характеръ. Въ концѣ августа постъ Св. Ольги былъ осажденъ партизанами. Небольшой гарнизонъ поста подъ командой полковника Достовалова имѣлъ поддержку дежурнаго миноносца, стоявшаго на якорѣ въ бухтѣ, и частые ночные наступленія партизанъ отражались артиллерійскимъ огнемъ миноносца. Иногда помогалъ японскій броненосецъ «Ивами» (быв. «Орелъ»), если находился въ бухтѣ, куда японцы приходили разъ или два въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи мы нашли, что однимъ изъ надежныхъ средствъ былъ прожекторъ — достаточно было провести лучомъ по сопкамъ, и стрѣльба прекращалась. Дѣйствовалъ психологическій эффектъ — если лучъ падалъ на стрѣлявшаго, то послѣдній рѣшалъ, что его видятъ и уходилъ на болѣе закрытую позицію, которая уже не давала возможности обстрѣливать позиціи гарнизона.

Покойному Верховному Правителю, Адмиралу А. В. Колчаку не «везло» по части генераловъ. Морской Министръ и Командующій Камской Рѣчной Боевой Флотиліей контръ-адмиралъ М. И. Смирновъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что послѣ посѣщенія генераловъ командующихъ арміями, нуждавшихся въ поддержкѣ флотиліи, онъ увидѣлъ, что никакого плана войны нѣтъ и каждый генералъ дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію. Съ союзниками также не все было успѣшно: «Я прошу о присылкѣ сапогъ, обмундированія и пулеметовъ, а мнѣ посылаютъ француз-

скихъ генераловъ» (генералъ Жаненъ, впослѣдствіи выдавшій Верховнаго Правителя революціонерамъ).

«Морское окруженіе» Верховнаго Правителя было весьма удачно. Съ нимъ оказались его боевые сподвижники, какъ контръ-адмиралъ М. И. Смирновъ, кап. I р. Н. Ю. Фоминъ, И. И. Степановъ, П. П. Феодосевъ; кап. II р. П. В. Тихменевъ, и т. д. Нельзя не упомянуть талантливыхъ артиллеристовъ, какъ ст. лейт. В. Г. Гессе и В. С. Макарова. Инженерная часть включала инж.-мех. кап. II р. Вологдина, инж.-мех. Н. А. Калбусъ (скончавшійся 80-ти лѣтъ, въ Калифорніи, 24 іюля 1964 г.), корп. кораб. инж. кап. Е. М. Токмакова, поруч. Е. В. Кащикъ (фельдфебель 2-й роты М. И. У. Николая I въ 1913 г.) Офицеры личнаго состава Волжско-Камской Флотиліи (кампанія 1918 г.) также вложили свой опытъ въ организацію Камской Рѣчной Боевой Флотиліи: лейт. Г. А. Мейреръ, Р. Ф. Эссенъ, ст. лейт. В. Н. Кемарскій (нынѣ здравствующій въ Санъ-Франциско) и друг.

Инж.-мех. лейт. *К. Н. Заваринъ*
М. И. У. Имп. Николая I, 1913.

Д. И. Ососовъ.

МОРСКІЕ ОФИЦЕРЫ ВЪ БЕЛЬГІЙСКОМЪ КОНГО 1920-1960

Послѣ 1-й Міровой войны Бельгія должна была получить отъ Германіи въ счетъ репараціи нѣсколько военныхъ кораблей, предназначавшихся для защиты устья рѣки Конго. Не имѣя ни военнаго флота, ни соотвѣтствующаго личнаго состава, Бельгійское Правительство обратилось къ разнымъ странамъ для найма морскихъ офицеровъ. На долю русскихъ было предоставлено девять ваканцій. Кромѣ офиціальныхъ бумагъ требовалось достаточное знаніе французскаго языка и пріѣздъ за свой счетъ въ Брюссель. Возможность найма русскихъ морскихъ офицеровъ для службы въ Бельгійскомъ Конго не была использована русскими представителями въ Бельгіи, и только случайно два морскихъ офицера узнали о представлявшейся возможности.

Морскіе офицеры нанимались контрактомъ на 10 лѣтъ, изъ которыхъ первые два года были «испытательными». Всѣ принимались съ первымъ офицерскимъ чиномъ. До 1922 г. принимали въ «кадры» (постоянный составъ съ правомъ на пенсію) послѣ стажа въ 2 года и не старше 36 лѣтъ. Послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ службы полагался шестимѣсячный отпускъ съ окладомъ 2/3 жалованія и даровымъ проѣздомъ въ I-мъ классѣ до Брюсселя. Первый окладъ былъ 10.000 бельг. франковъ въ годъ — почти тройной въ срав-

неніи съ получаемымъ въ Бельгіи, но едва хватавшаго въ Конго.

Всего, кромѣ кратковременныхъ гастролеровъ, въ Бельгійскомъ Конго служило 22 русскихъ морскихъ офицера: два адмирала, три штабъ-офицера и шестнадцать оберъ-офицеровъ. Возрастъ былъ соотвѣтствующій съ чиномъ. Изъ нихъ девять были на Правительственной службѣ въ Гидрографіи, два — въ полу-правительственной гидрографической компаніи, шесть были капитанами пароходовъ и пять — на службахъ, не имѣвшихъ отношенія къ навигаціи.

На правительственной службѣ продвиженіе было наравнѣ съ другими. Слѣдующій чинъ, при наличіи хорошихъ аттестацій, давался каждые три года, а иногда даже послѣ двухъ лѣтъ «за отличіе». Переходъ въ нѣкоторые чины дѣлался только послѣ строгаго экзамена или дополнительныхъ курсовъ въ Бельгіи.

Время пребыванія морскихъ офицеровъ въ Бельгійскомъ Конго было весьма растяжимо — отъ года до сорока лѣтъ. Въ среднемъ оно не превышало шести лѣтъ.

Условія службы и жизни въ Конго были очень тяжелыя, особенно вначалѣ: экваторіальный климатъ, сырость, всевозможныя болѣзни, милліоны вредныхъ насѣкомыхъ разносящихъ заразу, всевозможные гады, пауки, скорпіоны, отсутствіе даже примитивнаго комфорта, свѣжихъ продуктовъ, всякой культурной жизни и общества, въ частности женскаго — все это частично учитывалось въ условіяхъ найма. Отпуска были обязательные для сохраненія здоровья. Съ улучшеніемъ условій жизни «карьера» правительственной службы въ 10 лѣтъ продолжалась на 15, 18 и 23 года съ 1920 до 1934 года. Сама повышенная Колоніальная пенсія была расчитана на быструю смертность заслужившихъ ее, въ Бельгійскомъ Конго въ особенности.

Вдоль судоходныхъ рѣкъ на которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, протекала служба, климатъ былъ самый плохой: утромъ пронизывающій туманъ, потомъ баня, затѣмъ жара и прилипшая къ тѣлу рубашка. Только послѣ 10 часовъ вечера было немного легче и можно было болѣе свободно дышать.

На плоскогоріяхъ климатъ былъ пріемлемый, болѣе сухой; подъ вечеръ, при небольшомъ вѣтрѣ, казалось даже прохладно. Въ нѣкоторыхъ районахъ, какъ, напримѣръ, около озера Киву (1.500 и больше метровъ высоты) климатъ былъ отличный для тѣхъ кто могъ переносить высоту выше 500 метровъ.

Всюду было много дождей и очень частые «торнады» съ проливнымъ дождемъ. На солнцѣ днемъ всюду была жара.

Болѣзни всѣ были налицо, включая сонную, проказу, пьянъ, малярію, гематурію, филаріатозу, микро-филаріатозу, биларціозу и всевозможныя накожныя болѣзни. Многія изъ нихъ практически неизлѣчимы или сказываются долгіе годы изнуряя организмъ. Несмотря на прекрасно поставленную бельгійцами медицинскую помощь и оборудованіе госпиталей (все даромъ для негровъ), смертность все же велика, въ особенности для тѣхъ, кто послѣ долгаго пребыванія въ Конго возвращается «на покой» въ Европу.

Главные пути сообщенія въ Конго — это рѣки. Рѣка Конго, пересѣкающая экваторъ съ юга на сѣверъ, а затѣмъ вторично, съ сѣвера на югъ, ея притоки, озера и ихъ притоки, была предметомъ изученія Гидрографіей (Сервисъ Хидрографикъ), какъ въ цѣляхъ улучшенія навигаціи, такъ и съ чисто научной цѣлью. Одной изъ главныхъ работъ была картографія, т. е. мѣстная тріангуляція со связью съ основными тріангуляціонными вышками, мѣстная топографія, промѣры и вообще всякія работы связанныя съ рѣчной гидравликой.

Изученіе рѣкъ и озеръ производилось Научными Бригадами («Бригадъ д'этюдъ») либо на специальныхъ пароходахъ — Бализерахъ — либо на спеціально оборудованныхъ баржахъ. На Бализерахъ былъ одинъ капитанъ (иногда съ помощникомъ-ученикомъ) морской офицеръ или Капитанъ Дальняго Плаванія (Скандинавы въ большинствѣ, но были и бельгійцы и итальянцы). Научныя Бригады состояли обыкновенно изъ трехъ европейцевъ и тридцати негровъ. Каждая Бригада имѣла въ своемъ распоряженіи нѣсколько моторныхъ лодокъ и мелкихъ плавучихъ средствъ. Иногда тѣ

же Бригады становились «рабочими бригадами» и строили плотины, взрывали камни, завѣдывали траленіемъ и сооруженіемъ различныхъ построекъ для концентраціи воды въ одномъ мѣстѣ и вытаскиваніемъ деревьевъ упавшихъ въ реку. Бализеры иногда служили какъ лоцмана для трудныхъ фарватеровъ.

Въ большинствѣ случаевъ, службой въ Бельгійскомъ Конго морскіе офицеры были довольны. Отношеніе было хорошее и лояльное, но, особенно вначалѣ, была зависть скандинавовъ, замѣняемыхъ болѣе образованнымъ элементомъ, а затѣмъ зависть молодыхъ бельгійскихъ инженеровъ и вообще спеціалистовъ, «мѣста» которыхъ русскіе офицеры занимали. Все же, ни въ одной колоніи другихъ національностей иностранцы не достигали командныхъ должностей наравнѣ съ уроженцами, какъ это было возможно въ Бельгійскомъ Конго.

До 1-й Міровой войны почти всѣ офицеры арміи и капитаны пароходовъ были исключительно скандинавы, почтичто всѣ доктора—итальянцы и почти всѣ инженеры—швейцарцы. Только Администрація и Юстиція были бельгійцами. Средній уровень ихъ (кромѣ Юстиціи) былъ весьма низкій, такъ какъ въ то время изъ Бельгіи въ Конго ѣхали только авантюристы, бандиты, подсудимые или тѣ, отъ которыхъ ихъ семьи или сама Бельгія хотѣли избавиться. Бѣлыхъ женщинъ вообще не было, а тѣ кто были — были еще болѣе низкаго круга чѣмъ ихъ мужья, даже губернаторы. Только въ 1922 г. началась генеральная чистка персонала съ назначеніемъ Генеральнымъ Губернаторомъ графа Липпенсъ — весьма богатаго и потому независимаго человѣка.

Замѣна скандинавовъ русскими не проходила гладко. Скандинавы имѣли «своихъ» людей въ Министерствѣ Колоній и всячески старались очернить русскихъ морскихъ офицеровъ и ихъ работу. Дѣло дошло до того, что пришлось подать въ судъ на главнаго директора персонала въ министерствѣ за дифамацію и распространеніе ложныхъ слуховъ.

Кромѣ упомянутаго числа морскихъ офицеровъ, въ Конго перебывало до 200 русскихъ эмигрантовъ: нѣсколько сухопутныхъ офицеровъ, а въ дальнѣйшемъ, въ особенно-

сти, агрономовъ и кончившихъ курсы въ Бельгіи инженеровъ, нѣсколько «проспекторовъ» (золотые, ураніумъ и другіе пріиски), нѣсколько лицъ получившихъ земельныя концессіи для плантацій, нѣсколько служащихъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ, нѣсколько докторовъ и сестеръ милосердія. Пріѣхавшихъ на свой счетъ дѣльцовъ или коммерсантовъ не было.

Во время 2-й Міровой войны захватъ нѣмцами Бельгіи и ея короля создали вначалѣ нерѣшительность — съ кѣмъ идти? Присутствіе въ Конго большого числа итальянцевъ, про-германскихъ шведовъ и ихъ протестантскихъ миссій, въ особенности про-германскія симпатіи прогрессивнаго фламандскаго большинства, клонило къ анти-союзническимъ демонстраціямъ. Но нѣсколько мѣстныхъ «путчей», произведенныхъ военными частями и образованіе въ Лондонѣ Національнаго Правительства, повернуло Конго въ сторону союзниковъ. Все же, положеніе было серьезнымъ, ибо при малѣйшемъ желаніи итальянцевъ воевать, они могли бы съ двумя десятками аэроплановъ изъ Абиссиніи съ небольшимъ десантомъ и сотней парашютистовъ — занять безъ боя все Конго. Но они этой попытки не сдѣлали.

Кромѣ недостатковъ въ продуктахъ, «войны» въ Конго почти-что не чувствовали. Въ кратковременные отпуска ѣздили въ Южную Африку.

Очутившись внѣ опеки Метрополіи, Бельгійское Конго, богатая страна, быстро пошла въ гору и доказала, что можетъ, и хорошо, жить безъ этой опеки, управляемая своимъ мѣстнымъ правительствомъ, конечно Европейскимъ. Если бы, послѣ войны, Метрополія согласилась бы на такой шагъ, желаемый всѣми въ Конго, то безобразія черной «независимости» не произошло бы.

Въ 1960 году все кончилось «независимостью» и хаосомъ, которому теперь конца не видно. Кампанія «анти-колоніализма» и надежда на «рынокъ» способствовали коммунистической пропагандѣ для изгнанія бѣлыхъ, главнымъ образомъ, конечно, бельгійцевъ, изъ Конго. Соревнованіе двухъ политическихъ и лингвическихъ партій въ Бельгіи завершило огромную ошибку — предоставленія самостоя-

тельности дикарямъ и насажденія абсурднаго для нихъ понятія «демократіи», для которой и значительно болѣе культурные народы еще не созрѣли.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ МОРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ ВЪ БЕЛЬГІЙСКОМЪ КОНГО СЪ 1920 ПО 1960 г.

Ниже сего перечислены имена 21 морского офицера и ихъ дѣятельность, приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ ихъ прибытія въ Конго:

1. Мичманъ В. И. Шигаевъ (МК-14-2) — съ 1920 по 1934 годъ изъ Даніи. Сначала плавалъ пом. капитана на правительственномъ каботажномъ суднѣ вдоль берега между Конго и смежными колоніями Атлантики. Въ 1922 г. зачисленъ въ Гидрографію, сначала Нижняго Конго, затѣмъ Верхняго Конго и его притоковъ. Съемка, промѣры, картографія, изученіе рѣчныхъ характеристикъ и ихъ возможныхъ улучшеній. Умеръ въ Брюсселѣ въ 1943 г. отъ послѣдствій сонной болѣзни.

2. Мичманъ Д. И. Ососовъ (МК-15). Съ 1920 по 1960, изъ Даніи. Сначала въ Гидрографіи Нижняго Конго, съ 1922 въ Гидрографіи Верхняго Конго какъ Помощ. Нач. Бригады по улучшенію навигаціи. (Бригадъ д'этюдъ — БЭ — въ отличіе отъ бализажа — работы съ вѣхами, буями, створами и т. п. — БА). Съ 1924 г. Начальникъ Гидрографіи всего Конго, (кромѣ мореходнаго участка), всѣхъ притоковъ Конго, озеръ Танганайка, Кива и др. въ чинѣ Главнаго Гидрографа. Плавучій составъ этой службы включалъ болѣе 20 пароходовъ, нѣсколько землечерпалокъ и прочихъ спеціальныхъ судовъ. Непосредственно участвовалъ и руководилъ всѣми работами по рѣчной гидравликѣ, постройками для углубленія фарватеровъ, топографіей и гидрографіей новыхъ участковъ навигаціи, постановкой маяковъ на озерѣ Танганайка и многихъ другихъ весьма интересныхъ научно-гидрографическихъ изысканіяхъ. Съ 1942 г .въ чинѣ Гидрографъ Аншефъ. Личный составъ доходилъ до 22 бѣлыхъ и 600 негровъ. Перечисленіе этихъ работъ и изысканій даетъ понятіе вообще о дѣятельности БЭ, въ которыхъ участво-

вали наши офицеры. Въ 1950 г., за выслугой лѣтъ и всѣхъ офиціальныхъ отсрочекъ вышелъ въ отставку на полную пенсію, поселился въ собственномъ домѣ (теперь пропавшемъ) въ Вукаву на озерѣ Киву и съ 1952 по 1960 г. служилъ въ частной компаніи по постройкѣ шоссейныхъ дорогъ въ этомъ районѣ, сначала топографомъ, затѣмъ на адмимистративной должности. Въ маѣ 1960 окончательно покинулъ Конго и переѣхалъ на жительство въ Калифорнію, США, главнымъ образомъ из-за климата и этимъ, навѣрное, «обманулъ» расчетъ фонда Колоніальной пенсіи.

3. Кап. 2 р. М. М. Четверухинъ (МК-07). Съ 1922 по 1935 г. изъ Бельгіи. Нач. Гидрографіи участка Луалаба (на службѣ ж. д. компаніи «Большихъ озеръ), въ 1932 г. перешедшимъ въ вѣдѣніе Правительства. Потомъ Нач. Средней лоцъ-дистанціи «ВА». Былъ серьезно раненъ черным изъ команды его корабля, эвакуированъ въ Бельгію съ пенсіей. Скончался 12.III.61 въ Брюсселѣ.

4. Мичманъ Н. Дьяковъ (1918) съ 1922 по 1924 изъ Франціи. Нач. Верх. Лоцъ-дистанціи «ВА» на участкѣ Лео-Станъ. Неполадилъ съ Администраціей.

5. Лейт. Смирновъ (МК-12?) былъ нѣсколько лѣтъ помощникомъ кап. 2 р. Четверухина. Покинулъ Конго по семейнымъ обстоятельствамъ.

6. Кап. 1 р. В. Г. Антоновъ (МК-01) съ 1922 по 1935. Послѣдній командиръ л. к. «Слава». Капитанъ пароходовъ компаніи «Ситасъ» на участкѣ Лео-Станъ. Умеръ въ Брюсселѣ 26.IX.54.

7. Мичманъ С. С. Шестопаловъ (17-ОГК), съ 1922 по 1933. Капитанъ пароходовъ компаніи «Ситасъ». Въ 1936 г. вернулся въ Конго проспекторомъ, потомъ обосновался въ районѣ Киву, имѣя нѣсколько лавокъ для негровъ. Послѣ смерти жены въ 1957 г. застрѣлился и похороненъ въ Вукаву.

8. Лейт. И. К. Знаменскій (МК-14/1) съ 1927 по 1934, изъ Бельгіи. Нач. Лоцъ-дистанціи на участкѣ Лео-Станъ на р. Касаи, Р. Ититбири (БА и БЭ) Нижняго Конго. Проживаетъ въ Калифорніи, США.

9. Лейт. Г. М. Сазоновъ (МК-13) съ 1925 по 1934. Изъ Бельгіи.

10. Кап. 2 р. баронъ П. Л. Унгернъ-Штернбергъ (МК-02) съ 1925 по 1933 изъ Франціи. Капитанъ пароходовъ О-ва «Сонатра» на участкѣ Лео-Станъ. Умеръ во Франціи.

11. Ст. лейт. С. Л. Мазировъ (МК.-99), съ 1925 по 1929, изъ Франціи, капитанъ пароходовъ О-ва «Сонатра», потомъ коммерсантъ на р. Санкуру. Обзавелся многочисленной негритянской семьей, кажется тамъ же и умеръ.

12. Мичманъ М. Красновъ (МК-17) съ 1925 по 1933, изъ Бельгіи. Былъ капитаномъ пароходовъ въ разныхъ компаніяхъ, послѣ различныхъ неудачныхъ предпріятій вернулся въ Бельгію, гдѣ и умеръ.

13. Мичманъ графъ Толстой (МК-16) съ 1925 по 1929 изъ Франціи. Въ Гидрографіи Нижняго Конго. Вернулся въ Европу гдѣ умеръ отъ чахотки.

14. Мичманъ А. А. Хохловъ (МК-15) съ 1925 по 1933, въ Гидрографіи Нижняго Конго, сталъ спеціалистомъ по геодезіи. Въ 1936 г. получилъ мѣсто въ компаніи Грандъ-Лэкъ, гдѣ былъ капитаномъ парохода. По семейнымъ обстоятельствамъ вернулся въ Бельгію, затѣмъ вернулся въ Конго гдѣ, кажется, еще проживаетъ.

15. Ст. лейт. В. И. Марковъ (МК-14) съ 1925 по 1934 г. изъ Бельгіи. Въ Гидрографіи Верх. Конго въ БЭ и БА. Умеръ въ Брюсселѣ до 2-й Міровой войны отъ послѣдствій заболѣваній въ Конго.

16. Ст. лейт. Н. Л. Поздеевъ (МК-07) съ 1925 по 1935. На службѣ въ алмазныхъ пріискахъ «Діаманта», на частномъ пріискѣ въ Бельг. Конго, въ коммерч. предпріятіи на верх. теченіи р. Касаи. Умеръ въ Конго.

17. Лейт. П. П. Ковалевскій (МК-09) съ 1925 по 1928 г. изъ Бельгіи. Завѣд. технич. конторой на постройкѣ жел. дор. «ВеСеКа» отъ Верх. Касаи пров. Катанга. Умеръ въ Конго въ 1929 г.

18. Контръ-адмиралъ Б. А. Вилькитскій (МК-03) съ 1926 по 1928 г. въ Гидрографіи Нижн. Конго «БЭ» какъ Нач. Бригады. Умеръ въ Брюсселѣ 6.11.61.

19. Контръ-адмиралъ А. А. Пчельниковъ I (МК-1900) съ 1927 по ? какъ Колонъ около Элизабетвилля, пров. Катанга.

20. Мичманъ Б. П. Штукенбергъ (ОГК-15) съ 1927 по 1929 на изученіи постройки жел. дор. отъ озера Киву до Тнпганайки. Проживаетъ въ Нью Йоркѣ, США.

21. Мичманъ (?) Нитэ, съ 1927 по 1935 изъ Бельгіи, на службѣ въ земельной компаніи.

22. Мичманъ Ф. Домелунгсенъ (МК-20) — плавалъ капитаномъ на пароходахъ частныхъ компаній Верх. Конго.

Инж. мех. И. Т. Зубковъ (МИУ-16) съ 1929 по ? — служилъ въ пароходной компаніи Верхняго Конго.

Первымъ русскимъ котораго знали въ Конго и о которомъ вспоминали съ восхищеніемъ — Никитинъ, офицеръ казакъ, бывшій въ Конго еще до 1-й Міровой войны.

БИБЛІОГРАФІЯ

М. Д. КАРАТЕЕВЪ. «БОГАТЫРИ ПРОСНУЛИСЬ»

Непредвидѣнныя обстоятельства, задержавшія на цѣлый годъ выходъ очередного номера «Морскихъ Записокъ» лишили редакцію возможности отмѣтить появленіе I-ой части историческаго романа М. Д. Каратеева — «Богатыри проснулись».

Помимо исторической цѣнности и блестящаго изложенія задуманной М. Д. Каратеевымъ трилогіи: — «Ярлыкъ Великаго Хана», «Карачъ Мурза» и «Богатыри проснулись», — нѣкоторыя обстоятельства въ біографіи автора привлекаютъ наше вниманіе: въ годы гражданской войны, будучи кадетомъ, М. Д. Каратеевъ служилъ одно время на экс. мин. «Безпокойный», а затѣмъ, окончивъ школу рулевыхъ и сигнальщиковъ на знаменитой «Поповкѣ», былъ на ней штатнымъ сигнальщикомъ.* Это была должность, требовавшая наблюдательности, точности, вниманія, бдительности и расторопности.

Думается, что служба во флотѣ въ молодые годы Михаила Дмитріевича отразилась на дальнѣйшей его дѣятельности какъ историка и писателя. Привычка къ неослабному вниманію даже къ мельчайшимъ деталямъ позволяла давать тщательно обработанную структуру въ изложеніи того или другого историческаго процесса.

Печатающаяся въ настоящее время въ журналѣ «Возрожденіе» вторая часть романа «Богатыри проснулись» настолько же увлекательна, какъ и предыдущіе труды автора. Будемъ надѣяться, что М. Д. Каратеевъ не ограничится этой трилогіей.

---

* Впослѣдствіи М. Д. Каратеевъ окончилъ Сергіевское артиллерійское училище и былъ произведенъ въ офицеры конной артиллеріи.

Produced by Rausen Language Division
150 Varick Street, New York, N.Y. 10013